

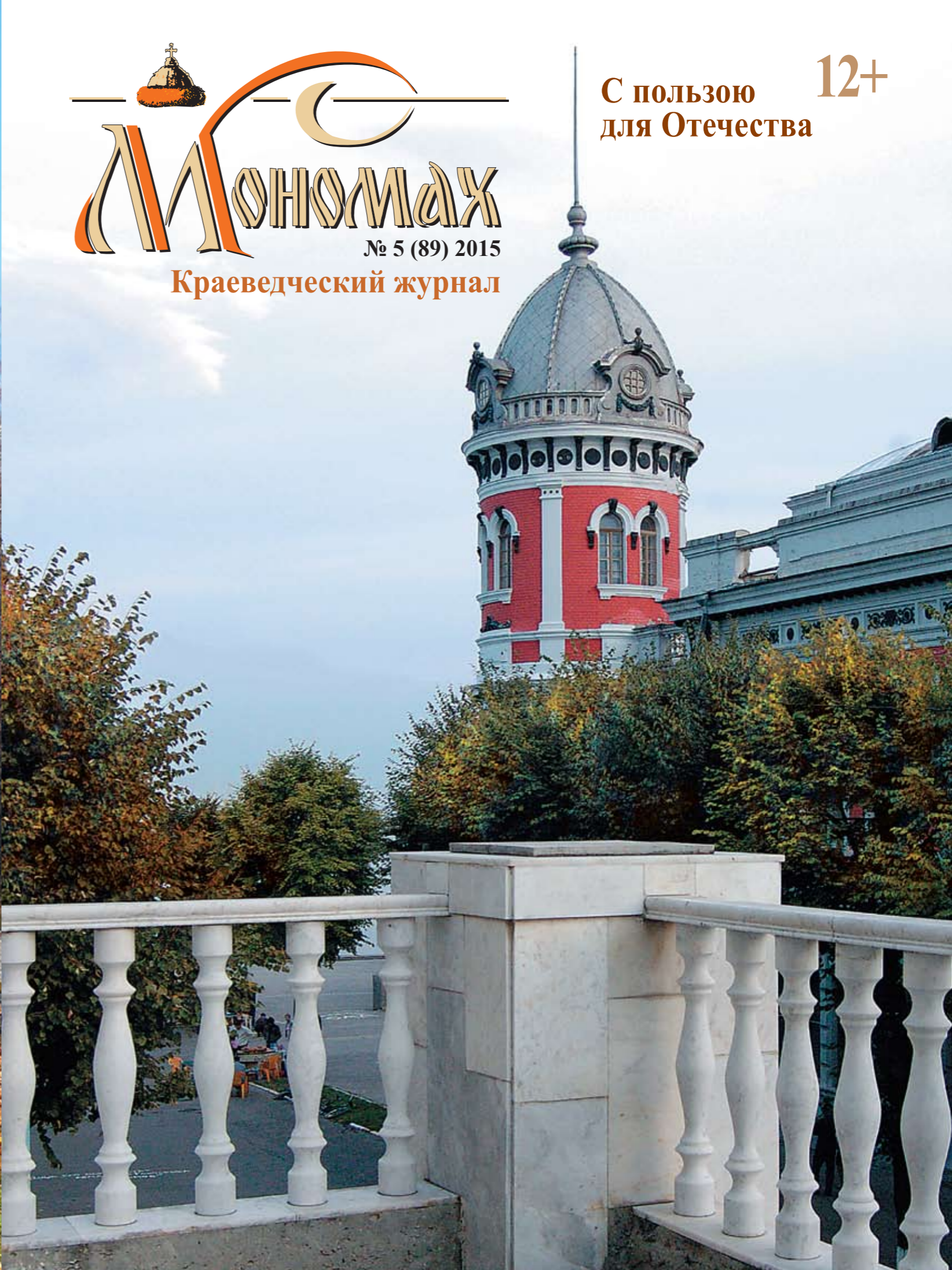


4 0 0 7 1 4 0 2 2 0 3 0 9



Мономах
№ 5 (89) 2015
Краеведческий журнал

С пользой
для Отечества **12+**





Выходит 6 раз в год

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

С.А. Ойкин

Е.Н. Сергеева

И.Э. Сивопляс

А.Ю. Шабалкин

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432011, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 54

Тел. (8422) 41-86-51

www.monomah.sis.net.ru;

www.ulpravda.ru/monomach

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 29.09.2015 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 1010

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ОАО «Областная типография

«Печатный двор»»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27

На 1 странице обложки –

Вид на Дом-памятник писателю И.А. Гончарову с балкона УОИБ им. В.И. Ленина.

Фото Сергея Ойкина

На 4 странице обложки –

фото Натальи Аргуткиной

Приобрести журнал в розницу
можно в отделениях почтовой связи,
в киосках «Симбирская печать», «Дома печати»,
в музейном магазине Дома И.А. Гончарова
(вход со стороны ул. Ленина, 138)
и в киоске Ленинского мемориала

Содержание:

120 лет Симбирской губернской учёной архивной комиссии

В. Егоров, Г. Романова. Живительные силы истории.....2

И. Курсанова. Создание губернских учёных архивных комиссий.....4

120 лет УОКМ

Ю. Володина. Музей вчера, сегодня и всегда.....6

Г. Иванушкина. Пока горит свеча.....8

И. Стеньшин. Свидетели древней истории.....10

И. Смирнова. Гончаровские реликвии.....12

Н. Мельникова. Татарский женский национальный костюм
в этнографической коллекции.....14

Г. Величина. Что это?.....16

О. Новопольцева.
Детективная история со множеством неизвестных.....18

Т. Громова. Тайны гербовых дворянских печатей.....20

120 лет коллекции УОХМ

Л. Баюра. Природное чувство к искусству
достигается всего успешнее музеями.....23

Т. Пономарёва. Из царских сервизов.....26

Т. Пономарёва. Веселее – мы в музее!.....27

О. Помогова. Музей для самых маленьких.....28

Е. Калашиникова.
От музейного экспоната к образовательному проекту.....29

Е. Сергеева. Картины мастеров супрематизма в Ульяновске.....30

Земляки

Н. Ларионов. Глашатай правды и свободы.....32

К. Новеньков. Акчурины – помещики, фабриканты и купцы.....34

Р. Макарова. Иван Юркин – этнограф и литератор.....36

Города и веси

В. Романова. Милая родина – село Еделево.....37

175 лет П.И. Чайковскому

С. Петров. Модест Чайковский в Симбирске.....41

Н. Иванова.
Михаил Казаков – любимый российский бас Пласидо Доминго.....44

Поиски и находки

А. Мокеев. Молельня Марковых.....45

Л. Брюхович. Личные книги знаменитых архитекторов.....54

С уважением к прошлому

А. Шабалкин. Война учителя Степанова.....47

Архипастыри

В. Радаев. Шестой епископ Симбирский и Сызранский Никандр.....49

Л. Лютов. Архиерей-новомученик.....50

О. Шейпак. Первые дни служения на земле Симбирской
митрополита Анастасия.....51

О времени и о себе. Интервью Нафанаила с митрополитом
Симбирским и Новоспаским Анастасием.....52

70 лет Великой Победы

Л. Берч. В боях за Кёнигсберг.....55

В. Будкевич. «Проверено военной цензурой».....58

М. Качалина. Похороненный дважды.....59

Ностальгия

А. Варфоломеева. История семьи длиною в век.....60

Прекрасное – рядом

Л. Янушевская.
Дом для горожан с «интеллигентными потребностями».....64

Уважаемые читатели!

Объявлена основная подписка на журнал «Мономах»
на I полугодие 2016 года

Подписной индекс 54840

Цена на 6 месяцев – 249 руб. 00 коп.

Редакционная подписка – в два раза дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону **8 (8422) 41-04-32;**

e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал по альтернативной подписке можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59; ул. Рябикова, 43;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 305 (тел. 20-16-40)
Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье, тел. 8 (8422) 41-01-41

Темы номера:



Из фондов УОХМ

Умывальный прибор: кувшин и блюдо. XIX век. Италия. Майолика

Симбирские коллекции

120 лет Симбирской
губернской учёной
архивной комиссии



Музей вчера,
сегодня и всегда

Краеведческому музею –
120 лет



С чего
начиналась
коллекция?

Из истории создания
художественного музея



Митрополит
Анастасий

Первые дни служения
на Симбирской земле



Живительные силы истории

Тысячелетия и века сменяют друг друга, стремительно мелькают года, и в толще этого времени живут люди, каждое поколение которых пытается познать историю предшествующей жизни, осмыслить истоки былых побед и причины поражений и несчастий, чтобы самим двигаться вперёд, не повторяя ошибок предков, а аккумулируя и развивая их лучший опыт.

Наша Россия – не исключение. Начиная с древнерусских летописцев, и особенно трудов М. Ломоносова, В. Татищева, Н. Карамзина и многих других учёных, история нашего Отечества приобрела логическую форму, наполнилась ярким содержанием, показывающим её великие и трагические страницы. И знание нашего прошлого даёт силы народам России настойчиво двигаться к лучшей жизни, преодолевать на этом пути все испытания и тяготы, побеждать в самых жестоких и кровопролитных войнах, и не только в рекордные сроки восстанавливать разрушенное хозяйство, но и на зависть всему миру строить транссибы, двигать вперёд науку и культуру, блистать полётами в космос.

Такова наша историческая традиция. Она распространяется не только на всю нашу страну, но живо и ярко проявляется в каждом из её регионов. Активное участие провинциальной общественности в научно-исторических обществах на рубеже XIX–XX веков было продиктовано горячим желанием сохранить культурно-историческое наследие своего края для изучения и популяризации его в широких слоях населения. Не случайно поэтому в далёком уже 1895 году в числе первых пятнадцати губернских

учёных архивных комиссий была создана Симбирская ГУАК. За короткий срок в её состав вступили десятки неравнодушных к отечественной истории людей из числа чиновников, интеллигенции, духовенства. Непременным попечителем комиссии являлся симбирский губернатор, а её первым председателем на протяжении двадцати лет был Владимир Николаевич Поливанов – выдающийся общественный деятель, археолог, коллекционер, основатель первого частного музея в Симбирской губернии. Комиссия пользовалась огромным авторитетом как в губернии, так и в России и за её пределами. Уже через десять лет работы Симбирская ГУАК имела в своём историческом архиве 410 старинных рукописей и столбцов, 3220 других документов. Одним из ключевых её дел стало сооружение Дома-памятника симбирскому уроженцу И.А. Гончарову.

По инициативе комиссии велись археологические раскопки, происходил сбор ценнейших предметов быта и искусства. Предметом особого внимания членов комиссии было познание истории народной жизни, это осуществлялось через обработку народных преданий, песен, сказаний, изучение письменных источников. Изучались

этнографические материалы, прежде всего с целью получения сведений о древнейших насельниках края. Члены комиссии расшифровывали, кто скрывается за названием «будины» у Геродота, за «аорсами» Страбона. В.Н. Поливанов даже выдвинул версию, что за будинами и аорсами скрываются булгары и буртасы.

В «золотое» десятилетие работы Симбирской губернской учёной архивной комиссии с 1895 по 1915 годы было издано несколько десятков книг по истории Симбирского края. Работы членов комиссии П.Л. Мартынова, В.Э. Красовского, А.Н. Зерцалова, А.К. Яхонтова, М.Ф. Суперанского, В.Н. Поливанова до сих пор являются образцами фундаментальных краеведческих исследований. Комиссия вела также активную просветительскую деятельность. В разное время почётными членами Симбирской ГУАК избирались первые лица российского государства и Министерства юстиции: председатель Совета министров П.А. Столыпин, министр юстиции Н.В. Муравьёв, управляющий архивом Министерства юстиции Д.Я. Самоквасов.

Таким образом, Симбирская губернская учёная архивная комиссия заложила основы научного изучения истории



и природных достопримечательностей края, внесла неоценимый вклад в сохранение ценнейших материальных свидетельств прошлого и шедевров изобразительного искусства для потомков. Её члены стали первопроходцами в формировании костяка краеведов, обеспечили сохранение для нас ценнейших знаний по истории края, внесли огромный вклад в формирование у тысяч симбирян-ульяновцев уважения и любви к своему родному краю. Именно благодаря комиссии были собраны воедино документальные коллекции и фонды будущего губернского, а ныне Государственного архива Ульяновской области, было положено начало коллекциям областных краеведческого и художественного музеев. Бескорыстная и подвижническая деятельность по «собираанию и изучению остатков старины» рассматривалась участниками СГУАК как общественный долг и почётная обязанность «служения на пользу родной стороны».

Но каждое время неизбежно вносит свои коррективы в мелодику русского патриотизма. Не секрет, что в России, особенно за последние десятилетия, в результате очернения собственного прошлого оказался во многом подорванным архетипический массив исконных ценностей, мотивов и смыслов жизни. В моду вошло насмешничество и ёрничество относительно любых, даже самых священных тем: герои стали превращаться в предателей, великие свершения – в ошибки, а то и преступления вождей и народа, а это неизбежно формировало, прежде всего у молодёжи, комплекс приниженности и неполноценности, разрушало смысловые основы патриотизма. Эти негативные тенденции затронули и Ульяновскую область, хотя здесь внимание к изучению истории региона и донесению её до населения традиционно уделялось и уделяется сейчас большое. За последние два десятилетия вышло несколько серьёзных обобщающих и других изданий по истории края, ежегодно проводятся краеведческие конференции, издаются десятки краеведческих книг и брошюр, по этой тематике организуются конкурсы на лучшие творческие работы среди студентов и школьников. Увлекательные материалы об истории, достопримечательностях природы, повествования о жизни и деятельности выдающихся и талантливых земляков публикуются в периодической печати и в электронных СМИ.

Важным шагом в активизации исследовательской и просветительской

деятельности в сфере изучения истории региона стало возрождение по инициативе губернатора региона С.И. Морозова Историко-архивной комиссии Ульяновской области, а также создание Института истории и культуры имени Н.М. Карамзина, региональных отделений исторического, военно-исторического обществ, ВООПИК, общества «Знание».

Радует заметно активизировавшаяся в последние годы работа Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории по введению в научный оборот и популяризации имеющихся в их фондах ценнейших документов. Именно они стали инициаторами сетевого проекта «Архивы – время, события, лица», в рамках которого оживилась работа по сбору и приёму на хранение уникальных документов из личных архивов граждан, проведены конкурсы исследовательских работ среди студентов и сочинений среди школьников на тему «Роль личности в истории: выдающиеся люди Симбирской–Ульяновской земли», осуществлена работа по составлению перечня малоисследованных тем в истории Симбирского–Ульяновского края. Он доведён до населения области и начал работать.

По инициативе Историко-архивной комиссии, регионального отделения Русского географического общества и при поддержке Института истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина в активной стадии реализации находится проект по созданию истории городов и сёл Ульяновской области. Активно включились в эту работу многие районные и городские отделения Историко-архивной комиссии, которые консолидируют имеющиеся в их распоряжении уникальные сведения и готовят первые наброски будущих статей. И очень важно, что многие из них к сбору исторической информации о своем селе, посёлке, деревне, о своих родных людях, соседях, которые сумели проявить себя в различных сферах жизни и производства, привлекают молодёжь. Каждое такое прикосновение их к настоящей истории, находящейся от них на расстоянии вытянутой руки, одаривает юные сердца животворным ощущением личной причастности к великим страницам истории нашей страны, неизбежно зарождает в них зёрна желания следовать за людьми, чьи славные дела и достижения заслуживают продолжения и развития.

Параллельно с этим проектом ведётся работа по созданию полной и научно-

выверенной истории муниципальных городов и районов региона. Итогом её станет издание многотомной истории городов и районов, которая послужит важным и необходимым фундаментом для формирования региональной идентичности.

В 2015 году, в год 120-летия со времени создания Симбирской учёной архивной комиссии, предполагается провести первый областной съезд краеведов и историков Ульяновской области. Важным событием этого года стало и создание в области общественного движения «За гордость и славу родного края», усилиями которого будут создаваться ещё более благоприятные условия для активного вовлечения молодёжи в уже перечисленные действующие проекты и новые, которые ещё предстоит создать. Точками консолидации станут предстоящие большие юбилейные даты, среди которых 100-летие Великого Октября, 150-летие В.И. Ленина, 100-летие образования СССР и работа по формированию в Ульяновске Музея СССР, проведение дважды в год дней исторического и культурного наследия Ульяновской области, преподавание во всех учебных заведениях курса краеведения и многое другое.

В российском национальном сознании понятие патриотизм, в первую очередь, заключается в естественном стремлении ставить на первое место в жизни общий интерес, готовность отказать от себя, пожертвовать в лихую годину всем ради страны. А время сегодня настойчиво требует от нас возвысить свой дух до понимания самых насущных российских и мировых проблем, во всей своей деятельности служить Отечеству, не допуская формализма, отдавать работе с молодёжью, с людьми свою душу, умножать энергию и инициативу, направлять их на создание в семьях, в каждом коллективе и населённом пункте атмосферу взаимоважания и товарищества, стремления сделать родной край благоустроеннее и краше. Подлинный патриотизм – это симбиоз, сплав любви к отчей земле с высокой ответственностью за её судьбу. Наш великий земляк Н.М. Карамзин утверждал, что «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях». Именно этого ждёт от нас сегодня страна и история.

**Вячеслав Егоров,
Галина Романова**

Фото Сергея Ойкина

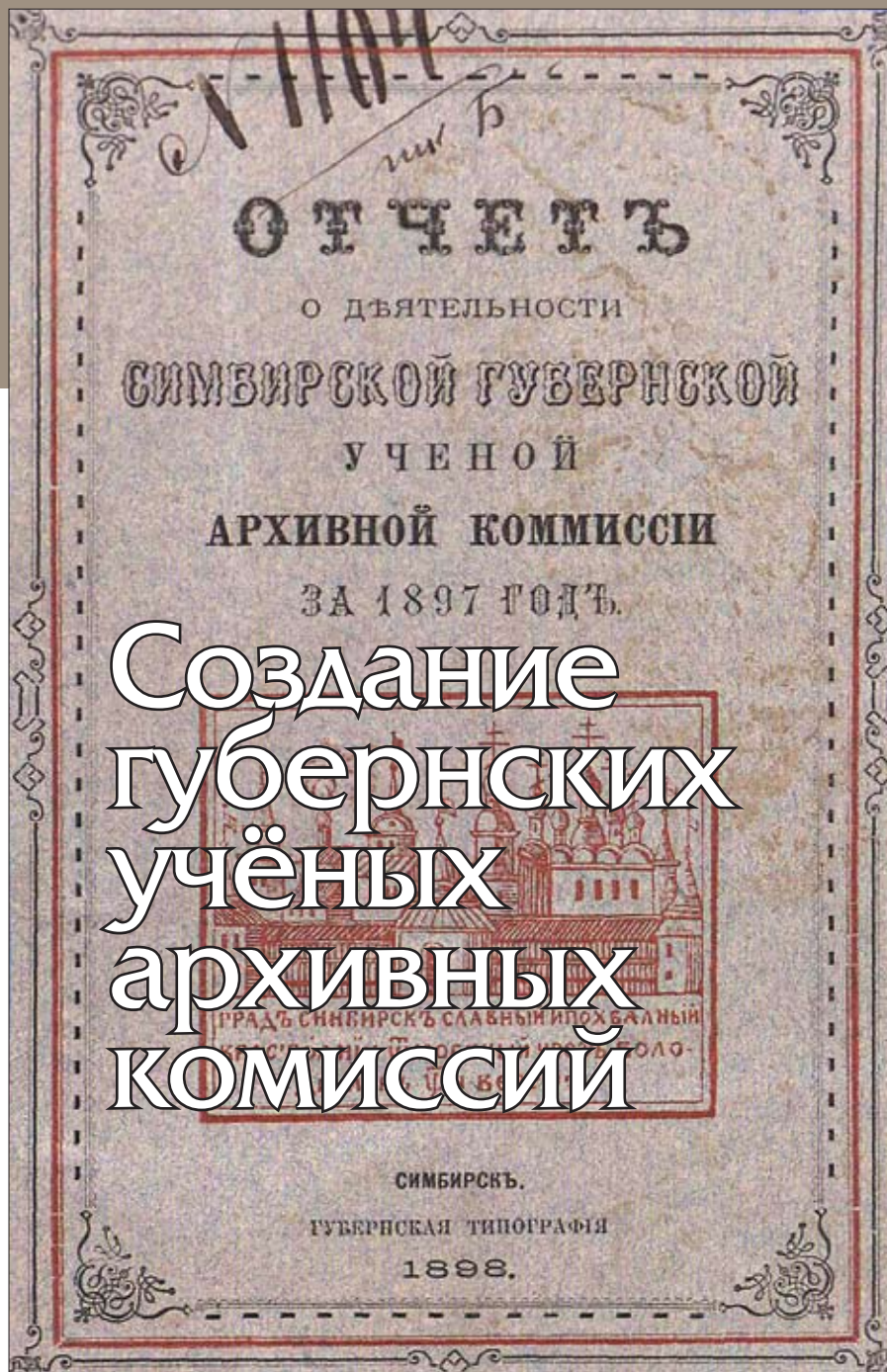
Во второй половине XIX века в России возрос интерес к местной истории и историческим источникам, поэтому создание архивных комиссий было продиктовано велением времени.

Губернские архивные комиссии были созданы на основе Положения Комитета министров «Об исторических архивах и учёных архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 года. Их главной задачей стало сохранение и спасение русской старины и воспитание уважения к родной истории. Попыткой централизовать архивное дело стал императорский указ 1884 года о разрешении создавать губернские учёные архивные комиссии, общественные организации, объединяющие любителей старины и призванные «сбирать и приводить в порядок архивные дела», а для их хранения образовывать исторические архивы. Идею создания губернских архивных комиссий выдвинул известный русский юрист, краевед и археограф академик Н.В. Калачёв. На комиссии возлагались задачи: создать губернский исторический архив, собрать сведения о древних памятниках края и открыть музей, способствовать распространению археологических и исторических сведений.

На местах стали создавать губернские учёные архивные комиссии. Их деятельность контролировалась губернаторами. Первыми стали работать Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тверская (с 1884 года). К 1917-му комиссии существовали уже в 41 губерниях. Симбирская губернская учёная архивная комиссия была двенадцатой в стране.

Более чем тридцатилетний период существования губернских учёных архивных комиссий (1884–1917) является интересной и важной страницей в истории архивного дела дореволюционной России. Не исключение и Симбирская губернская учёная архивная комиссия, которая стала уникальной общественной организацией, оставившей глубокий след в культуре губернии.

Симбирская губернская учёная архивная комиссия (СГУАК) была открыта 30 июля 1895 года с разрешения министра внутренних дел «с историческим при ней архивом и музеем». Как отмечает О.Р. Хасянов, «целью комиссии было собиране, изучение,



Создание губернских учёных архивных комиссий

охрана письменных и вещественных памятников Симбирской губернии, издание печатных работ по истории края», «возвышение среди народа как образованности вообще, так и любви к своей родине и, в особенности, к своей местности, которую так сильно развивает наглядное изучение их истории и памятников».

Первое заседание Симбирской губернской учёной архивной комиссии состоялось 30 июля 1895 года. На нём присутствовали губернатор В.Н. Акинфов, директор Императорского археологического института А.И. Труворов, председатель первой в России Тверской архивной комиссии А.К. Жизневский и 34 представителя симбирского общества. Все лица, подписавшие

ходатайство о создании архивной комиссии, а также те, кто присутствовал на первом заседании, стали её членами-учредителями.

Председателем архивной комиссии был избран В.Н. Поливанов – симбирский помещик, археолог и видный общественный деятель. Товарищем председателя избрали И.А. Иванова – управляющего Казённой палатой, правителем дел – Д.И. Сапожникова, секретаря Казённой палаты.

В архивную комиссию входили действительные и почётные члены. Действительные члены избирались на заседании архивной комиссии тайным голосованием и утверждались директором Императорского археологического института. Действительные члены



уплачивали годовой взнос не менее трёх рублей. Наряду с действительными членами избирались и почётные члены архивной комиссии. К 1917 году членами Симбирской архивной комиссии состоял 141 человек.

Симбирская губернская учёная архивная комиссия была одной из наиболее благополучных в финансовом отношении и результативной по научным исследованиям и просветительской деятельности. В научный оборот были включены сотни документов центральных и местных архивов. С 1901 года началось издание «Архива Симбирского окружного суда». С 1898 года начал выходить сборник «Материалы исторические и юридические бывшего приказа Казанского дворца», где были опубликованы главным образом фамильные архивы. Были изданы архивы А.П. Языкова, П.С. Таушева, С.А. Пантусова и других.

Члены архивной комиссии провели гигантскую работу по разбору, изучению и публикации архивных документов. Только в архиве А.П. Языкова хранилось около 1000 документов, 290 из них были опубликованы. Среди этих документов было обнаружено свидетельство сосланного в Симбирскую губернию вице-президента Академии художеств А.Ф. Лабзина «О целебных свойствах Ундоровских вод». В 1950-е годы с этим свидетельством ознакомился замечательный ульяновский врач Е.М. Чучкалов. Он отправил ундоровскую воду на исследование в Москву. Её целебные свойства подтвердились, и в результате мы имеем уникальный Ундоровский курорт.

Члены архивной комиссии разрабатывали многие вопросы истории края. За первое десятилетие своего существования архивной комиссии удалось издать более 30 книг и брошюр.

Симбирская архивная комиссия всегда являлась связующим звеном между краеведами. Члены комиссии обследовали состояние губернских и уездных ведомственных архивов, занимались сбором и изучением письменных памятников. Собранная ими коллекция скорописных документов XVII–XVIII веков из-за плохой организации хранения в первые годы советской власти оказалась разрозненной, и ныне документы хранятся в Государственном архиве Ульяновской области, областном краеведческом музее, областной библиотеке. В Госархиве эта коллекция описана, включена в фонд СГУАК и служит источником для изучения истории нашего края.

Документы, собранные комиссией в личных архивах дворян и помещиков, как например, Языковых, князя В.И. Баюшева, В.П. Юрлова, генерал-майора П.Н. Ивашева, помещик С.А. и Е.М. Перси-Френч и других, хранятся в госархиве как самостоятельные личные фонды.

С целью распространения научных знаний об истории города архивная комиссия организовала празднование нескольких значимых юбилейных дат. Прежде всего, это 250-летие основания Симбирска (1898). К юбилею были изданы труды по истории города, организована выставка в залах Дворянского собрания, прошло торжественное заседание архивной комиссии. В 1912 году было широко отмечено 100-летие со дня рождения И.А. Гончарова. Главным событием этого юбилея стала закладка Дома-памятника писателю и организация юбилейной выставки.

Одной из главных задач, которую ставили перед собой члены Симбирской губернской учёной архивной комиссии, было издание научных трудов и публикация документов по истории Симбирской губернии. Почти все активные члены комиссии занимались издательской деятельностью. Книги по истории Симбирска, уездных городов губернии, сёл, описания церквей, монастырей, сведения о раскопках курганов, городищ, подготовленные и изданные членами комиссии, и по сей день представляют большой интерес для исследователей истории нашего края.

Эти издания распространялись не только на территории губернии. Комиссия использовала свои связи со многими научными учреждениями России, осуществляя обмен материалами с Академией наук, Археологической комиссией, Санкт-Петербургским политехническим институтом, Обществом археологии, истории и этнографии, МАМЮ, Русским генеалогическим обществом, Обществом истории, философии и права при Варшавском университете, Украинско-русским научным товариществом им. Шевченко в г. Львове, со многими учёными архивными комиссиями.

Библиотека комиссии в течение десяти лет составлялась почти исключительно из пожертвований и книг, присылаемых в обмен на издания. Следует отметить весьма ценные издания, присылаемые Императорским московским археологическим обществом, Императорской археологической комиссией, Императорским русским историческим обществом и другими учреждениями.

Деятельность губернских архивных комиссий прекратилась в 1918 году, однако Симбирская губернская учёная архивная комиссия продолжала свою работу до 1920 года. Последний сохранившийся протокол заседания СГУАК, написанный рукой её последнего председателя Павла Любимовича Мартынова, датирован 27 июня 1920 года.

Самым трудным периодом в истории архивной комиссии были 1917–1921 годы. В это время её и возглавил П.Л. Мартынов. Главными задачами архивной комиссии в это время стали спасение памятников истории и искусства, развитие музея архивной комиссии и перевод его в Дом-памятник И.А. Гончарову, построенный специально для музея архивной комиссии.

Несмотря на громадные финансовые трудности (после Октябрьской революции архивная комиссия лишилась дотаций МВД, Министерства юстиции, земства и городов), Симбирская губернская учёная архивная комиссия успешно справилась с этими задачами. Она проработала 25 лет, её вклад в развитие нашего краеведения и культуры края огромен.

1 июня 1918 года был издан Декрет СНК РСФСР за подписью В.И. Ленина «О реорганизации и централизации архивного дела», который заложил основы архивного устройства.

Сегодня общество проявляет большой интерес к архивным документам. В связи с этим, продолжая исторические традиции, постановлением губернатора Ульяновской области от 26 декабря 2005 года № 246 была создана архивная комиссия Ульяновской области.

В январе 2006 года было разработано положение о комиссии, утверждённое распоряжением губернатора, и обозначены основные направления её деятельности. Архивная комиссия получила статус общественного научно-консультативного совета при губернаторе. В качестве сопредседателей её возглавляли губернатор Ульяновской области С.И. Морозов и председатель Законодательного собрания Ульяновской области Б.И. Зотов.

В состав комиссии входили представители государственных структур, учёные, краеведы, работники архивов, библиотек и музеев, учебных заведений, занимающиеся непосредственными практическими изысканиями по истории края – всего 30 человек.

Ирина Курсанова,
пресс-секретарь ГАУО



Фото Сергея Ойкина

Музей вчера, сегодня и всегда

Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова – один из старейших в Поволжье, ведёт свою историю с декабря 1895 года, когда был создан историко-археологический музей Симбирской губернской учёной архивной комиссии.

Основу коллекции музея заложили частные пожертвования, самыми крупными из которых были археологическая коллекция В.Н. Поливанова и нумизматическая – А.В. Толстого. В пополнении фондов музея в дальнейшем активно участвовали П.Л. Мартынов, А.К. Яхонтов, В.Э. Красовский и многие другие исследователи истории и природы Симбирского края.

В начале XX века в Симбирске были созданы ещё два музея: естественно-исторический и церковный. В марте 1918 года было принято решение об их

объединении и создании единого Народного музея. Музей не раз менял своё название, краеведческим он стал называться с 1932 года, а в 1956 году музею было присвоено имя И.А. Гончарова.

С 1918 года музей располагается в Доме-памятнике И.А. Гончарову, построенном специально для музея архивной комиссии.

В настоящее время фонды музея насчитывают более 142 тысяч музейных предметов. Уникальную часть фонда составляют археологическая и палеонтологическая коллекции; коллекции

нумизматики, народного костюма, оружия; собрания редких книг, фотографий, документов, изобразительных материалов; памятники естественной истории и материальной культуры, отражающие развитие природы и истории региона.

Симбирский-Ульяновский край славен замечательными людьми, поэтому личные коллекции музея разнообразны и уникальны. Особую значимость имеют коллекции писателя Ивана Гончарова; учёного-орнитолога, охотоведа и исследователя Севера Сергея Бутурлина; декабриста Василия



Современная экспозиция краеведческого музея



Ф.А. Долгов – главный хранитель музея с 1969 по 2006 год.
Фото 1990 года

Фото Юрия Белозёрова

Ивашева; личные архивы учёного-энтомолога, профессора Александра Любичева; изобретателя-самоучки Ефима Горина и др. Значительную часть собрания музея составляют материалы ульяновцев – участников Великой Отечественной войны, среди которых – материалы генерал-майора авиации Ивана Полбина, дважды Героя Советского Союза.

За время своего существования музей активно развивался. Значительное пополнение фондов и разнообразие музейных коллекций создали условия для создания филиалов.

В 1974 году появился первый филиал – музей «Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП», в 1982 году – музей И.А. Гончарова, в 1990 году – Ундоровский палеонтологический музей, в 1999 году – Литературный музей «Дом Языковых»; в 2003 году в рабочем посёлке Языково открыт музейный комплекс «Усадьба Языковых».

В 2012 году музей Гончарова, занимавший лишь часть первого этажа дома, где родился писатель, был преобразован в многофункциональное учреждение «Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова». Он целиком занял мемориальный дом, отреставрированный за счёт федерального и регионального финансирования к юбилею писателя. Уникальное авторское решение использования современных информационных технологий сделало новую экспозицию музея информационно ёмкой, интересной для

посетителей разных возрастных и социальных групп.

Своей популярностью у жителей и гостей города и области, успешной и плодотворной деятельностью музей обязан высокопрофессиональному коллективу сотрудников.

Сегодня основные усилия музея направлены на формирование культурной среды региона: организует и проводит ежегодные всероссийские Гончаровские праздники и Обломовские фестивали, увлекательные вечерние

акции «Ночь в музее» различной тематики, создаёт разнообразные интерактивные выставки. Выполняя свою образовательную миссию, музей, кроме привычных экскурсий и лекций, проводит встречи со знаменитыми земляками в проекте «Портрет нашего современника», занятия со школьниками по абонементным программам, реализует проект «Семейный музейный марафон».

В последние годы музей всё чаще выходит на всероссийскую и международную арену. Он стал центром по изучению жизни и творческого наследия И.А. Гончарова, проводя Международные Гончаровские конференции и организуя вручение Международной Гончаровской премии в области литературы. Учёные-орнитологи со всего мира собираются здесь на традиционные Бутурлинские чтения.

Музей расширяет контакты с федеральным центром и ведущими музеями страны, сотрудничает с частными коллекционерами, привлекая интересные передвижные выставки.

Сегодня очень важно, чтобы с подлинными предметами истории и культуры народов, населяющих наш регион, хранящимися в областном краеведческом музее, познакомились самые широкие круги нашего общества и особенно молодое поколение, которое должно знать историю своего народа и своих предков.

Юлия Володина,
директор УОКМ имени И.А. Гончарова

Часы настольные. Швейцария.
XIX век



Пока горит свеча

*«Быт, нравы, обычаи – всё сменилось...
Одни вещи стали ненужными, другие изменились,
третьи, может быть, вернуться. И всё это вместе
составляет картину города, которого уже нет...».*
Д. Гранин. «Ленинградский каталог»

Музеи разного профиля, от самых первых в Древней Греции и Риме до современных, являются, образно говоря, своеобразными каталогами человеческой памяти. Не исключение и краеведческие музеи, в том числе Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова, отмечающий в этом году 120 лет со дня своего основания. За это время он собрал немало экспонатов – более 140 тысяч!

Почти половина разнообразных коллекций Ульяновского областного краеведческого музея относится к памятникам материальной культуры, запечатлевшим прошлое Симбирской-Ульяновской земли: мебель и предметы интерьера, орудия труда, образцы продукции предприятий, посуда, музыкальные инструменты, фотоаппараты и т.п. Они могут, как на волшебной машине времени, унести нас в далёкие столетия и в сравнительно недавние времена.

Значительная часть этих богатств до появления в залах музея ожидает своей встречи с посетителями в музейном хранилище – фондах. Многие среди тех, кто побывал в фондах краеведческого музея, признаются, что здесь не менее интересно, чем в экспозиционных залах, но доступ сюда ограничен. Сегодня на страницах журнала предоставляется возможность «заглянуть»

Канделябр.
Франция.
Первая четверть
XIX века



в музейные запасники и познакомиться с коллекцией осветительных приборов. Она насчитывает более 150 образцов: керамические масляные светильники из археологических раскопок, железные кованые держатели для лучин – свечцы, бытовавшие в крестьянских избах вплоть до начала XX века, напольная, настенная, настольная, потолочная осветительная арматура для свечей, керосиновых и электрических ламп.

Говоря об источниках света в быту, стоит вспомнить, что само понятие «свет» очень сложное, многоплановое. Его можно рассматривать в культурно-философском, психологическом, духовном смысле, ведь слово «святой» тоже происходит от слова «свет». Свет это и природное явление, предмет физических исследований.

Интересно, что в утилитарном плане долгие столетия слова «свет» и «огонь» были синонимами, начиная от первобытных костров, античных масляных ламп, средневековых факелов до пламени свечей: сальных, восковых, парафиновых, стеариновых.

Источнику света соответствовали и осветительные приборы. Время господства свечных осветительных приборов XVII – первая половина XIX века.

Сегодняшний рассказ о настольных многосвечниках конца XVIII – первой четверти XIX века. Поводов поговорить именно о них несколько.

Эти образцы осветительных приборов вызывают особый интерес, по праву их можно назвать настоящими «аристократами» в нашей коллекции, включающей в основном предметы массового производства. Эффектные и торжественные, выполненные с большим художественным вкусом и мастерством, они были великолепным украшением аристократического интерьера!

Немаловажно и то, что в 2012–2014 годах они получили второе рождение благодаря реставрационным работам, проведённым музейным художником-реставратором А.Ю. Кузнецовым и специалистами из ООО НПРФ «Реставрация» (г. Саранск). Последних позволило привлечь к реставрации участие музея в федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» в рамках реализации «Плана основных мероприятий празднования 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина».

Итак, знакомьтесь.

Парные **канделябры** (название происходит от латинского слова *candela* – свеча) выполнены из бронзы с золочением в виде фигуры античной крылатой богини победы Ники, укреплённой



на цилиндрическом постаменте. Кончиками пальцев ног она опирается на шар, аллегорически олицетворяя неустойчивость и мимолётность славы, которую приносит победа. На голове богиня держит вазу с цветами и пятью разветвляющимися стеблями с подсвечниками. Изогнутые формы дополнены растительным декором. Каждый элемент декоративно проработан: украшен рельефом, чеканкой.

Клеймо изготовителя на канделябрах отсутствует. Но... В Книге поступлений указана страна изготовитель – Франция. Можно предположить, по аналогии с подобными образцами из других музеев, что канделябры имеют отношение к всемирно известной французской мастерской высококлассного виртуозного бронзовщика Пьера-Филиппа Томира. Его изделия времён Наполеона I задавали тон в европейской моде, с охотой приобретались они и в России как русским императорским двором, так и частными лицами.

Не уступает канделябрам и пара жирандолей, каждая на две свечи. Они тоже «французской работы», так записано в учётной документации...

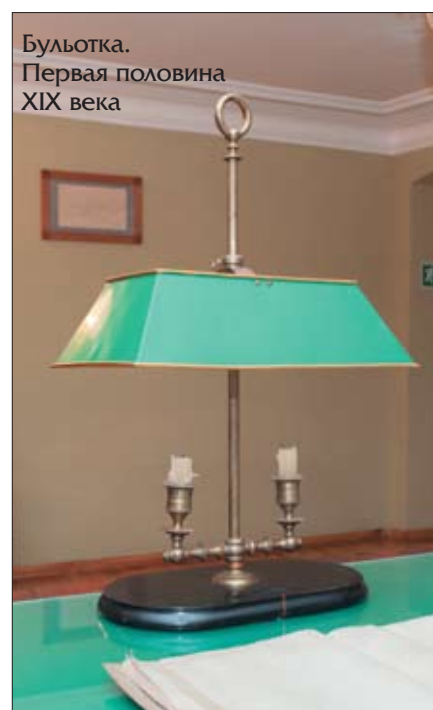
«Жирандоль» от французского *girandole* – огненное колесо. Первоначально это фейерверк в виде струй фонтана. Позднее – название светильника, который действительно внешне напоминает миниатюрный огненный фонтан: вокруг центральной оси (стояна) укреплены на тонких изогнутых металлических спицах гранёные хрустальные подвески – «дождь». Хрусталь – не только изысканный декор, придающий красоту и блеск, он усиливает свет, отражая огонь свечей в своих гранях. Попробуйте произнести по слогам «жиран-доль», сочетание звуков похоже на звонкий перелив колокольчиков, а может, капель воды. Если хрустальный «дождь» придёт в движение от дуновения воздуха или прикосновения, то едва уловимый звон можно и услышать.

Канделябры и жирандолы освещали нижнюю часть интерьера. Их использовали в парадных покоях знати, как правило, парами, ставили на каминные доски, консольные столы, геридоны – специальные подставки на одной ножке в виде колонны. Часто для большей яркости освещения светильники сочетали с настенными зеркалами.

Музейные учётные номера говорят о том, что канделябры и жирандолы появились в музее после революции 1917 года и Гражданской войны, они уже значатся в Описи музейного собрания 1934 года. К сожалению, мы не



Жирандоль.
Конец XVIII –
начало XIX века



Бульотка.
Первая половина
XIX века

знаем имена владельцев – симбирских дворян или купцов – и симбирские адреса, откуда они попали в Народный музей. Но можно точно отметить, наши земляки ни в чём себе не отказывали и, не уступая столичным вкусам, приобретали для симбирских особняков престижные модные и дорогие заграничные вещицы.

Представляя следующую пару, можно вспомнить название кружка, в котором состоял молодой Пушкин, – «Зелёная лампа». На рубеже XVIII–XIX веков лампы называли подсвечники на несколько свечей на подставке с непрозрачным металлическим абажуром зелёного цвета, который свободно двигался по вертикальному стержню. Мы имеем две «зелёных лампы» на две и на три свечи. Такие лампы ещё называли **бульотками**. Название дала популярная карточная игра «бульот». Лампу-бульотку ставили в центре карточного стола с зелёным суконным покрытием, её зелёный абажур в цвет сукна располагался на такой высоте, что тень падала на лица игроков, т. к. смотреть в глаза партнёру считалось неприличным, а вот руки и карты были ярко освещены. Можно только догадываться свидетелями каких симбирских драм и выигрышей были наши бульотки.

Со временем подсвечники-бульотки стали традиционными на столе у русского чиновника, приобретали их и для личных кабинетов и библиотек, то есть помещений для работы. Рассеянный свет не напрягал глаза, а письмо

и текст на бумаге были хорошо видны. Поэтому мы поместили бульотку на две свечи в мемориальной части экспозиции Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова, в кабинете отца писателя.

Любопытно, что традиция кабинетного использования «зелёных ламп» сохранялась в нашей стране в советское время: электрические лампы с зелёным стеклянным колпаком неизменно стояли на рабочих столах партийных работников и государственных служащих.

Отреставрированные осветительные приборы, в том числе вышеназванные, уже не раз могли увидеть посетители областного краеведческого музея: на выставке «Время славы и восторга», посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 года, выставке «Бенефис музейных раритетов», в партнёрских выставочных проектах «Н.М. Карамзин и его время», «Герой нашего времени – портрет, но не одного человека...» – совместно с Государственным историческим музеем, Объединением государственных литературных мемориальных музеев Пензенской области.

Надеемся, что наши экспонаты найдут своё место в новых экспозициях и выставках, их ждёт долгая музейная жизнь ещё одно столетие.

Галина Иванушкина,

заведующая отделом
научно-фондовой работы УОКМ

Фото Сергея Ойкина



Скелет пещерного медведя



Череп ихтиозавра
Simbirskiosaurus biryukovi



Фрагмент черепа ихтиозавра
Leninia stellans

Палеонтологическая коллекция Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова является одной из уникальнейших в России. В настоящее время она насчитывает свыше двух тысяч единиц хранения. Большая часть коллекции – раковины, ядра, отпечатки ископаемых беспозвоночных и кости древних позвоночных животных. Изумительная сохранность этих останков в глинах и конкрециях (стяжениях горной породы) отмечалась многими исследователями ещё с середины XIX века.

Основу палеонтологической коллекции составляют материалы, находившиеся ранее в коллекции Симбирской губернской учёной архивной комиссии и Симбирского естественно-исторического музея. Из отчёта о деятельности музея (11 апреля 1910 года) мы узнаём, что господином Жанэрэ был прочитан реферат «Геологический и палеонтологический очерк Среднего Поволжья» и докладчик, одновременно с пожертвованием своей палеонтологической коллекции, предложил основать особый отдел геологии, минералогии и почвоведения имени симбирского уроженца геолога Петра Михайловича Языкова. В 1911 году эта коллекция пополнилась

крупными коллекциями К.К. Гильзена, К.П. Фаворина и Н.В. Красовского. Отдел имени Языкова в музее был открыт и доступен для обозрения публики. Это была достойная оценка выдающегося исследователя нашего края. В этом отделе активно работал Глеб Степанович Рогозин, который своими сборами в результате исследований геологии и палеонтологии Симбирской губернии значительно пополнил музейную коллекцию.

На всём протяжении формирования палеонтологической коллекции ощущался недостаток помещений для её хранения и работы с нею. В 1913 году отдел им. П.М. Языкова был переведён в особое помещение во дворе дома

бывшего провизора Филиппа в Беляевском переулке (ныне ул. Матросова). В этом же году отдел пополнился систематической палеонтологической коллекцией, выписанной из Швейцарии (фирма Гребель, Вендлер и К° в Женеве), насчитывающей 318 предметов, а также из местной ископаемой фауны поступило около 15 пудов костей мамонта, носорога, быка и прочих животных. Также была получена коллекция из музея Академии наук (96 единиц хранения).

Отдел имени П.М. Языкова существовал в Симбирском естественно-историческом музее вплоть до 1918 года, до объединения в единый «Народный музей» с музеями Симбирской



губернской учёной архивной комиссии и церковным в Доме-памятнике И.А. Гончарову.

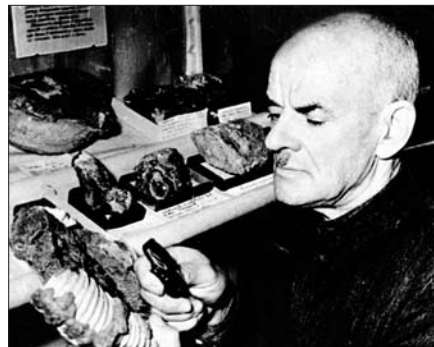
Крупные вклады в палеонтологическую коллекцию были сделаны в конце 1930-х – начале 1960-х годов местными краеведами В.И. Апраксиным (667 ед.) и К.А. Кабановым (409 ед.). Ряд геологических и палеонтологических материалов поступает в коллекцию в результате экспедиции музея летом 1961 года в Сурский и Карсунский районы Ульяновской области (67 ед.). В последующие годы палеонтологическая коллекция регулярно пополняется материалами, переданными как сотрудниками музея, так и жителями города и области, неравнодушными к природе и истории Симбирского-Ульяновского края.

Поступление палеонтологических материалов значительно учащается с 1980-х годов. В результате систематических наблюдений геологических разрезов береговой полосы правобережья Куйбышевского водохранилища В.М. Ефимовым в коллекцию начинают поступать ископаемые животные юрского и мелового периодов. Под руководством Владимира Михайловича при Дворце пионеров (ныне областной Дворец творчества детей и молодёжи) начинает работать клуб «Плутония», многие из воспитанников которого продолжают заниматься палеонтологическими наблюдениями и сбором окаменелостей на территории Ульяновской области по настоящее время. Особая роль принадлежит И.А. Шумилкину и Г.Н. Успенскому, которые оказали наиболее существенный вклад в формирование современного облика палеонтологической коллекции и продолжают передавать материалы до сих пор. Среди переданных ими материалов нужно отметить огромное число раковин ископаемых головоногих моллюсков – аммонитов, многие из которых имеют удивительную сохранность. Отдельные переданные экземпляры оказались ранее не известными для науки и были впервые описаны как новые представители этой группы. Гордостью палеонтологической коллекции остаются переданные ими два практически полных скелета морских ящеров – ихтиозавр *Otschevia alekseevi* и пока не описанный представитель крупнейших морских хищников того времени плиозавров. Сохранность костей и полнота скелетов этих животных практически не имеет равных в мире.

Существенный вклад в палеонтологическую коллекцию музея был сделан

краеведом В.А. Кривошеевым, который также являлся воспитанником клуба «Плутония». Многие из переданных им раковин аммонитов по сохранности не имеют равных.

В ноябре 1987 года Ленинградский горный институт имени Плеханова передал в фонды Ульяновского областного краеведческого музея часть палеонтологической коллекции, собранной на территории Симбирской губернии в начале XIX века лично Петром Михайловичем Языковым (50 ед.). В основном в этой коллекции находятся останки беспозвоночных: раковины головоногих моллюсков аммонитов и белемнитов, раковины двустворчатых моллюсков, панцири морских ежей, окаменелое дерево, чешуя рыбы на породе и другие окаменелости. На всех экспонатах поставлены старые номера. Также сохранилось 20 этикеток, написанных рукой Языкова.



К.А. Кабанов

В 1992 году в фонды Ульяновского областного краеведческого музея поступает коллекция музея природы 31-й школы, на базе которой под руководством учителя С.Е. Бирюкова работал геологический кружок. Собранная на территории Ульяновской области и далеко за её пределами природная коллекция насчитывает около 1200 экспонатов, значительную часть которой составляют образцы горных пород и окаменелости. Среди последних есть и уникальные. Однажды во время одного из многочисленных походов Сергей Емельянович с ребятами нашёл на волжском берегу череп и другие останки ископаемого морского ящера ихтиозавра. Как оказалось позднее, это был совершенно новый для науки вид животного. Ящер был описан саратовским профессором Очевым и ульяновским геологом Ефимовым и назван в честь первооткрывателя как *Simbirskiosaurus biryukovi*, что в переводе с латыни означает «симбирский ящер Бирюкова».

В 1990 году из Зоологического музея АН СССР (г. Ленинград) в коллекцию передаются рог шерстистого носорога и шерсть мамонта с подшёрстком на кусочке кожи, найденные в районах вечной мерзлоты Якутии и полуострова Таймыр. В 2000 году в дар музею передаётся кусок кожи мамонта, найденного в 1983 году у посёлка Кулар Якутии.

Большой вклад в формирование палеонтологической коллекции был сделан сотрудниками камнеобрабатывающих предприятий города. В результате систематических сборов подлодного камня с береговой полосы Куйбышевского водохранилища с середины 1990-х было собрано огромное количество редких и ценных для науки представителей ископаемой фауны. Среди наиболее уникальных экспонатов нужно отметить фрагмент черепа ихтиозавра с сохранившимся склеротическим кольцом (тонкая костяная пластинка с отверстием в середине, которая полностью отвечает строению самого глаза и по сути является его внутренней, защитной структурой). В ходе изучения международной группой учёных в 2012 году стало ясно, что это новый представитель ихтиозавров семейства офталмозаврид. Коллегиально было принято решение назвать ихтиозавра в честь нашего земляка В.И. Ленина. Новому ихтиозавру присвоили название *Leninia stellans*, что означает «звёздный» или «блистательный Ленин».

В 1999 году Департаментом по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ в музей передаётся скелет пещерного медведя, найденный в четвертичных отложениях Пермского края. Скелет является собирательным. Он возник из останков нескольких особей, недостающие части которых выполнены из пластика скульпторами Санкт-Петербурга. Подобными экспонатами обладают немногие музеи нашей страны.

Таким образом, палеонтологическая коллекция Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова является одной из лучших в стране. Накопленный материал по ископаемым организмам обязательно во всей красе и масштабах должен предстать перед жителями города и области в виде Палеонтологической галереи, которая с гордостью будет носить имя своего родоначальника Петра Михайловича Языкова.

Илья Стеньшин,
заведующий сектором
«Палеонтологическая галерея» УОКМ

Гончаровские реликвии

Фото Сергея Ойкина



Статуэтки-карикатуры на И.А. Гончарова и Ф.В. Булгарина

Коллекция гончаровских реликвий в Ульяновске – одна из крупнейших в России. Так сложилось, что коллекция музея намного старше самого музея. В 1892 году, через год после смерти И.А. Гончарова (1812–1891), экономка писателя А.И. Трейгут в дар симбирской Карамзинской общественной библиотеке передала его последнюю прижизненную фотографию работы петербургского фотографа А.И. Денъера. Фотографию обрамляет серебряный венок, возложенный на гроб писателя студентами Петербургского университета.

Фотография была прислана в Симбирск неслучайно. В Карамзинскую общественную библиотеку И.А. Гончаров ещё при жизни передал всю свою личную библиотеку. Эта фотография и положила начало формированию уникального собрания гончаровских реликвий в Симбирске-Ульяновске.

Заметно активизировалась работа по сбору материалов о Гончарове после создания в Симбирске учёной архивной комиссии (1895). По её инициативе началась подготовка к празднованию 100-летнего юбилея И.А. Гончарова (1912). В то время ещё были живы близкие Гончарову люди: его племянники, воспитанники, друзья. Их дары заложили основу гончаровской коллекции в Симбирске. Именно тогда, с 1901-го по 1914 год, в Симбирскую учёную архивную комиссию поступили наиболее ценные предметы.

Племянница писателя Е.М. Кирмалова в 1901-м и 1906 годах передала раскрашенные статуэтки-карикатуры на И.А. Гончарова и Ф.В. Булгарина работы известного художника-карикатуриста Н.А. Степанова. Статуэтки были выполнены Степановым в конце 1840-х годов, когда он выпустил целую серию статуэток-карикатур (более 80-ти) на известных деятелей русской культуры. И.А. Гончаров приобрёл статуэтки и прислал в подарок семье сестры Александры Александровны Кирмаловой в 1849 году. Уникальным статуэткам более полутора веков.

В 1907 году племянник писателя А.Н. Гончаров передал в распоряжение архивной комиссии тетрадь в тёмно-коричневом кожаном переплёте с тиснением и медной застёжкой, так называемый «Летописец семьи Гончаровых». Это своего рода домашний хронограф.



Летописец семьи Гончаровых

Такие или примерно такие книги были в десятках, сотнях русских семей. Начал вести «Летописец» дед писателя Иван Иванович Гончаров (1710–1790) в 1728 году. Тогда восемнадцатилетний солдатский сын Иван Гончаров приобрёл эту тетрадь и в течение нескольких лет переписал туда «Книгу Страстей Христовых», «Повесть о крёстном сыне», «Летописец Московский», куда внёс события, начиная от «Адама до потопа» и заканчивая восшествием на престол Анны Иоанновны. С 1732 года на свободных страницах тетради Иван Иванович начинает записывать сведения о своём продвижении в военной службе, о рождениях детей, о смерти

родных, небесные знамения. Кратко описывает события Пугачёвского восстания. Гончаровы вели свой семейный дневник на протяжении полутора веков, правда с большими перерывами – в годы и даже десятилетия. Есть в нём и запись о рождении будущего великого русского писателя, сделанная рукой отца: «1812 года июня 6 дня родился сын Иван а именинник июня 24 дня». Последняя запись в «Летописце» сделана племянником писателя А.Н. Гончаровым в 1889 году.

В июне 1912 года во время юбилейных торжеств, посвящённых 100-летию со дня рождения И.А. Гончарова, в Симбирске была организована большая выставка, рассказывающая о жизни и творчестве писателя. Она открылась в доме Дворянского собрания и была первой попыткой собрать воедино сохранившиеся после ухода из жизни Гончарова окружавшие его в петербургской квартире вещи, рукописные, изобразительные и другие материалы, хранившиеся у родных и близких, а также в музеях и библиотеках. К открытию выставки был составлен подробный каталог, включавший 189 экспонатов.

Особую ценность представляли предметы из дома, где родился будущий писатель. Их уцелело всего три. Кроме «Летописца», были переданы два портрета первой четверти XIX века: матери писателя Авдотьи Матвеевны Гончаровой (1784–1851) и его крёстного отца и воспитателя, симбирского



дворянина, капитан-лейтенанта в отставке Николая Николаевича Трегубова (1771–1849). Они сохранились в семье племянника писателя В.М. Кирмалова и были переданы его вдовой Д.Л. Кирмаловой.



Неизв. художник.
Портрет
Н.Н. Трегубова



Неизв. художник.
Портрет
А.М. Гончаровой

После закрытия юбилейной выставки часть вещей была возвращена владельцам. Но целый ряд из них поступил на хранение в фонды архивной комиссии.

Личные вещи писателя и других членов семьи Гончаровых продолжали поступать в собрание Симбирской учёной архивной комиссии и позднее.

В 1913 году в распоряжение архивной комиссии был передан портрет старшего брата писателя, преподавателя симбирской мужской классической гимназии Николая Александровича Гончарова (1808–1873), написанный в первой половине XIX века неизвестным художником. Портрет сохранился в семье крестницы Н.А. Гончарова княгини В.М. Чегодаевой.

Особенно значительным было поступление от экономки Гончарова А.И. Трейгут, которая унаследовала обстановку его петербургской квартиры. В 1914 году она передала в Симбирск семь акварельных морских пейзажей, привезённых И.А. Гончаровым из путешествия на фрегате «Паллада», портрет И.А. Гончарова, написанный его другом петербургским художником Н.А. Майковым в 1860 году, четыре кресла орехового дерева.

Предполагалось включить все собранные в Симбирске предметы в постоянную экспозицию музея, который должен был разместиться в заложенном в дни юбилейных торжеств 1912 года Доме-памятника И.А. Гончарову. Осуществить этот замысел удалось лишь в 1918 году, когда в Доме-памятнике был организован единый «Народный музей». В центральном зале здания была создана «Гончаровская комната». В 1932 году в связи с вселением

на второй этаж Дома-памятника художественного музея «Гончаровская комната» вошла в его состав, а в 1954 году её материалы были возвращены в краеведческий музей, размещавшийся на первом этаже здания. Около тридцати лет в краеведческом музее существовала Комната памяти И.А. Гончарова, где были представлены уникальные экспонаты.

Гончаровская коллекция значительно пополнилась в процессе создания музея И.А. Гончарова (с 1976-го по 1982 год), который разместился на первом этаже дома, где родился писатель.

Многолетняя кропотливая работа создателей музея с архивами писателя, его рукописями, эпистолярным наследием, настойчивый, непрекращающийся поиск потомков родственников и близких И.А. Гончарова в конце концов дали свои результаты. Сначала никто и мечтать не мог о том, что через столько лет после кончины писателя удастся отыскать уникальные гончаровские реликвии, не известные ранее исследователям его жизни и творчества. Однако удалось найти потомков старшего брата писателя, двух его сестёр и потомков любимой воспитанницы, у которых сохранились бесценные для музея документы и вещи. Нужно отметить большой вклад в работу по поиску потомков семьи Гончаровых научного сотрудника музея Ю.М. Алексеевой.

Первыми на газетные сообщения о создающемся в Ульяновске музее откликнулись потомки младшей сестры писателя Анны Александровны Музалевской – семья Музалевских из Москвы. От них поступила целая коллекция фотографий, документов и вещей из дома Музалевских в Симбирске. Эти вещи окружали писателя, когда в приезд 1862 года в родной город он работал в их доме над романом «Обрыв». Украшением музея стали парные портреты Анны Александровны Музалевской и её мужа симбирского врача Петра Авксентьевича Музалевского, написанные в Москве в конце 1860-х годов неизвестным художником.

У другой сестры Гончарова – Александры Александровны Кирмаловой – было пятеро детей. Сейчас её потомки живут в Москве, Петербурге, Н. Новгороде. Все они стали большими друзьями музея. Кирмаловы безвозмездно передали в Ульяновск свои семейные архивы, благодаря чему музей, например, стал обладателем двух неизвестных писем Гончарова сестре, написанных в феврале и октябре 1861 года.

В 1991 году сотрудникам музея удалось найти во Франции потомков старшего брата писателя Николая Александровича Гончарова. Его единственная внучка Елизавета Александровна Гончарова училась в университете г. Нанси и в 1907 году вышла замуж за профессора математики Поля Симона. Потомки их четырёх сыновей живут во Франции, но с 1992 года часто приезжают в Ульяновск. Они привозят материалы из семейных архивов, которые помогают познакомиться с историей французской ветви семьи Гончаровых: документы, фотографии, книги, личные вещи.

Как известно, у И.А. Гончарова не было своей семьи, но с 1878 года на его попечении остались трое детей внезапно умершего камердинера Карла Людвиг Трейгута. Благодаря Гончарову дети слуги получили хорошее образование. Семье Трейгут он завещал всё своё состояние и обстановку петербургской квартиры. Весной 1891 года, ещё при жизни писателя, любимица Гончарова Александра Карловна Трейгут вышла замуж за преподавателя Петербургской консерватории А.Д. Резвцова. Благодаря стараниям заведующей методическим отделом Ульяновского краеведческого музея М.М. Савич и директора музея М.Х. Валкина удалось найти потомков Александры Карловны Резвцовой. В 1977 году они передали в музей коллекцию гончаровских вещей, состоящую из 18 предметов. В их числе трость писателя, стакан с серебряным подстаканником, золотые часы швейцарской фирмы «Генри Мозер», три японских шкатулки, фотографии Гончарова последних лет жизни.

Гончаровские реликвии продолжают пополнять коллекцию музея и в наши дни. Так, семья Резвцовых в 2007 году передала в дар музею сервировочную тарелку, которая принадлежала Гончарову. В 2002 году в музей поступила шкатулка, привезённая писателем из путешествия в Японию. Её передала потомок А.А. Кирмаловой Е.А. Понтер из Санкт-Петербурга.

В настоящее время коллекция подлинных предметов, документов, фотографий, принадлежавших И.А. Гончарову и его семье, насчитывает более 140 единиц хранения. Большая их часть представлена в новой экспозиции Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова, созданной к 200-летию со дня рождения писателя.

Ирина Смирнова,

заведующая Историко-мемориальным центром-музеем И.А. Гончарова

Татарский женский национальный костюм в этнографической коллекции



Женская рубаша кулмек. Первая половина XIX века

«По своему этнографическому составу население Среднего и Нижнего Поволжья представляет необыкновенное разнообразие... В ходе истории заселения края всё новые народные населения, перемешиваясь постепенно со старожилами, образовали такую пёструю этнографическую смесь, какую едва ли можно встретить в какой-либо другой области Европейской России...»

В.П. Семёнов-Тян-Шанский

За свою 120-летнюю историю Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова собрал богатую этнографическую коллекцию. Её начало было положено в 1895 году Симбирской учёной архивной комиссией пожертвованиями граждан. Частью этнографической коллекции является коллекция национального костюма, которая на сегодняшний день насчитывает более 500 предметов (народная одежда, образцы вышивок, полотенца). Основная часть коллекции датируется XIX – началом XX века, а отдельные предметы – XVIII веком.

Ульяновская область, в прошлом Симбирская губерния, многонациональна. Сегодня в регионе проживает более 100 народов. Исторически сложилось, что самыми многочисленными национальностями региона являются русские, татары, чуваша и мордва. Костюм каждой из национальных групп самобытен.

Коллекция татарской одежды насчитывает около 30 предметов, в основном татар-мишарей, и является уникальной.

Комплекс татарского женского костюма состоял из туникообразной рубашки, нагрудника, надевавшегося под рубашку или на неё, фартука или безрукавки – камзола. Видами обуви были лапти (чабата), сапоги (ичеги/ичиги) – с высокими голенищами из мягкой натуральной кожи, украшенные мозаикой или вышивкой, читеки (сапоги из грубой кожи), туфли-башмаки. Дополнялся комплекс татарского женского костюма разнообразными украшениями: головными, шейно-нагрудными и другими.

Коллекция татарского костюма начала формироваться из поступлений в музей Симбирской учёной архивной комиссии, в XX веке пополнялась в ходе экспедиций сотрудников по населённым пунктам области с компактным проживанием татарского населения:

с. Старая Кулатка и р.п. Старотимошкино (Барышский р-н) – за счёт закупок у населения.

В фондах музея хранятся калфак, украшенные вышивкой бисером, и рубаша кулмек, характерные для конца XIX – начала XX вв. Интерес



Калфак.
Конец XIX – начало XX вв.



Кукракче.
Конец XIX – начало XX вв.



для исследователей представляют женские нагрудники и детали нагрудников: нижних – «кукракче» и верхних – «изю», с вышивкой рельефной гладью золотой канителью и растительным орнаментом.

Дополняют женский татарский костюм камзолы (праздничные и повседневные), а также сапожки ичиги, выполненные в технике разноцветной кожаной мозаики. Кроме предметов одежды есть и образцы рукоделия татар-мишарей, в основном представленные вышитыми домоткаными полотенцами (солге). Концы полотенца украшены геометрическим орнаментом в технике выборного ткачества и вышивкой тамбурным швом с многоцветным растительным узором.

В составе коллекции есть два музейных предмета, которые выделяются из общего ряда. Это калфак и рубаха кулмек, которые по технике изготовления и цветовой гамме не относятся к одежде татар-мишарей, а характерны для одежды казанских татар. Головной убор калфак (XVIII – 1-я половина XIX века) украшен аппликацией в редкой ушковой технике, вышивкой из бисера, блёсток, вставками из стекла и бирюзы в металлической оправе. В ушковой технике узоры создавались из кусочков шёлковых (атласных) лент или ткани, которые пришивались к поверхности декорируемого изделия свёрнутыми «ушком». Получались рельефные лепестки, из них компоновались узоры в виде цветков. Сейчас эта техника почти утрачена, в Татарстане пытаются её возродить.

Женская рубаха кулмек из парчи персикового цвета датируется 1-й половиной XIX века. Это длинное, свободного покроя «платье» с широкой оборкой по подолу, с широкими длинными рукавами. Рубаха украшена нагрудной вставкой «изю» и тесьмой.

Интересна история атрибуции этих предметов. Предположительно, именно калфак и рубаха положили начало формированию коллекции татарского костюма в нашем музее, но в Книге поступлений музея, которая начала оформляться в 1930-е годы, были сделаны ошибочные описания: рубаха кулмек записана как «облачение мусульманского священнослужителя», а калфак – как «шапка муллы». Основанием для таких записей, очевидно, послужили дорогие ткани, изысканный декор и особенности кроя.

Ошибка атрибуции калфака была исправлена сотрудниками Ульяновского краеведческого музея при составлении



Калфак.
XVIII – первая половина XIX века

научного описания в 1980-е годы. Кулмек удалось правильно атрибутировать лишь недавно с помощью сотрудников Национального музея Республики Татарстан М.В. Ледяевой и М.К. Завьяловой. По их сведениям, рубахи подобного кроя очень редки. На данный момент известно, что одна находится в Национальном музее Татарстана, а вторая – в фондах Ульяновского краеведческого музея.

Возникает вопрос: как одежда, характерная для казанских зажиточных татар, могла оказаться в Симбирской губернии. Мы предположили, что эти вещи могли принадлежать семье Акчуриных.

Акчурины – это известный в Симбирской губернии и за её пределами род потомственных богатейших купцов (в частности Юсуф Сулейманович имел лавку в Нижнем Новгороде и дом в Казани), фабрикантов, многие из которых занимались просветительской и благотворительной деятельностью.

Одним из известных представителей рода Акчуриных был Хасан Тимербулатович Акчурин, купец 1-й гильдии, совладелец «Товарищества Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных» и «Торгово-промышленного товарищества Тимербулата Акчурина», меценат, коллекционер. Он был организатором исторического музея в селе Гурьевка Карсунского уезда (ныне Барыш). По приглашению

Хасана Тимербулатовича в этом селе в 1908(?) гостил поэт Г. Тукай.

Возможно, калфак и кулмек поступили в наш музей из собрания выше-названного музея в селе Гурьевка. Подтверждением этой версии может быть запись в документации Ульяновского областного художественного музея, куда при разделении музеев был передан калфак (шапка муллы) как образец декоративно-прикладного искусства: «Из собрания Акчурина», время поступления «1921 г.». В 1960 году калфак был возвращён в краеведческий музей, но без указания этих сведений.

И в наше время потомки Акчуриных играют видную роль в различных областях научной, общественной жизни России. 28 мая – 1 июня 2015 года в Ульяновске состоялась международная научная конференция «Юсуф Акчур: наследие и современность», приуроченная к 80-летию со дня смерти известного деятеля Татарстана и Турции Юсуфа Акчуры (1876–1935), в рамках которой работала выставка подлинных материалов семьи Акчуриных из фондов нашего музея. Наиболее ценные предметы коллекции татарского национального костюма достойно представил Ульяновский краеведческий музей в экспозиции межмузейного выставочного проекта «Татарский костюм: история и современность», реализованного в 2013 году в Национальном музее Республики Татарстан.

Введение в научный и экспозиционный оборот уникального калфака с аппликацией в ушковой технике, экспонирование которого было исключено из-за плохой сохранности, стало возможным только после проведения реставрации в рамках федеральной целевой программы «Культура России» в 2009 году.

К сожалению, этнографическая коллекция далеко не полная: имеется одежда не всех социальных групп населения, очень мало образцов мужской и детской одежды. Но мы надеемся на дальнейшее пополнение фонда и будем признательны всем, кто сможет помочь в этом. Ведь костюм – это весьма существенный элемент национальной культуры, по развитию которого можно проследить развитие взаимоотношений между народами и взаимовлияние национальных культур на протяжении веков.

Наталья Мельникова,
старший научный сотрудник УОКМ

Фото Сергея Ойкина



Что это?

Современная индустрия развлечений сегодня буквально обрушивает, особенно на молодёжь, массу своих предложений, поэтому в музеях страны всё больше и больше применяются интерактивные формы работы.

Посетителю уже недостаточно быть просто пассивным слушателем и созерцателем, он активно включается в процесс познания и в музейные мероприятия. С учётом новых требований в Ульяновском областном краеведческом музее имени И.А. Гончарова была подготовлена и открыта выставка-загадка «Что это?». Подобной выставки в нашем музее, да и в музеях страны никогда не было. На ней представлены предметы, которыми широко пользовались в быту в прошлые века, а сегодня подобными предметами не только не пользуются, но даже не догадываются об их названии и назначении.

Как родилась идея выставки? В постоянной экспозиции исторического отдела, в интерьере городской квартиры стояла мухоловка. В конце экскурсии, когда посетитель обычно уже уставал, я предлагала ему определить назначение этого предмета. Мой ответ всегда вызывал у посетителей улыбку от того, что такой простой предмет они не смогли угадать. Именно эта мухоловка и явилась отправной точкой в идее подобной выставки. Мне захотелось не только показать предметы материальной культуры прошлого, которые не узнаваемы сегодня, но и вовлечь нашего посетителя в сам процесс познания, принять в нём самое непосредственное участие. Изюминкой же подобной работы должна была стать игра, шутка, а в конечном итоге – не только хорошее настроение посетителя, но и само впечатление от музея, желание посетить его ещё не один раз.

Началась кропотливая исследовательская работа с фондовыми коллекциями. Идеей создания выставки увлеклись сотрудник фондов Галина Борисовна Иванушкина и старейший работник фондов, в прошлом главный хранитель краеведческого музея Феликс Александрович Долгов. В результате мы отобрали 18 предметов.

Самым сложным оказался вопрос подачи экспонатов посетителю, ведь в основе показа должна обязательно быть игра. Пришлось задуматься о предметах-подсказках, ведь они тоже должны быть из коллекции музея. К счастью, и такие предметы нашлись. Когда с подсказками было решено, был продуман и вариант их подачи.

Предметы, которые посетители должны угадать, мы поместили порядковыми номерами, предметы-подсказки намеренно остались без номеров.

Но как же без слов объяснить посетителю, что мы от него хотим? В результате мы решили саму экспозиционную площадь

сделать и афишей выставки, и обращением к посетителю.

В лаконичной форме мы не только объяснили, как рассматривать предметы, но и попросили на специально заготовленных опросных листах написать свои варианты ответов, подчеркнув, что нам будут интересны самые различные предположения. Здесь же мы предложили посетителю после мучительных поисков ответа подойти к столу дежурного научного сотрудника и взять у него «Жёлтую папку».

На каждой странице папки помещена большая фотография отгадываемого предмета, а рядом – короткая и шутивная информация о нём.

Невероятно интересно было читать варианты ответов. Каких только предположений здесь не было! Например, клопомор назвали ингалятором. Сырные кнопки чаще всего определяли как набойки для каблучков. А кто-то назвал их заглушкой для электророзетки! Дорожный уютюг для наведения стрелок многие определяли как приспособление для выпрямления волос (вот она мода сегодняшнего дня). Как только не «обзывали» уховёртку: ложечка для чистки трубки от табака, приспособление для чистки расчёски, игла, бигуди, но только не уховёртка! Мухоловку (ту самую, родоначальницу идеи) называли и аппаратом для сохранения насекомых, и колбой для медицинских препаратов, и бутылкой для настойки из мухоморов.

У выставки нет чётко выраженной возрастной направленности, она рассчитана на посетителей самого разного возраста, социального статуса.

Сегодня музей обращает особое внимание на работу с семьями. Рассматривая необычные экспонаты, родители с детьми ищут варианты ответов и одновременно погружаются в удивительный мир познания прошлого.

Новая форма работы предполагает вовлечение посетителей в активный процесс познания. Это не просто загадка и отгадка, а совместный поиск правильного решения, который надолго сохранит в памяти ребёнка и взрослого то, что они увидели в экспозиции.



Крючок для шнуровки дамских ботинок (фото на стр. 16).
Начало XX века

Чтобы ловко зашнуровать высокие и очень красивые модные дамские ботиночки с множеством отверстий, необходимо было не только умение и терпение, но и отменное здоровье – попробуйте в наклон в течение нескольких минут шнуровать эти самые ботинки! Добрый человек пожалел хрупких женщин и придумал маленький простенький крючочек – просто и быстро!



Гильотина для сахарных голов.
Конец XIX века

Пожалуй, только в революционной Франции конца XVIII века гильотину применяли для казни врагов революции. В России же при помощи гильотины... кололи сахар. Покупали в лавке большой ком сахара – «сахарную голову» – и при помощи приспособления острым ножом раскалывали сахар на множество мелких кусков.



Щипцы для растяжки перчаток.
Начало XX века

Дамские перчатки из превосходной лайки при хранении в шкапулке для перчаток имели обыкновение «съеживаться». Чтобы натянуть перчатку на дамскую ручку, на которой она должна «сидеть» безупречно – без складочек и морщинок – каждый перчаточный пальчик очень осторожно растягивали при помощи специальных щипцов.



Подчасник.
Начало XX века

Чтобы утром, собираясь на службу, не метаться в поисках необходимых и привычных мелочей, были придуманы разные уловки для порядка, например, подставка для карманных часов – подчасник. И красиво, и часы всегда на месте!



Клопомор.
Начало XX века

Эта «паровая машина» применялась обычно для истребления очень кусачих и жутко кровососущих паразитов – клопов. Жили эти насекомые-кровососы в диванах, шкафах, в кроватях, за обоями, за плинтусами. Истребляли их жестоким методом: в щели, где они обитали, направлялась струя горячего пара и порция кипятка. Избежать гибели было невозможно. Клопомор можно было приобрести в торговой лавке или смастерить самому из старого чайника.



Пульверизатор.
Начало XX века

В прежние времена аэрозолей не было. С неприятными запахами боролись при помощи простейшего пульверизатора, трубочку которого нужно было опустить в ёмкость с пахучей водой, а из другой трубочки просто подуть. Использовали этот простейший распылитель и для духов.



Щипцы для завивки волос.
Начало XX века

Сегодня в моде прямые волосы. Модницы используют для выпрямления волос чудесные «кудревыпрямительные» препараты и средства.

В прошлом все женщины непременно хотели быть кудрявыми. При помощи щипцов, которые нагревались на огне, прядь волос накручивалась на горячий металлический валик и завивалась. То, что волосы «поджаривались», было не важно. Ведь красота требует жертв!



Сырные кнопки.
Конец XIX века

Чтобы сыр не пачкать руками, в конце XIX века применялись специальные сырные кнопки: прикрепил к куску сыра, прижал пальцами – и спокойно отрезай нужный кусочек.

Галина Величина,
заведующая сектором образовательных программ УОКМ
Фото Сергея Ойкина



Детективная история со множеством неизвестных...

Был ли знаком знаменитый фотограф Каррик с Ивашевыми и Черкесовыми?

Таня Черкесова,
внучка декабриста В.П. Ивашева.
1871–1872

А.А. Черкесов с дочерьми
Таней и Верой. Село Поповка



Наиболее интересной частью в работе хранителей фондов можно с уверенностью назвать научное описание музейного предмета, которое отчасти напоминает работу детектива. Ведь когда хранитель берёт предмет для составления научного описания, он даже не может предположить, чем это закончится...

Вот, например, какая история вышла с двумя фотографиями из коллекции «Фотодокументальный фонд» краеведческого музея им. И.А. Гончарова, насчитывающей более 67 тысяч предметов, многие из которых являются уникальными артефактами истории не только нашего региона, но и Российского государства.

Среди документов, связанных с именем симбирского дворянина Василия Петровича Ивашева и его потомков, хранятся два фотоснимка кабинетного размера (9,8 x 13,8 см) на паспорту фирмы Санкт-Петербургского фотоателье В. Каррика. На фотографиях запечатлены А.А. Черкесов, зять В.П. Ивашева,

с дочерьми Верой и Татьяной. Здесь и начинается наша занимательная история с неизвестными: были ли лично знакомы автор фотографий и люди, запечатлённые на них.

Автором фотоснимков является Вильям (Василий Андреевич) Каррик (1827–1878), известный шотландский и российский художник-акварелист и фотограф Императорской академии художеств, основатель фоторепродукционной фотосъёмки в России, автор «Альбома русских художников». Среди историков Каррик известен как автор этнографических серий фотографий «Русские типы», среди которых есть и «Типы крестьян Симбирской

губернии». Каррик являлся действительным членом V отдела «Светописи и её применения» Императорского русского технического общества, и ему покровительствовал великий князь Константин Николаевич.

Казалось бы, что может связывать Вильяма Каррика с Ивашевыми и Черкесовыми, помимо того, что он сделал фотоснимки последних? Здесь и начинаются всплывать интересные факты. На подлинных снимках Каррика, о которых идёт речь в статье, сняты муж и дочери Веры Васильевны Черкесовой (1838–1918), младшей дочери декабриста Василия Петровича Ивашева, помещика с. Ундоры Симбирской губернии:



после восстания декабристов он был приговорён к ссылке в Сибирь. В ссылке в 1831 году на Петровском заводе он женился на Камилле Ле-Дантю, в браке с которой у них родилось трое детей.

Если о старших детях Петре и Марии Ивашевой (Трубниковой) и потомках по их линиям информация есть, то о младшей дочери Вере и её потомках известно крайне мало. По отрывочным упоминаниям о ней её племянницы Ольги Константиновны Булановой-Трубниковой в книге «Три поколения» (1928) можно узнать, что после смерти родителей сёстры Ивашевы воспитывались в семье Екатерины Петровны Хованской (сестры декабриста). В симбирском имении тётушки (с. Архангельское) они получили прекрасное домашнее образование. Вместе с сестрой Вера Васильевна стояла у истоков феминистского движения в России: часто эпатировала общество, нарушая правила, принятые в их кругу. (См. журнал «Мономах» № 4-2012.)

Со своим будущим мужем А.А. Черкесовым Вера Ивашева познакомилась в Санкт-Петербурге, куда сёстры переехали после замужества Марии Ивашевой (Трубниковой). Вера жила в доме сестры, помогала ей с организацией салона, собрания которого начались с встреч бывших воспитанников Александровского лицея, среди которых оказался А.А. Черкесов. В 1868 году Вера вышла за него замуж.

Александр Александрович Черкесов (1838–1908) – дворянин, сын коллежского асессора, землевладельца Череповецкого уезда Новгородской губернии. Черкесов был русским издателем, типографом, членом общества «Земля и воля»; был знаком с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, М.А. Бакуниным. В 1870-х – присяжный поверенный, защитник на политических процессах (в том числе на «процессе 193-х»); владелец книжных магазинов в Санкт-Петербурге и Москве.

«...Дядя Черкесов дружил с нами, детворой, всегда держал нашу сторону в столкновениях со «старшими» и, проведая, что мы основали какое-то тайное общество «друзей свободы», вступил в него членом и старался в пустую детскую игру вложить содержание. Ранним утром должны мы были вставать потихоньку и по холодку прибегать к нему на балкон его дачки, где он ждал нас с вкусным какао и каким-то необыкновенным печеньем. Затем открывалось собрание, которое он вёл по всем правилам, предоставляя по очереди слово каждой, приучая нас связно

говорить и возбуждая разные вопросы и споры», – писала о Черкесове О.К. Буланова-Трубникова.

«Летом мы обыкновенно жили в Поповке, пригородном имении дяди моего, Юрия Борисовича Тургенева, позже перешедшем к родной тётке моей, Черкесовой, и там, пользуясь отсутствием отца, мать и та и другая тётки заводили свои порядки. И сами они, и все мы девочки ходили в мужских костюмах, на нас возлагались разные поручения и несложные работы в огороде и саду, нам разрешалось лезть по деревьям, бродить по лесам и лугам», – продолжает О.К. Буланова-Трубникова.

В 1868 году в Санкт-Петербурге Черкесов открыл публичную библиотеку, в будущем ставшую основой центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского. Книжное дело Черкесов повёл с целью снабжения «здоровой книгой» студенчества и провинции по сниженным ценам, а при случае – и распространения запрещённой литературы. Вера Черкесова и её супруг сочувствовали «народникам» и по возможности помогали им.

Здесь следует отметить три интересных факта в биографиях Каррика и Черкесовых, которые наводят на мысль, что они могли быть знакомы.

1 факт. По словам Фелисти Эшби (внучатой племянницы В.А. Каррика) в 1856–1857 годах фотограф совершил поездку на родину, в Шотландию, где знакомился с последними достижениями техники фотографии. Оттуда он привёз в Петербург три номера журнала «Колокол» А. Герцена и передал их художнику Ф. Захарову. В Петербурге вскоре была организована громкая читка этих номеров. Захарова арестовали, а Каррику дали понять, что и подданному Великобритании небезопасно распространять запрещённую в России литературу.

«Князя и княгини, – пишет он матери зимой 1863–1864 годов, – графы и графини, генералы и полковники с их дамами, ливрейные лакеи, горничные и поварахи – все приходят на нашу мансарду и по очереди позируют для портрета. Пришёл первым – обслуживается первым, со всеми я одинаково любезен и для всех стараюсь сделать всё, что могу. Если я и делаю разницу, то, конечно, в пользу низшего и более бедного класса. Я обращаю на них больше внимания потому, что они больше нуждаются в нём, чем высокопоставленные и богатые».

Очевидно, что взгляды в вопросе положения простого народа у Каррика

и Черкесовых совпадали, так что у них вполне мог быть один круг общения.

2 факт. На фотографии Александр Александрович снят на фоне природы в национальном костюме, что при сопоставлении с воспоминаниями О.К. Булановой-Трубниковой («он любил пощеголять в русском расшитом костюме, и обыкновенно ходил так в своей Поповке») даёт возможность предположить, что снимок сделан в имении Черкесовых – Поповке. Примечательно, что В. Каррик начал снимать серию «Русские типы», посещая окрестные сёла Санкт-Петербургской губернии, возможно, бывал и в Поповке. А если учесть, что снятой на фотографии Тани Черкесовой, родившейся в 1868 году, три-четыре года, то первоначальная датировка снимка (1875 год) уточняется: 1871–1872 годы. Известно, что в это время Каррик совершил первое путешествие в Поволжье, в том числе в Симбирскую губернию. Можно предположить, что Каррик сделал снимки в Поповке, останавливаясь проездом у Черкесовых.

3 факт. У Каррика и Веры Васильевны Черкесовой был общий знакомый – Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894), известный композитор. Вильям Каррик пел под аккомпанемент молодого Рубинштейна на вечерах у великой княгини Елены Павловны, сестры Александра I. Антон Рубинштейн давал уроки музыки Вере Черкесовой, и, как мы можем прочитать в тетради Е.К. Решко, хранящейся в документах Ивашевых в фондах музея, по семейной легенде Рубинштейн был влюблён в Веру и даже сделал предложение, и хотя она отказала, они на всю жизнь остались хорошими друзьями.

Фотографии В. Каррика краеведческому музею передала в 1985 году Валерия Николаевна Шихова, праправнучка Веры Васильевны Черкесовой, дочери декабриста. Подлинные фотографии этнографической серии «Русские типы» можно увидеть сегодня в крупных музеях Москвы и Санкт-Петербурга, а портреты обывателей в исполнении великого мастера могут встретиться и в небольших музеях нашей страны. Что касается детей Веры Васильевны (Тани и Веры), а также её праправнучки Валерии Николаевны Шиховой, информации о них нет.

Ольга Новопольцева,

старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы УОКМ

Фото из фондов УКМ.
Публикуются впервые

Тайны гербовых дворянских печатей

Коллекция печатей Ульяновского областного краеведческого музея включает 64 печати симбирских и ульяновских общественных и благотворительных организаций, учебных заведений, личные печати священнослужителей и деятелей культуры, симбирских купцов, разночинцев и другие. Особое место в ней занимают гербовые дворянские печати.



Печать Веригиных

Печать, вырезанная на огранённом раухтопазе, является одной из самых необычных с точки зрения геральдики. Судя по изящной огранке камня, печать была вставлена в металлическую оправу, возможно, золотую или серебряную, ныне утраченную. По технике изображения, форме щита, гербовой символике печать можно отнести ко второй половине XVIII – первой половине XIX века.

На печати изображён щит, напоминающий по форме польский, в центре его изображён единорог, идущий влево. Над ним славянские буквы «г» и «д», под ним «в». Такой же единорог изображён сверху на дворянской короне, венчающей рыцарский шлем. Герб принадлежит дворянам Веригиным. По преданию, предок Веригиных прибыл из Польши к переяславскому князю Дмитрию Александровичу в 1288 году. Позже многие из Веригиных служили в Костроме, Новгороде и Казани. В конце XVII века фамилия Веригиных появляется в документах Симбирского уезда. Исследователь местной старины П.Л. Мартынов писал: «В 1685 году казанцы Степан и Андрей Ивановичи Веригины получили от приказа Казанского дворца вводную грамоту на 27 четвертей «пустовой земли» в деревне Комаровке. Через пять лет Веригины променяли эти земли стольнику Фёдору Алексеевичу Зелёному. А взяли земли

на луговой стороне Волги на реке Урень». В 1780 году этими землями, лежавшими в Ставропольском уезде Симбирского наместничества, владел один из их потомков, прапорщик Иван Тимофеевич Веригин, женатый на Анне Степановне Аксаковой. В первой четверти XIX века при селе Чуфарово Симбирского уезда упоминается их дочь, девица Александра Ивановна Веригина, владевшая 30 десятинами леса, доставшегося ей по завещанию от двоюродной бездетной тётки Надежды Ивановны Куроедовой. Далее след Веригиных теряется, но в 1868 году их фамилия встречается в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Именем при сельце Каменка владел капитан флота Константин Михайлович Веригин, выпускник Пажеского корпуса, кавалер нескольких орденов, более 25 лет прослуживший во флоте, позже на дипломатической службе. В конце 1880-х годов это имение числилось за его вдовой Марией Ивановной, урождённой Похвисневой, и их детьми Сергеем, Михаилом, Марией и Екатериной, эмигрировавшими в 1918 году во Францию. Из них наиболее известными стали Сергей Константинович Веригин (1868–1938), католический священник, член Папской комиссии Pro Russia и Конгрегации по делам Восточных церквей, участник Русского апостолата в Зарубежье, и его племянник Константин Михайлович Веригин (1899–1982),

французский парфюмер, один из создателей духов Chanel № 5.

Кому из Веригиных принадлежала найденная в 1959 году двумя школьницами недалеко от Дома Языковых печать, определить трудно. Не проясняют ситуацию и буквы «ГДВ» на ней, соответствующие, по всей видимости, инициалам владельца печати.

Металлическая овальная печать, имевшая когда-то деревянную ручку, с гербом графов Орловых и девизом FORTITUDINE ET CONSTANTIA, что в переводе с латыни означает «Твёрдостью и постоянством», также не имеет конкретного владельца. Известно, что Орловы со второй половины XVIII века и в первой половине XIX века являлись крупными симбирскими землевладельцами. Сыграв решающую роль в дворцовом перевороте в 1762 году, братья Орловы были щедро награждены Екатериной II, которая возвела их в графское достоинство, даровала им чины, земли и денежное вознаграждение. Старший из братьев Иван Григорьевич Орлов на пожалованные ему деньги купил в 1764 году у потомков графа Головкина имение на луговой стороне Волги против Симбирска в селе Головкино (ныне затоплено Куйбышевским водохранилищем), где вместе с братьями в 1767 году принимал императрицу во время её путешествия по Волге. Позже Иван Григорьевич устроил в селе богатую усадьбу с огромным



каменным домом в «готическом вкусе», красивым парком с «изрядной оранжереей» и крупным конезаводом, ставшим впоследствии поставщиком орловских рысаков в Поволжье. На средства Орлова по проекту архитектора В.И. Баженова в 1785 году в селе была выстроена двухэтажная каменная церковь.

Братьям Орловым императрица пожаловала также плодородные земли на Самарской Луке в районе села Усолье. В 1768 году им принадлежало в этом селе около 300 тысяч десятин земли. Последним из братьев Орловых Усольской вотчиной владел Владимир Григорьевич Орлов. Он отдал её в приданое дочери Наталье Владимировне, при выходе её замуж за дворянина Петра Львовича Давыдова. Их сын Владимир Петрович Давыдов в 1856 году получил разрешение принять графский титул деда и потомственно именоваться графом Орловым-Давыдовым. Он и его потомки оставались владельцами Усольского имения до 1917 года.



Печать Орловых

Возможно, представителям этой семьи принадлежала и металлическая печать с деревянной ручкой грушевидной формы с изображением видоизменённого польского герба Новосель (в щите в голубом поле изображён перевивающийся канат, уложенный в круг со скрещенными концами, над ним остриём вверх положена стрела) и девизом под ним HONESTE & PUBLICE (лат. «Честно и открыто»), принадлежавшая дворянам Новосильцевым. В Симбирской губернии до середины XIX века их фамилия была довольно распространена. За Дмитрия Александровича Новосильцева была выдана другая дочь графа Владимира Григорьевича Орлова графиня Екатерина Владимировна (1779–1849). Их единственный сын, флигель-адъютант

императора Александра I, Владимир Дмитриевич Новосильцев в 1825 году был смертельно ранен на дуэли. В память о нём Екатерина Владимировна на свои средства выстроила несколько храмов, два из них – в своих симбирских вотчинах. В селе Мордово Сызранского уезда в 1842 году был освящён воздвигнутый ею двухэтажный каменный храм, другой храм был устроен в том же уезде в 1843 году в селе Рождествено. Поскольку время

поступления печати в музей точно неизвестно, она вполне могла принадлежать Екатерине Владимировне Новосильцевой и попасть в музей, как, впрочем, и печать графов Орловых, из Усольской усадьбы Орловых-Давыдовых в 1918 году.

Но владельцами печати могли быть и другие дворяне с фамилией Новосильцевы, проживавшие в середине XIX века в разных уездах Симбирской губернии. В Симбирском уезде в селе Норовка и деревне Китовка жили в собственном имении лейтенант флота в отставке Алексей Васильевич Новосильцев с женой Варварой Сергеевной, рождённой Григоровой. Землевладельцем Алатырского уезда был Василий Васильевич Новосильцев, Ардатовского уезда – Наталья Петровна Новосильцева. На сооружение Троицкого собора в Симбирске жертвовал средства действительный тайный советник Иван Николаевич Новосильцев.

Пять гербовых печатей из музейной коллекции принадлежат представителям дворянских родов, связанных между собой семейными узами.

Настольная печать из горного хрусталя в виде цилиндрической колонки со слегка округлым верхом для удобного пользования, с шейкой-переходом к круглой матрице внизу, с изображённым на ней дворянским гербом, идентичным гербу, пожалованному надворному советнику Василию Афанасьевичу Киндякову в 1802 году. Рисунок герба можно передать несколькими фразами: пересечённый французский шит, в его верхнем зелёном поле изображена золотая звезда, в нижнем красном поле поставлены серебряные стропила. Щит увенчан дворянским шлемом и короной с тремя страусовыми перьями. С 1754-го по 1767 год Василий Афанасьевич находился сначала на военной службе, затем, выйдя в отставку в чине поручика артиллерии, долгое время занимал разные штатные должности в Симбирске. В 1780 году он был назначен председателем Симбирской верхней расправы. Впоследствии он дважды избирался Симбирским уездным предводителем дворянства. В 1797 году в чине надворного советника был пожалован императором Павлом I гербом «в подтверждение его дворянского достоинства». Сам Павел I жалованную грамоту на герб подписать не успел, она была подписана императором Александром I в декабре 1802 года.



Печать Новосильцевых, общий вид



Печать Новосильцевых



Печати Киндяковых
из хрусталя и сердолика



Дворянский герб Киндяковых изображён ещё на одной печати – серебряной, с сердоликовой овальной матрицей буро-красного цвета. Её конусовидная фигурная оснастка имеет на вершине кольцо. Печать-подвеска как и настольная печать с изображённым на них гербом Киндяковых могла принадлежать нескольким поколениям этой семьи, начиная с Василия Афанасьевича и заканчивая Александром Львовичем Киндяковым.

Александр Львович Киндяков был женат на Эмилии Александровне Скребицкой, дочери тайного советника и кавалера Александра Никифоровича Скребицкого. А её родная сестра Софья Александровна Скребицкая в 1863 году вышла вторым браком за шведского барона Клааса Карловича Стремфельдта. С этого времени можно датировать металлическую гербовую печать с костяной ручкой, поскольку нет сомнения, что она принадлежала Софье Александровне Стремфельдт. На печати в виде прямоугольника присутствует дворянская корона, а под ней два склонённых друг к другу герба (так называемый «брачный» герб). Левый герб соответствует гербу тайного советника Александра Никифоровича Скребицкого, пожалованному ему императором Николаем I в 1847-м. Вот его описание:

«Щит разделён горизонтально на две половины: в верхней, разделённой вертикально пополам, в правой стороне, в красном поле золотой ключ и выходящий до половины чёрный орёл; в левой, в голубом поле серебряная луна, рогами влево обращённая, и золотая булава; в нижней части пространной в золотом поле соединённые накрест мирта и роза и между ними красная звезда. Щит украшен дворянским шлемом с короной и тремя страусовыми перьями...». Правый герб предположительно является собой фрагмент родового герба барона Клааса Карловича Стремфельдта – на серебряном щите три скошенных лазоревых перевязи. Внизу на печати под обоими гербами читается девиз на латыни CUIQUE SUUS, что в переводе на русский означает «Каждому своё».



Брачный герб
С.А. и К.К. Стремфельдт



Печать
К.К. Стремфельдта

Логично предположить, что именно Стремфельдту принадлежат ещё две металлических подвесные печати (большая и малая) с одинаковым рисунком герба и уже знакомым девизом «Каждому своё». На матрице обеих печатей, похожих на овальный рыцарский щит, изображён герб в щите овальной же формы. Щит четверчастный с серебряным щитком в середине,

на котором три скошенные лазурные перевязи. 1-я и 4-я части герба также имеют скошение влево. Верхнее скошение чёрного цвета, нижнее золотое. На них выступающий леопардовый лев с мечом в правой лапе и поднятым хвостом. 2-я и 3-я части герба имеют в серебряном поле три цветка, в главе каждой части на лазоревом поле три звезды в ряд. Щит увенчан баронской короной и обрамлён лентой с орденом. Остаётся только добавить, что в комплекте с этими печатями имеется и чугунная форма для изготовления гербовых ливрежных пуговиц.

О Клаасе Карловиче Стремфельдте (1819–1899) известно немного. Он был камергером короля Швеции, в 1865 году принял российское подданство с титулом барона Шведского королевства и получил право на потомственное российское дворянство благодаря составленному супругой на его имя завещанию, по которому он наряду с ней стал полноправным владельцем её имения в Тереньге. В 1866 году он был записан в Симбирскую дворянскую родословную книгу. Чета Стремфельдтов не имела детей и всё своё большое состояние, доставшееся Софье Александровне от отца, они оставили единственной внучатой племяннице – Екатерине Максимилиановне Перси-Френч, которая до 1918 года проживала в Симбирске. В городском усадебном доме ею была собрана богатейшая коллекция произведений искусства. После революции коллекция поступила в Симбирский народный музей. Предположительно, вместе с ними попали в фонды музея и гербовые печати Киндяковых и Стремфельдтов. Гербовой печати самой Екатерины Максимилиановны в музейной коллекции нет, но имеются две её личные печати с буквенными обозначениями. На одной каменной печати из полосатого сердолика вырезана дворянская корона, а под ней стоят её инициалы «ЕМ» в виде готических букв. На другой металлической печати с такими же инициалами добавлена полностью фамилия «Перси-Френч», выполненная более мелким славянским шрифтом.

Коллекция музейных печатей таит в себе ещё немало загадок. Работа с ними продолжается.

Татьяна Громова,
старший научный сотрудник
УОКМ

Фото Ивана Савельева



Природное чувство к искусству достигается всего успешнее музеями...

Столь значимый в культурной жизни нашего города юбилей – 120-летие Симбирской губернской учёной архивной комиссии – теснейшим образом связан с личностью выдающегося государственного и общественного деятеля Владимира Николаевича Поливанова (1848–1915). Член Государственного совета от земства, с 1897 по 1915-й – губернский предводитель дворянства, председатель Симбирского общества сельского хозяйства, В.Н. Поливанов – инициатор создания (1895) и председатель (1895–1915) Симбирской губернской учёной архивной комиссии. Он сыграл решающую роль в создании художественного музея в Симбирске. В 2015 году исполнилось 100 лет со дня смерти В.Н. Поливанова.

Неизвестный
художник
конец XIX –
начала XX века.
Портрет
В.Н. Поливанова.
1900



Можно смело утверждать, что важнейшим событием в истории культуры старого Симбирска явилось открытие учёной архивной комиссии. Коллекции обоих старейших музеев города – краеведческого и художественного, а также собрание документов Государственного архива Ульяновской области имеют общую дореволюционную историю: все три учреждения культуры обязаны своим происхождением Губернской учёной архивной комиссии и её основателю Владимиру Николаевичу Поливанову. В течение двух десятилетий он занимался делами архивной комиссии (СГУАК) будучи её председателем.

Ваза с амурами.
Конец XIX века.
Саксония.
Фарфор,
роспись
надглазурная,
лепнина



Фото Сергея Ойкина

Чем же привлекло это учреждение Поливанова, человека чрезвычайно широких интересов в области археологии, истории, искусствоведения, этнографии?

Архивные комиссии занимались исследованием истории края, разысканием, описанием и изучением памятников старины и культуры, организацией музеев, библиотек. В период капитализации страны в различных слоях общества возникал обострённый интерес к прошлому, к отечественной культуре. В эту переломную эпоху самым распространённым понятием для мыслящей, просвещённой интеллигенции в российской провинции стало понятие «старина».

Губернская архивная комиссия и созданный при ней историко-археологический музей стали именно таким объектом приложения сил, знаний, общественных притязаний, где ярко и многосторонне одарённая натура Поливанова раскрылась с наибольшей полнотой. Владимир Николаевич являлся обладателем обширного семейного собрания, в котором хранились редкие документы, предметы старины, бесценные реликвии – свидетельства доблести и мужества предков, уникальные произведения искусства. Он как никто другой понимал важнейшую роль распространения исторических знаний, воспитания любви к искусству в «переустройстве» общества. Именно поэтому Поливанову и его единомышленникам удалось создать музей, коллекции которого содержали как памятники старины и истории, так и художественные произведения.

Что представлял собой музей Симбирской архивной комиссии? Общих принципов построения музеев такого типа ещё не существовало. Не было регулярных средств для планомерной деятельности. Процесс фондообразования путём пожертвований проходил стихийно. Изучение старины, истории края местными исследователями только начиналось. Учёные сталкивались с обилием материала, характеризующего самые разные стороны жизни. В музеях сосредотачивались коллекции древних книг, старинных и церковных вещей художественного значения, декоративных бытовых предметов, предметов мемориального характера, не связанных единой системой. Таким был и симбирский музей. В списках «пожертвований» можно встретить «рог ископаемого быка», «коврик, вышитый бисером» и «картину старой



Алексей Александрович Писемский. 1859–1913. Маки. 1891 (?)
Пост. в 1914 году от Императорской академии художеств

школы, писанную масляными красками». Кстати, художественные музеи, в том числе Саратовский, содержали в своих фондах археологические, этнографические, естественно-научные коллекции.

Напомним, что за семь лет до открытия архивной комиссии в Симбирске В.Н. Поливанов разработал проект музея, где история находилась бы в тесном содружестве с искусством, а рисовальная школа давала бы практические знания о «приложении искусства к ремёслам».

Поливанов писал тогда об очевидном пробеле в системе народного образования – полном отсутствии образования художественного. Центром эстетического просвещения и художественного образования, считал Поливанов, может стать именно музей в совокупности с рисовальной школой. Его идея была созвучна потребностям времени. Убедительно и ярко звучат слова Поливанова о роли «первого знакомства с искусством, о пробуждении того художественного фибра, который более или менее существует в природе человека... Способы давать эти первые живые впечатления, трогать это природное чувство к искусству достигаются всего успешнее музеями...».

Ни одна из идей конца 1880-х годов Поливановым не была забыта при создании музея учёной архивной комиссии. В музее были собраны богатые коллекции археологических находок, древних монет, оружия, старинных

грамот, церковной утвари. Интересующая нас художественная коллекция формируется с первых дней существования комиссии и музея.

Уже 1 августа 1895 года, буквально через два дня после открытия комиссии, «Журнал заседаний СГУАК» зафиксировал, что от председателя комиссии В.Н. Поливанова наряду с образцами глиняной посуды, найденными в раскопках, поступила аллегорическая картина «Древо правды, суда и милости».

В следующем, 1896 году, только от В.Н. Поливанова поступило около двадцати предметов, среди них – произведения изобразительного искусства: литографированные портреты императора Николая II и его жены Александры Фёдоровны, бюст поэта Н.М. Языкова, икона «Воскресение Христово» палехской школы.

С первых дней существования музея архивной комиссии в его фондах накапливались художественные произведения, предметы декоративно-прикладного искусства, скульптура, графика, живопись. Уже в 1897 году проявляются попытки систематизировать богатый музейный материал.

Пожертвования разбиваются на разделы: книги, монеты и медали, старинные рукописи, разные предметы старины, фотографии. Через год появляется и закрепляется навсегда специальный раздел «Картины и портреты». В этот раздел, помимо художественных произведений, входили и фотографии.



О широте интересов симбирских учёных говорит и великолепная коллекция церковных древностей. Эти предметы симбирской старины дают представление о высоком искусстве русских иконописцев, мастеров деревянной скульптуры. Начало и развитие коллекции церковного искусства также связаны с именем Поливанова. В числе первых пожертвований в музей в августе 1895 года были переданы им царские врата из церквей Симбирской и Казанской губерний.

В 1905 году Симбирская архивная комиссия отмечала свой первый юбилей. Это был повод подвести итоги десятилетней деятельности комиссии и её музея. При отсутствии денег из казны комиссия сумела путём личных пожертвований создать значительное музейное собрание. Назовём тех, кто передавал в музей вещи художественного назначения. Кроме Поливанова, жертвователями в отдел картин и портретов выступали Н.Я. Юдин, А.А. Писарев, Н.П. Охогин, А.И. Гусельников, Г.Н. Потанин, И.А. Благовидов и другие.

К юбилею был выпущен «Каталог музея Симбирской губернской учёной архивной комиссии», который даёт довольно чёткое представление о структуре музея. Каталог состоит из девяти отделов. Пятый отдел, именуемый «Портреты, картины и прочее» насчитывал 91 экспонат.

На протяжении всех 1900-х годов художественная коллекция пополняется самыми разнообразными предметами. Так, в 1907 году по личному ходатайству Поливанова Императорская архивная комиссия пожертвовала коллекцию древностей из раскопок близ Херсонеса Таврического. В этом же году крупным приобретением музея архивной комиссии стала коллекция японских редкостей.

Развитие музея архивной комиссии сдерживалось отсутствием собственного помещения. Летом 1910 года благодаря ходатайствам Симбирской архивной комиссии начался всероссийский сбор пожертвований на сооружение в Симбирске памятника И.А. Гончарову. Поливанов сумел воодушевить всех членов комиссии идеей памятника нового типа, предложив построить Дом-памятник писателю – здание, в котором, по словам председателя комиссии, «сосредоточить учреждения, преследующие культурно-просветительские цели, например: библиотеку, музей, рисовальную школу. Создание такого храма литературы и искусства явилось

бы наилучшим почтением памяти писателя, связанной с книжной истиной и художественной красотой».

Известный симбирский архитектор А.А. Шодэ создал проект уникального памятника, обладающего чертами торжественности и величия. Замысел здания-мемориала обогащён необходимыми для экспонирования художественных произведений конструктивными особенностями: круговой обход, высокие потолки, стеклянные плафоны. 6 июня 1912 года, в день столетия со дня рождения И.А. Гончарова, состоялась закладка здания.

На торжественном заседании архивной комиссии В.Н. Поливанов выступил с речью, в которой говорил о необходимости «воздвигнуть Дом-памятник, где подрастающие поколения под сенью гения Гончарова научились бы любить свою родную старину, художественное творчество и прилагать свои дарования к практическому применению художественного прикладного искусства...».



Лев Феликсович Лагорио.
1826–1905

Туман в горах. Кавказ. 1878

Пост. в 1914 году
от Императорской академии художеств



Витольд Казтанович
Бялыницкий-Бируля. 1872–1957

Тихая ночь. 1908

Пост. в 1915 году
от Императорской академии художеств

В 1914–1915 годах, когда строительство здания было в основном закончено, архивная комиссия активно занималась комплектованием художественной коллекции. По ходатайству В.Н. Поливанова из Императорской академии художеств были присланы в пользование музею 15 работ русских художников второй половины XIX – начала XX века.

Смерть В.Н. Поливанова 24 апреля 1915 года помешала осуществлению многих планов. Но главное дело было сделано: Симбирская учёная архивная комиссия заложила основание старейших учреждений культуры Симбирска-Ульяновска. Помимо огромного количества трудов, посвящённых истории края, богатого собрания документов и памятников старины, комиссия оставила коллекцию произведений искусства.

Основанная в 1895 году художественная коллекция Симбирской архивной комиссии является началом истории Ульяновского областного художественного музея. Напомним, что любой музей начинается с первого экспоната будущего собрания. Так, Государственная Третьяковская галерея ведёт свою историю с мая 1856 года, когда П.М. Третьяков приобрёл картину нашего земляка В.Г. Худякова, ставшую основой собрания великого музея.

В 1995 году в Ульяновском художественном музее состоялась выставка «100 лет коллекции», где зрители впервые могли увидеть в одной экспозиции произведения, собранные архивной комиссией. И одно из главных мест на выставке занимала картина неизвестного немецкого художника «Пирам и Тисба», поступившая в 1895 году от симбирянина А.А. Бейтера.

За истекшие 120 лет коллекция музея неизмеримо выросла. В собрании теперь насчитывается более 12 тысяч экспонатов. Появилось три филиала, специализирующихся на искусстве XX–XXI веков. Старое западноевропейское и русское искусство с 1931 года располагается на втором этаже здания-памятника И.А. Гончарову. Как нам кажется, настало время двум старейшим музеям региона – краеведческому и художественному – каждому обрести свой дом. Здание на Новом Венце, как и задумал В.Н. Поливанов, должно стать подлинным храмом искусства.

Луиза Баюра,

зам. директора Ульяновского областного
художественного музея

Из царских сервизов

В течение всех 120 лет существования Ульяновского художественного музея пополняется его коллекция. Основные поступления произошли после революции 1917 года, когда в состав музея вошли национализированные собрания симбирских дворян и промышленников. Уже в 1920-е годы музей активно пополнялся памятниками, поступившими из Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, Пушкинского дома Академии наук и Государственного музейного фонда.

Художественный музей хранит в своих фондах коллекцию фарфора, насчитывающую более 2000 экспонатов. Наиболее полно представлены коллекции России, Германии, Франции XVIII–XIX веков.

Особый интерес у посетителей вызывают предметы из фарфора, выполненные на Императорском фарфоровом заводе, основанном в 1774 году по указу императрицы Елизаветы Петровны. Фарфор считался тогда редким предметом роскоши, и императрица очень хотела иметь свою мануфактуру. (В начале XVIII века каждый европейский монарх стремился заполучить секрет изготовления фарфора.) История завода связана с именем русского учёного Д.И. Виноградова (1720–1758). Именно он открыл тайну «белого золота» и составил первое научное описание производства фарфора. Завод стал первым фарфоровым предприятием в России и входил в тройку ведущих фарфоровых мануфактур Европы.

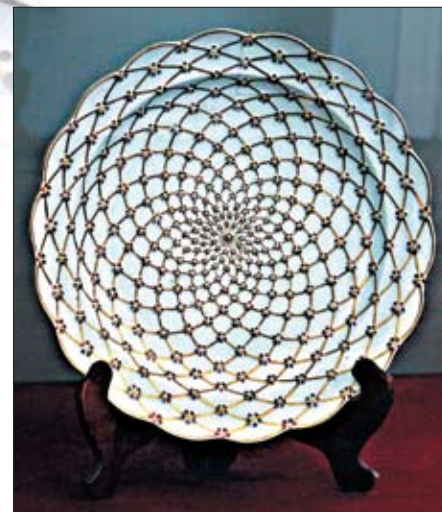
В коллекции Ульяновского художественного музея присутствуют уникальные изделия Императорского фарфорового завода XVIII–XX веков. В экспозиции можно увидеть подлинные предметы первой российской фарфоровой мануфактуры, например, гордость коллекции – блюдо из «Собственного» сервиза императрицы Елизаветы Петровны.

«Собственный» сервиз Елизаветы Петровны – это первый фарфоровый столовый сервиз, созданный в России. Он относится к «виноградовскому» периоду фарфорового производства. До 1756 года крупные предметы на петербургском заводе не выпускались. В основном завод производил пуговицы, чашки, курительные трубки, декоративные части для столовых

предметов (ножей и вилок), набалдашники для тростей. Большой популярностью пользовались табакерки, которые императрица Елизавета Петровна дарила приближённым и отправляла в качестве дипломатических подарков. Изготовление крупных предметов стало возможным, когда Д.И. Виноградов построил большой горн. Первый удачный обжиг был произведён 10 декабря 1756 года – «посуда была вся в целости, без всякого покоробления», – из доклада Виноградова. Первые образцы столового сервиза – яркий пример становления фарфорового производства: внешняя поверхность гладкая, без изъянов, а вот с обратной стороны поверхность ещё не достаточно ровная. Да и по тонкости материала предметы из «Собственного» сервиза уступали более поздним произведениям, т. к. сама императрица, боясь хрупкости материала, приказывала делать изделия «чем толще, тем лучше».

Личный сервиз императрицы Елизаветы Петровны сервировали только на её столе, все остальные столы были накрыты золотыми или серебряными сервизами, так как стоимость фарфоровых изделий в середине XVIII века очень часто превышала стоимость изделий, сделанных из чистого золота. Пышный и живописный декор этого сервиза говорит прежде всего о его репрезентативном характере. В то время сервиз не отличался большим разнообразием и сложностью форм. В него входили терины (миски), круглые и овальные блюда разных размеров, корзинки, мелкие и глубокие тарелки, солонки, горчишницы, ложки и черенки для ножей и вилок.

В конце XVIII – начале XIX века этот барочный сервиз с пышным декором хранился в кладовых, т. к. перестал



соответствовать вкусам эпохи классицизма. Однако уже при дворе императора Николая I его вновь начали использовать. 28 сентября 1838 года обергофмаршал Двора князь Н. Долгорукий, осмотрев в кладовых около 350 сохранившихся предметов «Собственного» сервиза, распорядился дополнить его и укомплектовать на 25 персон – «для собственного стола Государя императора». Сервиз был дополнен на 60 персон, и им пользовались до 1910-х годов.

В нашем музее сервиз представлен как раз дополнением времени Николая I. Годы изготовления очень просто определить: на обороте хорошо читается марка, выполненная кобальтом, – «Н I». В Ульяновский художественный музей блюдо поступило из Государственного музейного фонда в 1928 году. Различные части этого сервиза хранятся в собрании Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея.

Волнистые борта блюда изящно обрамлены золотым кантом. Белая поверхность фарфора покрыта рельефной сеточкой, в местах переплетения которой посажены лиловые незабудки, прописанные золотом и пурпуром. Лепка и роспись на предметах этого сервиза отражает вкусы елизаветинского времени и эстетику стиля рококо.

Шедевр раннего русского фарфора представлен в коллекции музея только одним блюдом, но при желании мы можем представить себе и другие предметы этого столового сервиза и особенности его декора – рельефный сетчатый узор, гирлянды из цветов, ведь детали этого сервиза поистине уникальны.

Татьяна Пономарёва,

сотрудник научно-экспозиционного отдела УОХМ



Веселее – мы в музее!



«Всё начинается с детства» – мы часто употребляем эту крылатую фразу, не задумываясь, что именно в детстве прививается эстетический вкус. От сотрудников музея во многом зависит, каким увидят окружающий мир и мир искусства маленькие посетители.



Во время игры «Коллекционер»

В 2014–2015 учебном году Ульяновский областной художественный музей и гимназия № 33 реализовали музейную образовательную программу для младших школьников «Веселее – мы в музее!». Чтобы подготовить младших школьников к восприятию языка музея, насыщенного символами, на первых встречах им помогают постичь навыки творческого общения в музейной среде.

Каждое мероприятие было организовано как яркий, запоминающийся праздник. Например, изучив экспозицию западноевропейского искусства, ребята играли в игру «Коллекционер», цель игры – выбрать из общего количества карточек те, на которых изображено одно и то же произведение искусства. Элемент соревнования, присутствующий в игре, переводил нашу главную образовательную задачу в игровую.

В этом возрасте ребята очень любят работать с деталями, с лёгкостью находят любые неточности. После знакомства с искусством России ребята получили новое задание: у каждого из них оказывается «неправильная» копия картины, участники должны найти в экспозиции соответствующий копии подлинник и определить, в чём отличие. Школьники могут продемонстрировать

знание экспозиции, ведь некоторые из них уже с лёгкостью находят нужное произведение. Выполнение этого задания доставляет им особое удовольствие, ведь делать его приходится практически самостоятельно. Ребята понимают, что в музее им доверяют, никто не сомневается в том, что они



умеют хорошо себя вести. Сама задача поиска отличий воспринимается школьниками как игра, как увлекательное разоблачение ошибок мастера.

Своеобразным показателем успешного проведения программы стало ключительное занятие. Для ребят это был подарок: бесплатное семейное посещение музея во время летних каникул. Причём ребёнок во время этого посещения должен выступить в роли экскурсовода. Желание детей ещё раз вернуться в музей подтвердило их заинтересованность в более детальном знакомстве с музейной экспозицией. И для сотрудников было очень важно, что эти семейные группы оказались в музее по инициативе детей.

Радостно видеть, как ребята спешат поделиться знаниями и эмоциями. Возможно, они помогут и своим родителям взглянуть на музей по-новому, переосмыслить ценность подобного времяпрепровождения. И тогда посещение музея будет восприниматься как праздничное семейное мероприятие, станет доброй традицией, а образ музея для всех его участников навсегда останется таким.

Татьяна Пономарёва,

сотрудник научно-экспозиционного отдела УОХМ



Музей для самых маленьких

Сегодня посещают музеи даже воспитанники детских садов. И это не случайно, ведь умение видеть, анализировать и размышлять формируется с самого раннего детства. Дошкольники, приходя в музей за «красотой», приобщаются к культуре, которая формирует в их душе значимость переживания увиденного.

Музей А.А. Пластова – филиал Ульяновского областного художественного музея – представляет культурное наследие Ульяновского края, на основе которого строится широкая панорама картины мира. Её смысловая и эстетическая ценность особенно значима для ребёнка потому, что художник Аркадий Пластов в своих произведениях не просто отражает картины реальности, но и открывает тайны человеческого духа и народного быта («Деревенский март», «Костёр в поле», «Мартовское солнце»). Тем самым искусство способствует гармонизации его личности и формированию эмоционального равновесия, то есть становится одним из главных факторов самочувствия детей.

Формируя жизнь молодого поколения, визуальная культура передаёт ему знания о мире, язык, коды и ценности повседневного бытия, нормы социального поведения и уровни художественных предпочтений.

Есть художники, которые формируют не только эстетические представления, но и наше отношение к действительности. Творческие достижения Аркадия Александровича Пластова нерасторжимо были связаны с темами, естественно

отвечавшими его дарованию, душевным склонностям и живописному темпераменту. За годы творчества Пластов создал обширную галерею детских образов. В его картинах дети неизменные свидетели, а чаще – участники повседневных трудовых дел старших.

С нескрываемым удовольствием художник пишет детей самых различных возрастов, от едва научившихся ходить малышей до подростков, верно угадывая в каждом периоде жизни ребёнка свои специфические особенности. Подмечая в облике и поведении деревенской детворы зарождающуюся крестьянскую хватку, благородную привычку к труду, он восхищается чуткой отзывчивостью юной души к окружающему миру, способностью ребёнка тонко чувствовать природу, реагировать на обыденные явления как на удивительные происшествия. Об этих сторонах детской психологии поэтично рассказано в картинах «Первый снег» (1946), «В деревне» (1962), «Урок ботаники» (1939). С искренним сочувствием раскрыта трудная судьба детей военных лет в произведении «Жатва» (1945).

Детские образы А.А. Пластова – своеобразное явление в истории советской живописи. Художник говорил:

«Ребятишек я люблю, как описать их прелесть? В детском лице на открытом воздухе – ясность, свежесть цвета, приближающаяся по красоте к звукам. Писать ребятишек – одно наслаждение... Я во все картины правдами и неправдами ребятишек вписываю. Знаете, перед детишками я никогда не смогу закрыть дверь в мастерскую, как бы я ни был занят. Как знать? Может быть, это посещение кому-то из них западёт в душу. Изменит к лучшему судьбу».

Природа и животные в полотнах Пластова составляют не фон, а важнейший смысл деревенского бытия. Земной, человеческий облик пластовского искусства обращён к широкой аудитории зрителей.

Сотрудники музея А.А. Пластова создали музейно-педагогическую программу «Музей для самых маленьких!». Основной целью этой комплексной программы является приобщение детей к изобразительному искусству через развитие визуального мышления. Изобразительный ряд выстраивается из произведений, представленных в экспозиции музея. На примере картин А.А. Пластова и предметов народного быта дети знакомятся с историей родного края. В ход занятий включаются экскурсии, праздники, выставки детского творчества, театральные пластические игры, которые развивают способность перенестись в воображении в ту или иную эпоху, переживать изображаемые ситуации, ощущать сопричастность к персонажам искусства.

В программе «Музей для самых маленьких!» особое внимание уделено воспитанию интереса ребёнка к музейному пространству и к произведениям искусства, формированию навыков общения с подлинниками, знакомству с языком изобразительного искусства, развитию творческих способностей у детей.

Так, «Музей для самых маленьких» готовит себе потенциальную взрослую аудиторию.

А.А. Пластов, размышляя о влиянии прекрасного на личность человека, писал: «Надо, чтобы человек непреходящую, невероятную красоту мира чувствовал ежечасно, ежеминутно. И когда поймёт он эту удивительность, громоподобность бытия – на всё его тогда хватит: и на подвиг в работе, и на защиту Отечества, на любовь к детям, к человечеству всему. Вот для этого и существует живопись».

Ольга Помогова,
научный сотрудник Музея А.А. Пластова



От музейного экспоната к образовательному проекту



Можно спорить о том, насколько уместно экспонировать детские рисунки рядом с работами профессиональных мастеров. Но образовательный проект, впервые реализованный в Ульяновском областном художественном музее в феврале 2012 года, можно отнести к числу успешных. Этот проект дал возможность показать редкие, интересные экспонаты из музейных фондов, наполнил музейные залы равнодушной публикой, сделал огромное количество детей участниками музейной жизни.

Н.И. Уткин. Портрет А.С. Пушкина

В коллекции Ульяновского областного художественного музея есть гравированный портрет А.С. Пушкина работы Н.И. Уткина с портрета О.А. Кипренского. Гравюра Уткина была выполнена при жизни поэта и использована для фронтисписа в издаваемом Дельвигом альманахе «Северные цветы». Книга вышла в декабре 1827 года. Задача Уткина состояла в том, чтобы создать графический камерный портрет для книги небольшого формата. Вот почему в гравюре, в отличие от живописного портрета, нет символической фигуры музы, скрещенных на груди рук, почти не виден романтический плащ. Здесь образ поэта проще, человечнее. Вероятно, именно этими качествами и объясняется мнение отца поэта и лицейских друзей, считавших гравюру Уткина лучшим портретом А.С. Пушкина.

Именно гравюры А.И. Уткина способствовали широкой известности этого портрета. По этим «картинкам», как их тогда называли, поэта узнавали на улице и в общественных местах люди, совсем с ним не знакомые.

Есть в музейных фондах и другие экспонаты, связанные с именем Пушкина. Среди них бюст А.С. Пушкина работы скульптора И.П. Витали, выполненный в 1837 году – в год смерти поэта. Заслуживают внимания и гравированные портреты современников Александра Сергеевича, выполненные блестящими мастерами – гравёрами XIX века Ф.И. Иорданом, Н.И. Уткиным, И.В. Пожалостиним. Портреты поэта В.А. Жуковского, министра С.С. Уварова, императора Александра I дают возможность познакомиться с обликом людей, которым великий поэт

посвящал восторженные и уничижительные строки своих стихов.

Стремление представить эти экспонаты перед публикой в новом контексте вызвало к жизни образовательный проект «А.С. Пушкин. Прошлое и настоящее». Главной целью проекта стало привлечение внимания широкой детской аудитории к жизни, эпохе, произведениям великого русского поэта. В организованном художественным музеем конкурсе детского рисунка «Читаем А.С. Пушкина и рисуем» приняли участие более 600 учащихся детских школ искусств г. Ульяновска и Ульяновской области. Итогом проекта стала необычная выставка. Её уникальность заключалась в том, что впервые в выставочном зале музея в одном пространстве с произведениями известных профессиональных художников были представлены детские рисунки. На время выставка соединила в пространстве музея прошлое и настоящее, пушкинскую эпоху, представленную экспонатами из фондов музея, пушкинскую тему в творчестве художников XX века А. Зыкова и В. Траугота и детские рисунки, показывающие современное прочтение произведений Пушкина детьми и подростками. Стихи великого поэта объединили эти разные экспонаты.

Музейные экспонаты обращали зрителей к прошлому, работы профессиональных художников давали возможность познакомиться с глубоким осмыслением пушкинской темы в изобразительном искусстве. Но именно детские рисунки вносили неповторимую ноту оптимизма в восприятие этой выставки.

Для юных художников выставка стала возможностью не только получить

заслуженную награду, но и принять участие в мастер-классах с известными ульяновскими художниками В.С. Бобильковым, Л.В. Обвинцевой, Л.Н. Нецветаевым. Для родителей – поводом испытать гордость за своего ребёнка, чья работа находится в музее рядом с произведениями великих мастеров.



Мастер-класс с художником Л.Н. Нецветаевым

Учащиеся общеобразовательных школ после каждой экскурсии пробовали свои силы в викторине, посвящённой сказкам Пушкина. А для нас, взрослых, это было поводом задуматься о своевременности этого проекта, потому что в каждом классе был хотя бы один ученик, которому сказки Пушкина оказались совершенно не знакомы.

В ходе реализации этого проекта была полностью выполнена миссия музея: храня прошлое, связывать его с настоящим, делая востребованным в современном мире.

Елена Калашникова,

заведующая отделом образовательных программ и связей с общественностью УОХМ

Картины мастеров супрематизма в Ульяновске

Путешествие шедевров



На фоне классического искусства произведения художников авангарда казались в открывшемся летом 1920 года пролетарском художественном музее слишком странными, даже пугающими. Именно тогда Симбирск впервые узнал новаторское искусство России начала XX века. Наиболее смелыми были картины супрематистов.

Но город в лице интеллигенции сам «нарвался» на это странное явление. В Москву, в отдел ИЗО Наркомпроса (его музейное бюро) было отправлено письмо с просьбой о передаче в Симбирск картин художников, которые должны были сформировать новый музей живописной культуры. Об утопичности идеи создания новых музеев с преимущественным экспонированием произведений современных художников можно спорить, но остаётся факт, что Симбирск стал одним из немногих городов, где могла осуществиться эта идея. Среди прибывших были картины Н. Гончаровой, М. Ларионова, Е. Бебутовой-Кузнецовой, И. Нивинского, других мастеров этого времени. Произведения, поступившие из отдела ИЗО Наркомпроса, достаточно чётко укладываются в те программы, которые лежали в основе знаменитых творческих объединений начала XX века. Особое место среди поступления заняли четыре работы супрематистов. Они должны были логически завершить небольшой экскурс

Б.В. Шапошников.
Беспредметная композиция. До 1929

М.И. Меньков. Газета. 1918





в историю различных течений искусства начала XX века. Среди первых последователей К. Малевича были О. Розанова (1880–1918), М. Меньков (1885–1926(?), которые вошли в основное ядро объединения «Супремус». Напомним, что название супрематизм (от лат. *supremus*) означает наивысший. Абстракционизм К. Малевича строился на разнообразных соединениях геометрических форм, собранных в симметричные и ассиметричные композиции. Художник был уверен в новаторской идее «чистого творчества».

Зимой 1918–1919 года была организована посмертная выставка О. Розановой (это была I Государственная выставка, организованная отделом ИЗО Наркомпроса), после чего в разные города было передано большое количество её картин. Так случилось, что значительные работы хранятся в провинциальных музеях. (В Ульяновске – «Дама Пик» из серии «Игральные карты» и «Беспредметная композиция».) Для многих художников характерным было увлечение сериями картин. Традиционно это явление связывают со знаменитыми сериями К. Моне. Серии понимались как некое структурно-декоративное единство. Ярчайший пример – знаменитая серия О.В. Розановой «Игральные карты». В творчестве О. Розановой отражены почти все этапы современной живописи – от импрессионизма и неопримитивизма до кубофутуризма и супрематизма. Серия «Игральные карты» создана в период, ставший переходным, и, как определяют исследователи её творчества, – самый фантастический и притягательный. В 1915 году она завершает кубофутуристический этап и приближается к первым опытам супрематических композиций 1916 года, но во всех работах серии неизбежно обращение к неопримитивизму. Это и возможность, кажется, в последний раз реализовать накопленный опыт и обогатить его новыми знаниями. Гротеск, заложенный в самой теме, гротеск в живописи (броские цвета в контрасте с серой гризайлью) неизбежно повторяется во всех картинах серии. Каждая несёт в себе настроение карточного персонажа («Дама Пик» – образ «злой судьбы»), получившего самостоятельность и не имеющего ничего общего с наивными «лубочными» картами. С программой супрематизма серию сближает локальный колорит и попытка построения сложных форм посредством соединения более простых. В «Беспредметной композиции» (работа создана между

1916–1918 годами) О. Розанова уходит от строгих геометрических равноокрашенных плоскостей. И хотя К. Малевич называл её истинной супрематисткой, она всё больше внимания уделяет цвету. Неспроста светоносность цвета, словно взятая у русской иконописи, придаёт её композиции особую эмоциональность и подходит как нельзя лучше к придуманному ею названию «преображённый колорит». Эти работы О. Розановой являются не только очень значительными в её творчестве, но, что особенно важно, дают представление о многообразии творческих поисков внутри супрематизма.



О.В. Розанова. Дама Пик.
Из серии «Игральные карты». 1915

Эти изменения в ту или иную сторону, поиски и разработки собственных теорий, иногда возврат к первоначальному опыту, проходили очень быстро (часто в течение одного года).

В «Беспредметной композиции» Б. Шапошникова (1890–1956) первоэлемент – материал для построения иной, чисто художественной реальности, но со своеобразными воспоминаниями о предметном мире. Элементы монтируются в различных комбинациях, пространство передаётся посредством чередования плоскостей. В их нагромождении видно стремление к компактности, большое значение приобретает белый цвет фона в качестве своеобразного камертона, по которому проверяется цветовая насыщенность элементов композиции.

Имя М. Менькова впервые упоминается на знаменитой выставке «0,10» 1915 года, хотя первая из четырёх его ныне известных картин датирована 1914 годом. Его творчество охватывает

чуть более пяти лет, в которые он сумел разработать принципы «эмоционального» супрематизма, утвердив их на выставках 1917–1919 годов в «комбинациях света и цвета» и в «Манифесте» 1919 года. В 1918 году художник создаёт картину «Газета». Композиция разбита на четыре квадрата, разделённые по диагонали. Белый цвет, исключая центр, только подчёркивает серо-зелёную гамму треугольников. В центре – белый условный «цветок», подобравший к себе треугольники. В пространстве картин совмещаются реальности букв, слов, нот – это своеобразные первоэлементы новой реальности, смысл которой в сотворении Слова, равного сотворению мира. В «Газете» Меньков находит не только магию буквы и цифры, но создаёт посредством трансформации газетных полос и более конкретный символ быстро меняющегося информационного мира. Это абсолют знака.

Теперь о путешествиях картин. Все они давние участники престижных международных выставок. Прошли времена, когда картины этих мастеров приходилось прятать в фондах, они, как и люди, как литературные и музыкальные произведения первой половины XX века, были гонимы, от них отрекались, их уничтожали. В то время, когда картины участвовали в зарубежных выставках, у себя дома они были под запретом.

В постоянной экспозиции Музея изобразительного искусства XX–XXI вв. (до мая 2015 года – Музей современного изобразительного искусства имени А.А. Пластова) картины этих художников занимают почётное место.

Русский классический авангард – это то, что является визитной карточкой нашей культуры. Именно он повлиял на всё искусство XX века и продолжает влиять на современный художественный процесс. Картины за последние десятилетия побывали во многих знаменитых музеях мира (участвовали в выставках почти во всех странах Европы), представляя не только русское искусство этого времени, но, а это важно и почётно, наш музей, наш город, ведь в каталогах в экспликациях написано – собрание Ульяновского областного художественного музея. Скоро картины снова будут покорять музеи двух стран. Картина М. Менькова – в Швейцарии, «Беспредметная композиция» О. Розановой – в Мексике.

Елена Сергеева,

заведующая Музеем
изобразительного искусства XX–XXI вв.

Глашатай правды и свободы

В России 2015 год объявлен Годом литературы, а в Чувашской Республике – Годом К.В. Иванова. Указ подписан главой республики Михаилом Игнатьевым в целях увековечения памяти и творческого наследия человека, который внёс выдающийся вклад в отечественную и мировую культуру.



Константин Иванов – гордость и слава чувашского народа, один из основоположников национальной художественной литературы, просветитель-демократ. Личность Константина Иванова занимает особое место в Пантеоне всей чувашской культуры. В этом году исполнилось 125 лет со дня его рождения. А на олимп литературы он взлетел в Симбирске. Здесь он с некоторыми перерывами жил около десяти лет.

К.В. Иванов прославился, написав бессмертную поэму «Нарспи» о трагической судьбе девушки из богатой семьи – Нарспи и её возлюбленного, бедняка Сетнера. Этим он обессмертил своё имя, написав историю любви, которая и по прошествии более ста лет продолжает волновать умы людей. Творчество поэта питалось идеями освободительного движения. Все произведения Константина Иванова были созданы в 1906–1908 годах. Тогда ему было всего 17–18 лет.

«Этот невероятный взлёт поражает наше воображение, ибо в трёх тысячах стихотворных строк встаёт целая энциклопедия чувашской жизни», –

писал в своё время чувашский народный поэт Педер Хузангай.

Предки Константина Васильевича Иванова были выходцами из Чебоксарского уезда, крестьянами приволжского края, сбежавшими от царского притеснения в приуральские степи. Родился К.В. Иванов 15(27) мая 1890 года в селе Слакбаш Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне Белебеевского района Республики Башкортостан). Отец Вазинька постарался дать образование всем своим детям.

В 1903 году старательный и способный Кэстюк легко прошёл испытания в подготовительный класс Симбирской чувашской школы и усердно готовился стать учеником первого класса. За эти два года мальчик полюбил столярное дело, подолгу не выходил из школьной мастерской, занимаясь резьбой по дереву, а также живописью. Эту любовь к творчеству Иванов пронёс через всю свою недолгую жизнь. Известно, что он собственными руками смастерил из дерева пишущую машинку, сам же делал столы и шкафы, другую нехитрую мебель, а также писал портреты и оформлял

декорации к спектаклям. Зарождение чувашского фотоискусства также связано с именем Константина Иванова: в Яковлевской школе он открыл фотокружок. В фотографиях Константина Иванова запечатлены симбирские мотивы. В 1905 году Кэстюк был переведён в 1 класс. К этому времени относятся его первые пробы пера, в нём пробуждается интерес к чувашской народной словесности.

Вся его жизнь в дальнейшем тесно переплеталась с деятельностью чувашской учительской школы И.Я. Яковлева – единственным в имперской России учебным заведением с программой учительской семинарии для чувашей, в которой он был вначале учеником, а затем и преподавателем. Начиная с XIX века, Симбирская чувашская учительская школа была кузницей педагогических кадров и творческой мастерской для одарённых мальчишек и девчонок, приехавших из отдалённых чувашских деревень Симбирской, Самарской, Казанской губерний. Эту школу иногда называют «первым чувашским университетом», «чувашским лицеем», потому что она была источником возрождения чувашской культуры.

За участие в политических митингах и выражение протеста против устоев царизма класс, в котором учился Иванов, был в 1907 году распущен распоряжением попечителя Казанского учебного округа. Все 37 учащихся были изгнаны из школы. Поэт вернулся в родную деревню и занялся крестьянским трудом, а также сбором фольклора башкирских чувашей.

Когда утих шум, поднятый вокруг «бунтовщиков» чувашской школы, И.Я. Яковлев вызвал к себе наиболее талантливых учеников и предложил работу по переводу книг на чувашский язык. К.В. Иванов с увлечением редактировал чувашские учебники, перевёл Старый Завет Библии, рассказы и сказки, много рисовал. По-новому зазвучали в его переводах стихи и поэмы М. Лермонтова, Н. Огарева, А. Кольцова, Н. Некрасова, А. Майкова, К. Бальмонта, рассказы К. Ушинского, Л. Толстого.

При прямом участии И.Я. Яковлева в 1908 году вышла в свет книга «Сказки и предания чуваш», куда вошли оригинальные произведения К. Иванова, а также его поэма «Нарспи», вызвавшая всеобщий восторг и ставшая лебединой песней поэта. Книга была напечатана на чувашском языке в Симбирской типографии А. и М. Дмитриевых.



После «Нарспи» автор прожил всего семь лет. Может, и в это время он писал не менее гениальные песни, но они не стали достоянием народа. По воспоминаниям сестры поэта, наследие автора «Нарспи» разнеслось по миру ветром разрухи в годы Гражданской войны.

Весной 1909 года девятнадцатилетний поэт экстерном сдал экзамены на звание народного учителя в классической гимназии и, не найдя учительскую должность, уехал из Симбирска. Лето и осень он проводит на земельных работах в Сызранском уезде.

Ярые нападки на Симбирскую чувашскую школу, запреты на чувашское книгоиздание наглухо закрыли двери перед К.В. Ивановым. Он вновь уезжает в родной Слакбаш и проводит там целый год.

Только в ноябре 1910 года выпадает ему возможность вновь вернуться в Симбирск. И.Я. Яковлев посодействовал поэту в устройстве учителем чистописания и рисования в женском двухклассном училище.

В годы реакции поэт обращается к живописи, готовится к сдаче экзаменов в Петербургскую академию художеств. Известно, что он нарисовал портреты И. Яковлева, Л. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Гончарова и других. В 1913 году он пишет декорации к опере «Иван Сусанин», поставленной учащимися Симбирской чувашской школы. Его талант реализуется в портретной живописи и графике, в скульптуре, фотографии и декоративном искусстве. Но юношу подстерегают новые беды: он заболевает туберкулёзом и катаром желудка. Предчувствуя свою судьбу, летом 1914 года Константин совершает поездку в Тарханы на могилу М.Ю. Лермонтова. Осенью в третий раз возвращается он из Симбирска домой, чтобы навсегда остаться на родине: 13(26) марта 1915 года поэт умер в отцовском доме. Тогда ему было неполных 25 лет. Так безвременно закатилась звезда национальной поэзии.

Вершина поэтического творчества К.В. Иванова – лирико-эпическая поэма «Нарспи». На русском языке она вышла в шести переводах таких мастеров слова, как А. Петтоки, В. Паймен, П. Хузангай, Б. Ирнин, А. Жаров, А. Смолин. Поэма переведена на многие языки: русский, английский, немецкий, болгарский, украинский, итальянский, венгерский, турецкий, якутский, башкирский и другие. Восторженно отзывались о ней

А. Твардовский, А. Фадеев, П. Тычина, французский поэт-переводчик Леон Робель и многие другие.

«Нарспи» – глубоко народное произведение, написанное в лучших традициях чувашского народного творчества. «Поэма обладает замечательными художественными достоинствами, которые обеспечивают её прочный успех и долгую жизнь», – писал критик Иван Сестримский после её выхода на болгарском языке. «Нарспи» перешагнула границы республики и стран.



Поэт Константин Иванов

«Подлинная народность, высокая простота, огромная эмоциональная сила, композиционная стройность, колоритность пейзажа, осязаемость и пластичность образов, законченность их характеров, стремительное развитие сюжета, трагедийность по самой социальной сути, вместе с тем удивительная целомудренность, чувство меры, проникновение в глубину народной психики – вот что подкупает нас в «Нарспи», – написал народный поэт Чувашии Педер Хузангай в предисловии к поэме. – Это – национальное чудо, вершинный блеск дореволюционной чувашской культуры. Нарспи и Сетнер – это чувашские Ромео и Джульетта. Когда я переводил на чувашский язык бессмертную трагедию Шекспира, старики Капулетти и Монтекки у меня поневоле ассоциировались с Мигедером и Тахтаманом. Конечно, это два времени, два народа. Но тем убедительней вечность, общечеловечность подобного конфликта».

Глубокая ненависть к социальной несправедливости, мечта об освобождении чувашского народа от оков морали старого общества – основные мотивы творчества Константина Иванова. В образе Нарспи выражен протест против бесправия человеческой личности и рабской морали. Осмеянная деревенской толпой, избитая

родными, насильно посаженная под свадебное покрывало, смелая девушка восстаёт против богатых людей, которые считают, что всё можно купить за деньги, править судьбами других людей.

«Пусть сгублю себе я душу, /Но не буду жить с тобой!» – протестует Нарспи против выдачи замуж за богатого мужчину – Тахтамана. У неё был возлюбленный Сетнер – парень из бедной семьи, хотя сама она из обеспеченной семьи.

Обаятелен образ Сетнера, человека красивого духовно и физически. Любовь Сетнера безгранична. Трагичен финал поэмы, вызывающий чувство сострадания к судьбе Нарспи и Сетнера, пробуждающий непримиримость к стяжательству, чёрствости, самодурству.

Заслуженная слава к К.В. Иванову пришла давно. Его называют «чувашским Пушкиным». Имя его занесено во многие национальные энциклопедии мира. XXV сессия ЮНЕСКО включила юбилей выдающегося поэта во Всемирный календарь памятных дат, 1990 год был объявлен Годом К.В. Иванова. Тогда же были выпущены памятная монета достоинством в 1 рубль (художник Э. Юрьев) и почтовая марка.

На родине поэта, в селе Слакбаш Республики Башкортостан, ежегодно проводится фестиваль поэзии «Сильбийские родники».

В 1966–1994 годах Государственная премия Чувашии за выдающиеся произведения литературы и искусства и исполнительское мастерство называлась именем К.В. Иванова. В Чебоксарах ему поставили памятник и бюст. Именем поэта названы улицы, библиотеки в городах Чебоксары и Шумерля, а также две улицы в Чебоксарском районе, Чувашский государственный академический театр драмы. По мотивам поэмы «Нарспи» написана опера и поставлены балет, спектакль.

Безгранична любовь народа к своему гениальному сыну, которую столь ярко выразил П. Хузангай:

*Пройдут года. Пройдут десятилетия.
Живую память время не сотрёт:
Поэта слава ширится на свете,
Она достигнет мировых высот.*

Николай Ларионов,

главный редактор ульяновской областной чувашской газеты «Канаш»



Основной производственный корпус Гурьевской фабрики. Фото конца XX века

Ак мечеть (Белая мечеть) в деревне Старое Тимошкино, построенная на деньги Акчуриных и прихожан. Здание не сохранилось

Фамилия известных фабрикантов и купцов Акчуриных прежде всего связана с селением Старое Тимошкино.



Акчурини – помещики, фабриканты и купцы

Письменная история этого селения сопровождается большим количеством фамилий и имён. Это связано с наделением поместной землёй служилых татар «по новому городу Сызрану». Один из первых документов начинается так: «7198 (1690) года по указу Великих Государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев... служить Шацкому Умралею мурзе Степанову сыну Мамалаеву по новому городу Сызрану... и в поместье земли ему, Умралею, отвести со всякими угодьями... Писано на Москве 7198 апреля в 13 день». Поместные земли даны Умралею Мамалаеву «с товарищи», то есть всем, с кем он службу несёт, а товарищей его 49 человек. Указаны имена всех «товарищей», названы точные границы поместий, большинство соответствуют современным названиям: Свяжские и Акшутские вершины, устье речки Канлы (Калда), Кряж озеро, Кузоватовская и Туарминская дороги. Свидетелями при отводе земли были служилые солдаты из села Безштановка, деревни Смышляевка и деревни Канлы (Калда), получившие поместья в 1681–1682 годах. Они получили землю гораздо раньше.

Впервые упоминание об Акчуриных в документах по истории деревни Тимошкиной появляются в августе 1837 года, когда Сенгилеевский

третьей гильдии купеческий сын «из мурз князь Сулейман Абдуллаев сын Акчурин» подаёт прошение в Межевую контору для уточнения границ земельного имения.



Тимербулат Курамшевич Акчурин

В прошении Курамши Абдуллова Акчурин, основателя династии Акчуриных, упоминается, что предок его Муралей Степанов сын Богданов, а потом наследники его, из которых последним был князь Яков Иванов сын Богданов, по смерти которого вдова, его жена, княгиня Пелагея Михайловна Богданова, а по её смерти и сам Курамши Акчурин владеет в деревне Старое Тимошкино и в деревне Алексеевка поместной землёй. В другом документе

о прошении Курамши Абдуллова Акчурин говорится, что Умралею Степанову сыну Мамалаеву жалована была земля в 7153, то есть в 1645 году. Эту дату Курамша Акчурин указал в то время, когда помещики начали выделять свои имения из общей межи.

Получив независимость от соседей, помещики формировали свои имения по купчим крепостям или дарственным записям. Потомственный почётный гражданин, Симбирской первой гильдии купец Сулейман Абдуллаев Акчурин 3 октября 1863 года купил у Фёдора Христофоровича Яковлева при селе Смолькове на берегу реки Свяги небольшое имение. А из имения Аркадия Васильевича Яковлева и его сестры Елизаветы Васильевны Алексеевой было продано Курамше Абдуллаеву Акчурину 100 десятин и Сулейману Абдуллаеву Акчурину 83 десятины 804 сажени. В феврале 1866 года вдова Юнусова продала при селе Смолькове небольшое имение с мукомольной мельницей и санными покосами Торговому дому «Вдова Акчурин с сыновьями». Акчурини не пренебрегали ни одной возможностью для увеличения своего земельного имения. Кроме этого, они скупали большие участки леса как на топливо для фабрики, так и для строительства.

Главным занятием всех Акчуриных было не земледелие, а торговля и фабричное производство сукон. Об этом



сказано в доверенности «потомственного почётного гражданина и Симбирского 1-й гильдии купца Курамши Абдуллова Акчурина», данной сенгилеевскому купцу Дмитрию Ефимовичу Данилову для ведения им повседневных дел: «Состоя в Симбирском, по первой гильдии купечестве, я производил и производжу разного рода товарами торговлю, снимаю в аренду мельницы, суконные фабрики и имею собственную свою суконную фабрику в Симбирской губернии Карсунского уезда при селце Гурьевка, Сар Барыш тож, и земли: пахотные и лесные, состоящие Симбирской губернии в Сенгилеевском и Карсунском уездах..., содержа на аренде суконную фабрику... Сызранского уезда при селе Самайкино», с которой «поставляю в казну разного рода сукна». Далее он пишет, что занимается «покупкою и продажей товаров» и «отправкою оных на продажу в разные ярмарки и в столичные города», даёт деньги в кредит по «распискам и другим актам», а также имеет в разных губерниях и в правительственных местах дела, относящиеся к «взысканию с разных лиц причитающихся сумм или товаров», поэтому сам он лично быть везде не может.

Далее следуют конкретные указания на то, чем должен заниматься Дмитрий Ефимович Данилов: получать деньги, а в случае неплатежа взыскивать с должников, участвовать в описи имущества и товаров, быть куратором в конкурсах, подписывать страховые и простые письма и многое другое.

Не одну фабрику содержали Акчурины, в разное время и разными способами они принимали участие в производстве сукон на многих фабриках, не принадлежавших им. Не всегда для хозяев фабрик такое сотрудничество заканчивалось благополучно, но Акчурины всегда оставались с прибылью.

Приведём ещё один документ, говорящий о занятиях семьи Акчуриных. Это «Духовное завещание» потомственного почётного гражданина, симбирского купца 1-й гильдии Сулеймана Абдуллова Акчурина, им самим подписанное на татарском языке 18 мая 1864 года.

По этому завещанию всё движимое и недвижимое имущество завещается в наследство жене Махмуб – Залаль Шабаявой Акчуриной и сыновьям: Абдрашиту Сулейманову Акчурину и Хасяну Сулейманову Акчурину. Остальные члены семьи должны вступить во владение по праву наследников после наступления совершеннолетия.

По получении документов на завещанное имущество Махмуб – Залаль Акчурина дала в январе 1865 года доверенность на управление всем имуществом Хасяну Сулейманову Акчурину. Этот документ больше напоминает подробный инструктаж для наследников на будущие времена. «Торговый Дом вдовы Акчуриной с сыновьями», созданный при жизни Сулеймана, может «производить торговлю в городе Симбирске и уезде онога и в прочих Российских городах, и ярмарках; покупать и продавать движимые и недвижимые имущества на имя фирмы нашего Торгового Дома, а равно всякие товары законом дозволенные, на наличные деньги и в кредит, при покупке товаров в сроки давать от имени Торгового Дома за своими подписями всякие заёмные письма и другого рода обязательства, ...брать на имя Торгового Дома векселя, заёмные письма и другие акты... представлять к учёту в Государственный коммерческий банк и его конторы, ...получать под оные деньги, делая на них от имени Торгового нашего Дома надписи... В разных городах и ярмарках объявлять капитал от имени фирмы Торгового нашего Дома, нанимать лавки и амбары, и всякие удобные места, как для складки товаров, так и для продажи оных».



Хасян (в центре), Якуб (справа) и Абдулла Тимербулатовичи Акчурины

Далее тон и содержание документа становятся всё более назидательными: «Нанимайте прикащиков, конторщиков, кассиров и других служителей и рабочих людей, увольняйте тех, которые окажутся неспособными или нерадивыми, делайте расчёт с каждым по справедливости, нанимайте разного рода суда для отправки товаров водою и сухопутно через транспортные конторы и частных извозчиков в разные города и пристани и ярмарки с заключением контрактов или без оных... приобретайте пятипроцентные банковские

билеты... Совершайте от имени Торгового дома (сделки. – Авт.) на купленные и продаваемые имущества... Управляйте делами по сукнодельным фабрикам, принадлежащим нашему Торговому Дому... в деревне Старотимошкиной и арендуемых... у г(осподина) Скребицкого в селе Тереньге Сенгилеевского уезда, Дурасовой того же уезда в селе Шигоны и в селе Вельяминовке, Поповка тож, принадлежащей госпоже Стремфельд... Являйтесь на торги и берите поставки в казну разных сортов армейских сукон...».

За неграмотную хозяйку «Торгового Дома вдовы Акчуриной с сыновьями» по её личной просьбе «руку приложил» крестьянин Карсунского уезда деревни Белый Ключ Степан Никитин Патрикеев.



Рабочие и служащие Старотимошкинской фабрики. Слева направо (сидят): 4-й – Али Якубович Акчурин, 6-й – Абдулла Мустафин. Август 1912 год

Торговая и производственная деятельность Акчуриных оставила глубокий след в истории не только города Симбирска и селения Симбирской губернии, но и во многих других местах Российской империи.

Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ (г. Казань), Министерство искусств и культурной политики Ульяновской области, Ульяновский государственный университет, Ульяновское отделение татарской национально-культурной автономии, Институт имени Юнуса Эмре (Турция, г. Анкара) 28 мая – 1 июня 2015 года провели Международную научную конференцию «Юсуф Акчур: наследие и современность», которая проходила поэтапно в городах Казани, Ульяновске и посёлке Старотимошкино.

Константин Новеньков



Портрет Ивана Юркина

Иван Юркин – этнограф и литератор

Симбирская губернская учёная архивная комиссия (СГУАК) положила начало собиранию материалов устного народного творчества. Хранителем этих документов стал Государственный архив Ульяновской области. В личном фонде Ивана Николаевича Юркина собраны материалы устного народного творчества, донесшие до наших дней историю народов Поволжского региона.

Краевед, этнограф и литератор Иван Николаевич Юркин (1863–1943) родился в д. Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинский район, Республика Татарстан). Учился в Симбирской чувашской школе, Казанской учительской семинарии. Работал писцом, помощником волостного писаря, служил в Симбирском акцизном и Ульяновском губернском статистических управлениях. В 1890 году стал членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в 1895 году – Казанского общества археологии и этнографии.

С 1897 года И.Н. Юркин являлся членом СГУАК, активно собирал русские и чувашские народные приметы, заговоры, загадки, народные афоризмы, записывал народные песни и обряды. В 1928 году фонд неутомимого энтузиаста поступил в архив. «Жемчужиной» коллекции Юркина можно назвать собранное им песенное народное творчество. Это русские народные напевы, записанные в 1895 году со слов крестьянки с. Безводное Ардатовского уезда Симбирской губернии Надежды Ивановны Ларькиной, народные песни каргинских чуваш Карсунского уезда Симбирской губернии (1890), собрание чувашских песен, записанных в окрестностях деревни Янтиково Буинского уезда Симбирской губернии в 1900-е. В 1900 году Иван Николаевич собрал и редко употребляющиеся чувашские слова. Нужно отметить, что все материалы исследователь записывал на русском и чувашском языках. От первого лица дошла до наших дней устная история чувашского народа. Ещё ждут своих исследователей чувашские народные приметы, афоризмы, записанные И.Н. Юркиным на родном языке.

Сегодня в условиях формирования региональной идентичности наследие

И.Н. Юркина приобрело особую ценность. Например, для проведения в Ульяновской области народного праздника Акатуй только в фонде Юркина специалистам удалось найти описание праздника. В 1908 году И.Н. Юркин описал Акатуй именно так, как проводили его чуваша деревни Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии.



Рубахи мишар.
Рисунки И.Н. Юркина

Чуваши Буинского уезда каждую весну ждали, когда растает снег. И после этого в тёплый солнечный день проводили Акатуй. Перед праздником староста, уважаемые старейшины и молодые люди по всей деревне собирали платки, сурбаны (женские головные повязки),

различные ткани, деньги и другие красивые вещи. Каждый житель деревни что-то давал для общего праздника в зависимости от своего достатка. Все собранные вещи во время Акатуя вручались победителям соревнований в качестве приза.

Акатуй обычно проводили на большой поляне рядом с селом, на лугу. Все жители села и окрестностей целыми семьями приходили на праздник. Вместе с приехавшими в село родственниками и друзьями собиралось несколько тысяч участников действа. Все играли, пели, состязались в силе и устраивали бега.

Помимо этого, Иван Николаевич записал некоторые песни мишар на татарском языке, сделал собственноручные цветные зарисовки рубах, которые носили женщины-мишарки.

С большим энтузиазмом И.Н. Юркин занимался сбором и описанием архивов учреждений Симбирской губернии. СГУАК назначила его в Особую комиссию для разбора старых дел архива Губернского правления за 1870–1874 годы. В 1916 году он занимался доставлением ревизских сказок из Буинского уездного казначейства в исторический архив СГУАК, так как эти документы представлялись весьма интересными в научном отношении.

И.Н. Юркина привлекала не только этнография и история, но и литературная деятельность. Он писал повести, рассказы, научные статьи, этнографические очерки, зарисовки. Его литературная и общественная деятельность была направлена на защиту самобытности духовной культуры народов Симбирского края, и в особенности его родного, чувашского.

Роза Макарова,
начальник отдела
научно-справочного аппарата ГАУО

Милая родина – село Еделево

Я не могу забыть свою малую родину. В бессонные ночи я проживаю там и возвращаюсь в далёкое неповторимое детство, в юность нашу беспечную...



В начале 1960-х годов наше село объявили неперспективным. Чем-то не понравилось оно нашему председателю Василию Петровичу Малышеву, и он сказал людям на сходке: «Я вас всех отсюда выживу, а на вашем месте засею табак». И вскоре закрыли школу, магазин, больницу. Нам пришлось уехать в город. Я в Еделево работала на ферме, а в Ульяновске – на автозаводе, в горячем цехе. Меня замечали на работе, много раз награждали и фотографировали на Доску почёта. Сейчас, когда я пишу о своей Родине, переживаю всё заново, словно пребываю в детстве, в юности, бегу по милым тропинкам, по роскошным зелёным лугам, где запах трав пьянил душу...

Дела помещицы

Село наше было красивым, с широкой улицей. На западной стороне – сад. Он принадлежал помещику Бервий. Родники у нас были очень хорошие, вода в них холодная и чистая. Родников было много, но воду для питья брали лишь в Маленьком ключе и Большом ключе, в Тяжёлом ключе поили скотину – воду почему-то считали тяжёлой. Речку мы называли Ерусалимка, в ней кроме оголичков ничего не водилось. После сильных летних дождей мы бегали по канавкам, искали какие-нибудь безделушки и радовались любой находке, ведь игрушек у нас не было.

Село было большое – 300 домов, а в 1936 году случилась засуха, был страшный голод, много семей уехало, но перед войной снова стали возвращаться.

В 1912 году, когда маме было лет девять, их дом сгорел – успели спасти только скотину. Семья поселилась в амбаре. Вскоре после пожара приехала барыня Ольга Карловна Бервий и обратилась к маминому отцу: «Василий Ефимович! Я недавно поставила новые тесовые ворота в саду, ты приди и увези их себе – они тебе пригодятся». И ещё дала немного денег. Мама говорила, что Ольга Карловна была доброй, помогала одиноким и больным людям. Когда её раскулачили, народ сочувствовал ей и помогал, а она, чтобы отблагодарить, шила шапочки детские, распашонки. Через какое-то время бывший их кучер из Чекурска забрал её к себе в семью, и она жила у него, а потом исчезла.

Мы должны быть благодарны Ольге Карловне – это она построила на свои деньги в селе каменную церковь, вместо прежней деревянной, которая сгорела. Для этого был построен кирпичный завод и сараи за барским садом, а глину добывали в местных оврагах. Сельчане тоже помогали строить храм, кто чем мог. Открыли церковь в 1912 году на праздник святых апостолов Петра и Павла, и называлась она Петропавловская. Народ радовался открытию храма. На престольный праздник, в Петров день,

съезжались в село торговцы, и была большая ярмарка.

Моя мама – Анна Васильевна Карпова – пела на клиросе в этой церкви с 12 лет. Она не могла без слёз рассказывать о церкви – какая она была красивая, как ярко сверкали на ней кресты. Вокруг церкви была ограда, стояли каменные столбы, а на них – стеклянные шары, красные, розовые, жёлтые, синие.

Церковь закрыли в 1932 году. Народ очень горевал. Иконы бросали прямо на пол. Одна икона Божией Матери (её когда-то купил мамин отец) была на шёлковом полотне. Дед стал просить Ивана, который срывал иконы: «Сними мою икону осторожно, я её заберу». Но Иван сорвал её да кинул, она и разорвалась пополам. Каждый житель старался взять иконку или мелочь какую-нибудь, чтобы осталась дорогая память.

Мне рассказывала мама, как раскулачивали Бервий. Ольга Карловна вышла к людям и сказала: «Граждане! Жалко мне вас. После нас хоть крапива будет расти, и можно будет найти то место, где мы когда-то жили. А вот вы не найдёте даже своих обжитых мест. Будете вы ходить по хлебу, а есть его не будете». Люди ей тогда не поверили: как же так – ходить по хлебу и не есть его? Прошло время, и вспомнились её слова... Особенно во время войны: ходили по хлебу, а сами были голодные. Даже за карман зерна давали срок тюремного заключения, а то и расстрел.

В году 1953-м власть наложила большой процент шерсти с овец. Вырастить овцу – это труд, а собрать с неё столько шерсти, как требуют, – невозможно! Многие порешили всех овец и стали покупать валенки на рынках – так считали выгоднее. А при Хрущёве новый закон вышел: не разрешали держать на личном подворье две головы рогатого скота. Народ опять был придавлен. Мы с мужем повели в Астрадамовку бычка и сдали на заготскот – по 65 копеек за кг живого веса – отдали почти за так.

В 1930-е годы жили с опаской – тогда власть за каждое слово цеплялась. Люди разговаривали тихо, оглядывались, не подслушивает ли кто. Если кого заберут, то и след простыл.

До революции жил в нашем селе промышленник Михаил Селивёрстов, имел свой спиртзавод. Когда началось раскулачивание, он скрылся в неизвестном направлении, а после войны он всё-таки навестил родное село. Люди на него не были в обиде, общались с ним как старые знакомые. Вместо спиртзавода уже была мельница – мы молотили там зерно.

Народные характеры

Народ в нашем селе был добрый, отзывчивый. Если радость в семье – радовались все, горе тоже делили на всех. В то далёкое время народ был малограмотный, и если кому-то надо было написать просьбу или заявление, шли к учительнице Татьяне Ефимовне Гариной – она никому не отказывала. У неё не было правой руки: в детстве, катаясь на горке, она попала под ледянку, ей отняли руку, и богатые люди пожалели её, отдали учиться. Вернулась она в родное село перед войной, а до этого работала в Алатыре, там вышла замуж, хоть и была без руки. Она была родной сестрой моей мамы, и я называла её тётей. Даже с одной рукой тётя Таня умела очень красиво вышивать, пекла пироги и хлеб. За трудовую деятельность Т.Е. Гарина награждена орденом Ленина. После смерти тёти Тани её вышивки хранятся у меня. Ещё есть четыре старинных полотенца – полотно ткала моя бабушка, а вышивала Татьяна Ефимовна. Это и есть моё наследство.

Были в нашем селе хорошие мастера: портные, вальщики, печники, сапожники. Мой отец Андрей Родионович Карпов был отличным портным, к нему шли с заказом со всей округи: из Шатрашан, из Маклауш, Чуфарова, Старых Маклауш – и все уходили довольные его работой. Он также сшил

пальто нашей молоденькой учительнице Лидии Фёдоровне Беловой (по мужу Ярославская). Когда она приехала учить наших детей, её сразу полюбили и дети, и родители.

Был у нас замечательный вальщик Павел Герасимович Выборнов, мастер своего дела. К нему тоже народ стоял в очереди с заказом. А Пётр Васильевич Максимов – мастер на все руки: мог и шить, и печь сложить, и плотничать. Человек он был малограмотный. Когда впервые пошёл на выборы, не знал, что делать с бюллетенем для голосования, вот и спросил одного шутика, а тот сказал: если депутат не нравится тебе, ты его зачеркни. Пётр Васильевич и зачеркнул, поставил свою фамилию вместо того депутата. Время было строгое, но по неграмотности он был прощён. Зато народ долго потешался.

Жил в нашем селе сапожник Фёдор Васильевич Живайкин. Летом работал на колхозной пасеке, а зимой шил сапоги или туфли, молодёжи – сапожки хромовые, мы их называли джимы. Кто их мог приобрести, очень гордились этим. Люди заказывали ему любую обувь: кто сандалии, кто сапоги или туфли, и были очень рады, когда получали свой заказ и тут же надевали вечером в клуб или на большой праздник.

Жизнь протекала однообразно, но случались и смешные моменты. Зимой в деревнях дел не так уж много было, и простой народ вечерами бездельничал, особенно мужчины. Женщины были заняты: кто пряд, кто вязал носки, варежки для семьи. А мужчины собирались в одной избе. Вот и мой отец с братом Михаилом тоже уходили балагурить к Абрамовым. В очередной раз наши мужики собрались вечером, а женщины – моя мама Анюта и жена Михаила, тоже Анюта – решили подшутить. Старшая Анюта привела со двора козу за рога и говорит моей маме: «Сестрица! Ты вот держи козу так,

чтобы она мордой в окошко смотрела». Загасили козу на заваulinку, поставили перед окошком. Мама держит козу за рога – морда в окошке, а сестрица крутанула козе хвост, та и заорала благим матом. Мужики вскочили со своих мест и – бежать.

Были у нас куры, и у них – свой «начальник» петух. А рядом в соседях жила тётя Маша Романова, родственница. У неё тоже были куры и свой хозяин-петух, который бил нашего петуха и переманивал кур к себе, в свой гарем. И вот мне подсказали, как наказывать обидчика. Ты, мол, накорми своего петуха хлебом, смоченным в водке, и выпусти около драчуна. Я так и сделала. Накормила с водкой и думаю: сейчас он задаст трёпку соседу, за всё отомстит. Выпускаю петуха из рук, а он упал на спину, крылья в разные стороны распластал и не шелохнётся. Вот те на – отомстил! Петух-то умирает. Через какое-то время петух встал и пошёл, пошатываясь. Нашёл тёмное прохладное местечко, там и отсыпался. Так и продолжал жить, униженным, пока тётя Маша не продала своего петуха.

Свёкор мой, Яков Сергеевич, рос сиротой с тремя братьями. Воспитывал их дядя Иван Платонович Романов. Однажды он говорит: «Яшка! Поедем ночью в болото, косить траву». Поехали, накопили травы, стали её укладывать на воз, и вдруг раздался такой громкий рёв, появилась какая-то тень и стала к ним приближаться. «Яшка! – кричит дядя. – Это леший! Давай прыгай в телегу». Только они успели запрыгнуть, лошадь рванула с места и до самого дома неслась галопом. У дома лошадь не стала ждать, когда откроют ворота, а со всего размаху проломил их. Забрав во двор, вся дрожала и была как в мыле. А ворота были из жердей!

Дядя впервые струсил, а вообще-то не боялся ничего. Он был мельником и жил всё время на мельнице. Однажды мужик, который привёз зерно молотью на его мельницу, спрашивает его: «Как это ты ничего не боишься? Ведь тут на мельнице черти живут, а в воде русалки прячутся». Иван Платонович ему отвечает: «Нет, не боюсь я их». И вот этот мужик решил его проверить. Поздно ночью пришёл к нему на мельницу и спрятался. Пошёл Иван Платонович проверять водяное колесо, спустился вниз и видит что-то ни на что не похожее. Взял он лопату да как стукнет по этому «что-то», а оно – бултых в воду и орёт благим матом: «Ты что! С ума сошёл – со всей силой! Я же пошутить хотел, то есть узнать, правда ли ты не



Жёны братьев Михаила и Андрея Карповых – обе Анюты – у храма Петра и Павла



боишься здесь, на мельнице». – «Теперь узнал»? А мужик плачет: «Где мне теперь штаны-то искать? Как я без них пойду?» Взяли фонарь, пошли искать штаны. А их уже намотало на колесо. Вот так мужик и пошёл домой в одних подштанниках. Кто над кем подшутил?..

Испытания войной

Война всех застала врасплох. Стали приходиться повестки, в них было указано, что взять: пару шерстяных носков, пару варежек с двумя пальцами. А у людей ничего этого не было. На помощь пришли родные и соседи: кто-то вяжет один носок, кто-то – другой, а третий вяжет варежки... Потом стали приходиться похоронки. Это тоже переживали всем селом. У меня на фронт ушли три двоюродных брата и не вернулись – все трое Степановичи. На фронт уходили и девушки: Михеева Мария Павловна и Живайкина Валентина Фёдоровна. Бог их пожалел: они вернулись, потом вышли замуж. Много мужчин не вернулось с войны. Из одной семьи ушли пятеро сыновей, и ни один не вернулся – у всех остались малые дети, а их жёны, молодые вдовы, работали в колхозе, пахали землю на коровах, сами впрягались и тянули лямки до потемнения в глазах. Маму возили копать окопы в Уржумск. Зимой 1941 года были сильные холода, я сама топила печку – мне восемь лет было. Делали кизяки, чтобы топить зимой печку. Мы ещё были неокрепшие, полуголодные, но старались помочь хоть чем-то взрослым.

Наши матери выполняли очень тяжёлую работу. Косили луга, зимой молотили на молотках хлеб, снопы складывали в клады, а зимой их обмолачивали. Чтобы перевести молотилку от одной клады к другой, нужен был трактор. А трактора зимой стояли на ремонте в Старых Маклаушах. И вот женщины эту молотилку тянули сами. Завязывали верёвки за передок молотилки и со словами «Ну-ка дружно подхватили, бабоньки, эх, раз, ещё-ещё» – передвигали по полю до следующей клады. Домой они приходили голодные, уставшие, и мы им старались приготовить ужин, если было из чего. Домашние дела легли на нас, присматривали мы и за младшими сестрёнками и братишками. Летом тоже не бездельничали, поливали и пололи огород, делали кизяки для топки. Шла война, а мы подрастали и тоже стали впрягаться в соху наравне со взрослыми. И так было до 1948 года. Мальчишки в 17–18 лет работали

трактористами, а девчонки плугарили – были у них помощницами.

После войны ещё долгие годы народ жил в бедности. Ребятишки донашивали вещи друг за дружкой или с плеч родителей. Когда я пошла в школу (1941 год), ни портфелей, ни тетрадок у нас не было, и одёжка плохонькая. Учительница Татьяна Ефимовна нам говорила: «Ребята, я знаю, что надеть вам нечего, но вы должны приходиться в школу чистенькими и чтобы были пришиты все пуговицы». Но пуговицы негде было взять, поэтому пришивали палочки. Писали на чужих тетрадках бывших учеников – между строк испи-санных тетрадью. Откуда-то брали жёлтую оберточную бумагу, шили из неё небольшие книжечки и на них делали домашнее задание.



Выпускной 4-й класс
с учительницей Т.Е. Гариной

Дров для школы запасали мало. Хоть и топили, но раздеться всё равно нельзя было – очень холодно. Учительница Татьяна Ефимовна жила при школе. В сильные морозы она забирала нас к себе в комнату, которая была небольшой и от нашего присутствия быстро нагревалась. Чернила оттаивали, и мы начинали делать уроки. А сидели – кто на полу, кто на стуле или на сундуке. Так мы перебивались до тепла, потом снова переходили в класс, а классы у нас были светлые, просторные. Школа была построена по проекту Ильи Николаевича Ульянова. Мы гордились нашей школой – она была украшением села. Несмотря на тяжёлое военное время, нам ставили каждый год ёлку. Мы рассказывали стихотворения, заучивали наизусть выдержки из газет. Это были вести с фронта. В третьем классе мне и Марии Кузнецовой Татьяне Ефимовна дала выучить стихотворение из учительского журнала. Там было 17 куплетов. Десять выучила и рассказывала я, а семь – Кузнецова Мария. Стихотворение называлось «Сиротка» – про девочку, как на её глазах немцы убили

мать и повесили брата. Когда я дошла до середины, народ плакал навзрыд, и я уже не могла рассказывать.

Мы очень ждали Октябрьский праздник и Первомай, потому что нам в эти дни давали большие булочки. Во время войны с хлебом было особенно туго, но нас в школе один раз в день кормили. Это была завариха на воде или горох, и нам было не так уже голодно. А дома ждала картошка круглая, зарумяненная в печке, и постный суп, который к вечеру почему-то становился красным. Вкуса хлеба мы не знали. Что такое конфеты и сахар, представить не могли. Парили и сушили морковь – это было лакомство. Парили тыкву, свёклу, репу – всё это ели с удовольствием. Выручали нас и наши кормилицы коровы, хоть и налоги платили с них большие, и масло отдавали государству. С кур тоже брали налог: 100 яиц отдай за год. Может, у тебя 3–5 кур, а сто яиц отнеси.

В 1945 году я окончила начальную школу. Три девочки и два мальчика решили пойти в 5-й класс: Михеев Александр, Кузнецова Валя и я, Карпова Валя пошли учиться в Старые Маклауши, а Кузнецова Мария и Кулажников Анатолий – в село Архангельское Астрадамовского района. Зимой мы жили на квартирах, а осенью и весной, как только сойдёт снег, мы ходили каждый день пешком домой и в школу, чтобы не платить за квартиру. Надевали лапти и шли напрямую по полям: пройдём поля в лаптях, потом их снимаем, надеваем ботинки, а лапти прчем под кустик – на обратную дорогу. Директором школы был тогда Леонид Иванович Лапшин, очень строгий, преподавал алгебру и геометрию. На фронте потерял кисть на левой руке.

Мы вокруг школы сажали берёзки, мне досталась берёзка с искривлённым стволом. Я её посадила напротив своего класса, с правой стороны. Прошло много лет, и мы как-то поехали на кладбище, я попросила остановиться в Старых Маклаушах и пошла посмотреть, жива ли моя берёзка. Подошла к ограде и сразу узнала её по стволу – стоит! Я с ней поздоровалась, спросила её, помнит ли она, что я её сажала. Берёзка мне в ответ зашелестела листочками, и ветки склонились в мою сторону.

Я окончила школу-семилетку – дальше учиться не было возможности, а потом я вышла замуж. Ну а дочкам мы дали высшее образование – советская власть позволяла учиться бесплатно.

Был у нас клуб – большой, красивый, с высокими окнами. Когда-то это здание принадлежало богатому человеку,

нашему сельчанину Филиппову. Его раскулачили, а дом переделали под клуб. Во время войны здесь было зернохранилище. В 1943 году летом шли частые дожди, хлеб собирали вручную, и всё собранное зерно оказалось сырым. Хлеб поместили в дом Филиппова и развезли по домам сушить на печках. Бывало, придёшь с улицы, озябнешь, а на печке сушится колхозное зерно. Заберёшься на печку и ноги в это зерно спрячешь – так станет хорошо, тепло. Уютно, на столе горит маленькая коптелка. Керосина не было, да и лампы, наверно, не у всех были.

Во время войны, да и после войны работали на тракторах и комбайнах молодые девчонки и женщины. Была комбайнёром у нас Чугунова Мария Алексеевна, а штурвальным у неё была Лаврентьева Клавдия Яковлевна. Бывало, сломается какая-нибудь деталь, комбайн встаёт, и они идут со сломанной деталью пешком в МТС, в Старые Маклауши. А это 8-9 километров. Косили хлеб также и жнейками: запрягали два быка или пару захудалых лошадей и тянули это сооружение. Управляли ими две женщины – одна правила лошадьми или быками, чтобы шли по кромке жнивья, другая управляла жнейкой из двух-трёх рамок, крутящихся друг за дружкой и подававших жнивье под резку. Колосья ложились на жнивю, а за ними шли женщины и вязали снопы, а мы, подростки, ставили их в пятки: четыре снопа вертикально, пятый сноп ложился сверху горизонтально, чтобы закрыть эти четыре снопа от дождей.

Косили луга косами, вручную. За день косы тупились, а чтобы пойти завтра снова косить, косу нужно было пробить – оттянуть тонкую полоску лезвия косы, и женщины шли к моему отцу – он был временно освобождён от военной обязанности. С раннего утра у нас во дворе толпился народ, и раздавался стук пробойного молотка о косу. Женщины уходили довольные работой моего отца. Всё делалось за спасибо.

Кончилась война, стали приходиться с фронта мужчины. Пришли братья Живайкины: Пётр, Николай, Александр. Пришли два брата Романовых: Григорий и Виктор, а третий брат – Фёдор Васильевич – не вернулся. Работали они много, отпусков не знали. В период сенокоса или уборочной домой шли усталые, но с песнями. Живайкин Саша и Романов Григорий старались шагать рядом и запевали песню, привезённую с фронта: «Як посею огурочки близко над водою. Сама буду поливати дрибною слезою». Народ подхватывал,

и это разносилось по всей округе. Это было так слаженно и красиво, что забывали про свою усталость.

В 1948 году нам дали трактор «НАТИ», потом уже стали появляться дизеля, и тогда стали поднимать залежь, что в войну не смогли обрабатывать. В 1950 году подняли последние поля с залежной землёй. Это граница с Татарией. Я работала в то время учётчиком в тракторной бригаде и потому хорошо помню это поле. Какой-то косою клин, а всё равно он был наш, колхоза имени Ворошилова, и мы его вспахали!



Алексей Романов с женой Анной, матерью и детьми

Все трактористы очень уважали бригадира Николая Васильевича Кузнецова. Он был хороший наставник. Под его руководством работал и мой муж, Романов Александр Яковлевич.

По соседству с Николаем Васильевичем жил Пётр Александрович Абрамов – Герой Советского Союза. Вернувшись с фронта, Пётр женился – в жёны взял красивую девушку Зину Сорокину, у них родилось трое детей. Фронтные раны подорвали здоровье Петра Александровича. Как-то раз, когда ему было особенно плохо, за ним прилетал аэроплан. Дело было зимой 1945 года. Мы бегали смотреть на аэроплан в поле за школу, где он приземлился.

В 1952 году с моим мужем случилось несчастье. В пересменку у трактора разъединилась гусеница – вылетел палец, и Александр стал его забивать. От удара отлетел осколок и попал ему в глаз. Александр тут же потерял зрение.

Его направили в областную больницу. И мы с ним пошли пешком... Дошли до Чуфарова, солнце уже закатывалось, и вдруг к нам подъезжает машина! Нас довели до Ульяновска. Мужа положили в больницу, но помочь не смогли. Десять лет он стоял на учёте, и каждый год в декабре приезжал в больницу на осмотр. И вот однажды его осмотрел профессор Кашук – ученик Филатова – и предложил лететь в Казань под сильный магнит, чтобы вытащить осколок. А денег у нас – только на обратную дорогу домой. Кашук говорит: «Никаких денег не нужно, я заказал самолёт, и мы сейчас с тобой отправляемся...». И сам с ним полетел в Казань, присутствовал при операции, но осколок и там не поддался сильному магниту. Тогда он ему сказал: «Значит это не металл, а какое-то инородное тело. Если он тебе мешать не будет, живи с ним». Вот так он и живёт с ним 62 года, а мы все эти годы удивляемся, какое было внимание к простому деревенскому парню!

Прощание

После войны село ожило. Мы построили новый добротный дом, но жить в нём не пришлось: село объявили неперспективным. Ферму сломали, тракторы перегнали в другое село, сломали школу. И мы, ещё молодые, задумались о городской жизни, хоть и не любили никогда город. Мы уехали в мае 1963 года, а последние люди уехали из Еделева в 1973 году: Николай Васильевич Кузнецов, Харпова Александра Андреевна и Ефрюшина Матрёна Андреевна закрыли ворота родного села.

Полвека мы живём в Ульяновске, а душа осталась в Еделева. Мы не пропустили ни одного года, чтобы не побывать на кладбище, в саду. Доезжаем до своих полей, что когда-то были политы потом наших предков, и слёзы наворачиваются на глаза.

И вот в очередной раз мы обедаем в саду, а потом собираемся домой. Я выхожу на дорогу и смотрю на церковь... И встаёт перед моими глазами всё наше село, как и раньше – домик к домику, и люди, которых уже нет в живых, но в моём воображении все они здесь...

Мы уезжаем, и церковь с укором прощается с нами: опять я остаюсь одна среди полей и опять до будущего лета. До лета, если будем живы...

Валентина Романова

Воспоминания подготовлены для книги
Р. Губайдуллова и А. Зимины
«Наш любимый Маклаушинский край»



П.И. Чайковский с братьями:
Ипполитом, Николаем
и близнецами Модестом и Анатолием



Модест Чайковский в Симбирске

Летом 1870 года после окончания училища правоведения в Петербурге в Симбирск прибыл и приступил к работе в палате гражданского и уголовного суда Модест Ильич Чайковский (1850–1916) – младший брат великого русского композитора П.И. Чайковского (1840–1893). В зрелые годы он стал видным деятелем отечественной культуры – либреттистом, драматургом, переводчиком. Им написаны либретто опер «Пиковая дама», «Иоланта», «Ундина», балета «Шелкунчик» П.И. Чайковского, «Дубровский» Э.Ф. Направника, «Франческо да Римини» С.В. Рахманинова и других. Значительным успехом пользовались его драматические пьесы «Борщ», «Лизавета Николаевна», в которых блистательно играли знаменитые актёры К.А. Варламов и П.А. Стрепетова, выступавшие и на симбирской сцене, а также пьеса «Симфония», получившая положительный отзыв А.П. Чехова. Велики заслуги М.И. Чайковского в сохранении и издании творческого наследия старшего брата и в создании Дома-музея П.И. Чайковского в Клину.

Но всё это было в будущем, а в 1870 году Модест был двадцатилетним легкомысленным и впечатлительным молодым человеком, нуждавшимся в наставлениях отца, старшего брата и других родственников, писавших ему строгие и даже резкие письма в Симбирск. Сохранилось 635 писем Петра Ильича Модесту Чайковскому, некоторые из них были адресованы в Симбирск и частично опубликованы в Полном собрании сочинений композитора.

Письма М.И. Чайковского из Симбирска никогда не публиковались. В марте 1992 года автор этих строк побывал в Государственном Доме-музее П.И. Чайковского в Клину, в архиве которого хранятся четыре письма

М.И. Чайковского из Симбирска, адресованные П.И. Чайковскому.

Директор музея Г.И. Белонович и главный хранитель музея П.Е. Вайдман любезно разрешили снять с них рукописные копии. Из писем композитора в Симбирск следует, что Модест написал ему из нашего города более пяти писем, но не все из них сохранились. В письме от 17 сентября 1870 года П.И. Чайковский требовал от младшего брата писать ему из Симбирска два раза в неделю. Кроме того, Модест писал с первого в жизни места службы другим родственникам и друзьям. Где найдутся эти письма, установить пока не удалось.

В июле 1870 года П.И. Чайковский писал Модесту из Швейцарии: «Я вер-

нусь в Россию в конце августа. Ты уже будешь в Симбирске; ради Бога, приехав туда, не предавайся тоске. В денежном отношении я тебе помогу...». Пётр Ильич выполнил это обещание и сделал брату в Симбирск несколько денежных переводов, прислал к ноябрю бобровый воротник стоимостью 55 рублей, снисходительно посмеиваясь при этом над тщеславным желанием Модеста выглядеть в Симбирске модником из Петербурга. В письме от 4 сентября 1870 года А.И. Чайковскому Пётр Ильич с огорчением сообщил: «Я чрезвычайно недоволен Модестом; выманив у Папаши 500 рублей, – он их все прокутил; вместо Тамбова, где он в обществе Карцевых нашёл бы себе значительную нравственную поддержку,

он поехал в Симбирск, чтобы жить с пьяницей Валуевым (товарищем М.И. Чайковского по училищу правоведения. – Авт.) и играть с ним с утра до вечера на бильярде. На второй же день своего приезда он уже наваял Папаше отчаянное письмо о безнадежности своего служебного положения». Эти и ряд других писем позволяют считать начало августа временем прибытия М.И. Чайковского в Симбирск.

Письма П.И. Чайковского в Симбирск насыщены не только интимно-семейной информацией и наставлениями. Композитор одновременно рассказал в них Модесту о пребывании в Швейцарии, Франции, Германии, посещениях оперных театров и концертов, работе над увертюрой «Ромео и Джульетта», оперой «Опричник», о решении писать музыку к балету «Сандрильона». Из писем М.И. Чайковского из Симбирска мы узнаём, что симбиряне с интересом расспрашивали его о П.И. Чайковском. Не будет слишком смелым предположить, что общительный и словоохотливый Модест, гордившийся старшим братом, сообщал своим симбирским знакомым содержание адресованных ему писем П.И. Чайковского. Последнее из сохранившихся писем М.И. Чайковского из Симбирска датировано 21 ноября 1870 года. В связи с закрытием Палаты гражданского и уголовного суда его пребывание в Симбирске завершалось, но трагедия Модеста на светскую жизнь были так непосильно велики, что выехать в Петербург ему было не на что.

П.И. Чайковский в письме А.И. Чайковскому от 29 ноября 1870 года сообщал: «Что касается Модеста, то он перещеголял всех. Такого безумного швыряния я даже не ожидал; Папаша мне пишет, что он в Петербурге оставил долгов много, а в Симбирске наделал их ещё больше». Финансовая помощь и на этот раз поступила от старшего брата. П.И. Чайковский 7 декабря 1870 года телеграфировал в Симбирск Модесту: «Если денег не достало, телеграфируй. Через 4-ре дня пришлю ещё. В данную минуту нет». Из письма П.И. Чайковского сестре А.И. Давыдовой от 20 декабря 1870 года можно узнать: «Третьего дни приехал ко мне проездом в Петербург Модя». Следовательно, М.И. Чайковский отбыл из Симбирска в Москву около 15 декабря. В публикуемых далее письмах М.И. Чайковского опущены повторения и немногочисленные не поддавшиеся расшифровке строки. Опущенные места отмечены многоточиями, заключёнными в скобки (...).



М.И. Чайковский стал первым биографом П.И. Чайковского и создателем его мемориального музея

Присутственные места.

В этом здании работал М.И. Чайковский. Симбирск. С открытки начала XX века



Письмо первое

9 сентября 1870 г., Симбирск

Милый Петинька! Ужасно был обрадован, увидев твою руку, когда распечатывал мною так давно ожидаемое письмо из дому. Очень благодарю за разговоры обо мне с Адамовичем (видимо, с В.С. Адамовым – директором департамента Министерства юстиции. – Авт.). Из Симбирска уезжать я решительно не желаю, ибо чувствую себя здесь больше чем счастливым. В самом деле, город этот, не обладая никакими удобствами в обычном смысле слова, содержит в себе бездну прелестей: 1) множество людей самого милого свойства, 2) товарищами, которых очень люблю, 3) дешевизну и, наконец, я так здесь хорошо устроился и везде так мило принят, что если не Петербург, то и знать не хочу ничего другого, но во всяком случае очень благодарю за твои заботы обо мне и умоляю не забывать писать почаще. Живу я вместе с Валуевым, квартира у нас до сих пор даровая, так как она принадлежит товарищам прошлого года, большинство из которых ещё не приехало. Человек у нас общий; платим ему мы 14 рублей с его харчами, своим порядочным вином и (...) он приводит меня в восторг. Обеда здесь мы имеем в лучшей гостинице города за 12 рублей в месяц каждый, свойствами они обладают необыкновенно хорошими, состоят из трёх блюд всегда (...) и отлично приготовленных и имеющих одно чудесное качество, а именно, совершенно не имеют вид

трактирного произведения. Знаком я со всеми в городе и почти всегда есть куда поехать; в случае, если такого случая нет, то еду в клуб, которого я член, и который удобством и красотой своего помещения не уступает петербургскому Дворянскому собранию. Там или читаю, или встречаюсь с кем-нибудь из знакомых. Провожу время в разговорах или слежу как играют. В палату хожу ежедневно и уже написал много докладов, хотя всё-таки занимаюсь лениво и один вид палаты (Палата гражданского и уголовного суда располагалась в здании современной сельхозакадемии. – Авт.) наводит на меня тоску. С мнением Адамова насчёт председателя не совсем согласен, ибо поступки его со мною не особенно говорят в его пользу. Выдать мне всё жалованье сполна зависит совершенно от него (...) что и сделал Валуеву, приехавшему только двумя неделями раньше. Я ему говорил, что рассчитывал получать 150 рублей и поэтому приехал без копейки, и хоть ради этого он отлично мог обойти все формальности, вместо того принял меня крайне сухо и нелюбезно и на моё вышеупомянутое замечание отвечал (...) сочувственной улыбкой. Я не говорю, чтобы он придирался или притеснял, но говорю, что действительно добрый и порядочный человек этого бы не сделал. Помимо всех этих обстоятельств и денежного положения, я чувствую себя здесь отлично и почти не желаю ничего лучшего. Изредка однако грущу по Петербургу и по родным, которые



не очень-то щедро меня дарят письмами, а если и дарят, то письмами, исполненными совершенно незаслуженных упреков в расточительстве. Из 75 рублей, взятых у Саши на дорогу, мне не очень-то легко бы было привезти что-нибудь в Симбирск (...). В Симбирске слышу за необыкновенного музыканта ради имени, которое ношу, и которое здесь очень известно. Вопрос – не брат ли я известного музыканта – очень льстит моему самолюбию и повторяется при каждом знакомстве. Играю и занимаюсь музыкой очень часто, так как живу с (...), обладающим большими способностями к последней. Вообще я очень счастлив всем и доволен своей судьбой. Прощай, мой голубчик, целую тебя крепко-крепко. Не забывай. Любящий тебя М. Поклонись Бибикову и скажи ему (...) кланяется Бычкова (...) Несмотря ни на что хлопочу переходить в Министерство внутренних дел.

Письмо второе 19 октября 1870 г.

Только что получил присланный тобою воротник и спешу поблагодарить тебя, мой дорогой Петруша. О себе ничего нового сообщить не могу, всё та же сумасшедшая жизнь, те же люди и то же если хочешь веселье. Я не могу передать до чего это однообразие провинции мне наскучило, в продолжении двух месяцев ни одного родного человека и ничего нового. У меня времени также мало, как и прежде, если не меньше, те же развлечения, те же разговоры со всеми, так что на каждое лицо приходится по предмету разговора. С одним непременно разговор о Училище, с другим о театрах, с третьим о службе и с большинством сплетничаю. Ах, Петруша, если бы только знал, до чего я тоскую по Петербургу (...). Ты спрашиваешь меня о службе и удивляешься, что я тебе мало о ней пишу. Но дело в том, что она до того незначительна и такую малую роль играет в моей жизни, что я сам позабываю о ней, и мне большого труда стоит представить себе, что я служу и приношу пользу Отечеству. В настоящее время я (...) занимаюсь в архиве (...) на службу хожу ежедневно и сижу в архиве с 12-ти до 2-х. Вообще в служебном отношении ничего хуже Симбирска представить невозможно. Благодаря нашему милому председателю, столь восхваляемому Адамовым, двое из моих сожителей выходят в отставку, и если бы я имел в виду какое-нибудь место в Министерстве внутренних дел, я не замедлил бы совершить то же

самое (...). Поцелуй от меня Бибикова и передай ему, что на днях с Бестужевым пьём его здоровье.

Письмо третье

Симбирск, 10-е число ноября 1870 г.

Пишу тебе, милый Петруша, под влиянием самой томящей тоски и грусти. Так что ты не взъщи за содержание письма... Я знаю твою не любовь к моим письмам, но мне до того хочется поделиться (...) Виновником всего этого, во-первых, однообразие симбирской жизни, во-вторых, скука по Петербургу и тысяча других причин (...) Дома постоянно целый ряд отвратительных сцен с Валуевым. В гостях всё то же и всё те же, в театре, что вчера, то и завтра, на улице пустота, ну до того скучно и гадко (...) Только и утешаюсь той мыслью, что не вечно же это будет продолжаться, и что когда-нибудь я попаду же в Петербург (...) согласился бы век свой есть корку хлеба, только бы удрать отсюда и забыть (...) Отпуск ранее января не возможен и если мне только удастся вырваться отсюда, то употреблю последнее усилие, чтобы никогда уже больше не возвращаться. Жизнь веду ту же, что и прежде, такое же множество приглашений, также часто, если не чаще еще, бываю у Языковой и Галаховой. Дома (...) устроился довольно мило, купил мебель и драпировки. Лакей наш с Валуевым оказался мошенником и я никак не могу собраться с духом, чтобы отказать ему. Письма от родных получаю очень редко. Денег трачу много и при всём этом ничего особенного не делаю. Товарищи ещё не приехали и мы с Валуевым одни. Кончаю потому, что приехали за мной от Языковой. Прощай, родной мой. Целую тебя крепко.

Письмо четвёртое

21 ноября 1870 г.

...Теперь же я только что возвратился из уезда, куда был послан ещё исполнять должность товарища прокурора на мировом сходе, и прежней меланхолии много поубавилось. Путешествие в Буинск, находящийся в 100 верстах от Симбирска, несмотря на бездну мною совершенно не ощущаемых материальных неудобств, как-то: отвратительнейших дорог и холодом и проч., оставило (...) необыкновенно благоприятное впечатление. Во-первых, новизна этого рода путешествия (на перекладных), затем ночевание в дороге сначала в избе татарина, а потом у русского, разговоры с ямщиками и питьё с ними чая (...) трёхдневное пребывание в уездном

городе в сравнении с которым Каменка – столица, потом мой дебют (по отзывам председателя) очень удачный на судебном поприще при довольно большом стечении публики, визиты тюрем, где я очень напоминал Государя, посещающего Училище, и знакомство с братьями Терениными, двумя необыкновенно милыми людьми, один из которых здесь председатель съезда (...) если кто-нибудь в Буинске купит себе стеариновых свечей, то считается первым мотом и вечером окна у которого зашторены... Я возвратился из Буинска совсем обновлённым (...) До какой степени существование в Симбирске мне дорого я тебе опишу (...) только я приехал, как мне объявляют оставшиеся товарищи, что я должен заплатить десять рублей за бал, устраиваемый в Дворянском собрании.

Еду из дому делать визиты, в одном доме требуют 3 рубля в пользу бедного актёрика С-го, у которого умерла мать. Вечером на балу подходит дама и требует ещё три рубля за то, что она записала меня в члены общества раненых. На другой день пребывает депутация звать на обед, устраиваемый по случаю открытия Окружного суда в честь Шаховского (сенатора, старшего председателя Казанской судебной палаты. – **Авт.**) и берёт ещё десять рублей. На другой день приезжает наш общий приятель (...) и умоляет взять кресло на его концерты, и так до бесконечности, потом прими также в соображение, что поездку в Буинск совершить был вынужден (...) на свой счёт (...). На днях здесь происходило огромное торжество по случаю открытия нового суда и закрытия палаты, к которой мы и были прикомандированы (...) Оставлены за штатом. Таким образом, мы все теперь не более и не менее как состоящие при Департаменте чиновники, нечаянно попавшие в Симбирск и ожидающие назначение к какому-нибудь из новых Окружных судов. Я попросил губернатора поговорить о нас с Шаховским и последний обещал написать об моём желании возвратиться в Петербург в Министерство. Всё это было писано вчера (...) обстоятельства переменялись, ибо я получил бумагу из Министерства, где меня спрашивают, желаю ли я оставаться в Симбирске кандидатом без жалования или ехать в Петербург (...) ты сам поймёшь мой ответ (...) и боюсь только страшно моих долгов, которые выросли до страшных размеров (...).

Сергей Петров

Михаил Казаков – любимый российский бас Пласидо Доминго



Русский бас Михаил Казаков
в музыкальной драме М.П. Мусоргского
«Борис Годунов»

В год 175-летия со дня рождения великого русского композитора Петра Ильича Чайковского XV Международный конкурс его имени освещался как никогда широко. Он проходил с 15 июня по 3 июля 2015 года в двух столицах России – Москве и Санкт-Петербурге. Весь ход состязаний, открытие и закрытие национального достояния русской культуры проходили с участием известнейших исполнителей, журналистов, музыкантов и критиков. На закрытии юбилейного состязания присутствовали члены Правительства России во главе с Президентом РФ Владимиром Путиным. В жюри работали лауреаты и победители конкурса разных лет. Среди них оказался и наш земляк, уроженец города Димитровграда Ульяновской области Михаил Казаков, ныне солист Большого театра России и Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля.

Выпускник Казанской консерватории (класс педагога Галины Ластовки), Михаил Казаков получил первую премию на XII Международном конкурсе им. П.И. Чайковского в 2002 году. Это был далеко не первый успех молодого баса на академических конкурсах.

После третьего курса Казанской консерватории имени Назиба Жиганова молодой исполнитель завоевал вторую премию на конкурсе Елены Образцовой, а уже через месяц на XVIII Международном конкурсе Глинки выиграл Гран-при. Более сорока лет существования этого конкурса высшую награду не вручали никому. Михаил сразил всех, начиная от примы Большого театра Ирины Архиповой и кончая руководством театра. Именно на концерте лауреатов конкурса Глинки на Казакова обратили внимание. Тогда же решилась его судьба. Михаилу предложили работать в Большом театре России. Беспрецедентный случай. Всего с 1999 по 2002 годы он собрал награды семи престижных музыкальных конкурсов. К моменту получения

первой премии XII Международного конкурса им. Чайковского он уже год был солистом Большого и самым молодым исполнителем партии Бориса Годунова (в 26 лет) в музыкальной драме Мусоргского «Борис Годунов».



Михаил Казаков – обладатель первой премии XII Международного конкурса им. П.И. Чайковского

Лишь Фёдор Шаляпин исполнил эту роль, будучи на год моложе нашего земляка. И Михаил Казаков, и Фёдор Шаляпин как оперные исполнители родились на казанской сцене.

Кроме партии Бориса Годунова, Михаил исполняет партии Короля Рене в «Иоланте», Хана Кончака в «Князе Игоре», Гремина в «Евгении Онегине», Досифея в «Хованщине», Захарии в «Набукко» и многие другие. Трагедия партии Захарии Михаилом сразила Пласидо Доминго на прослушивании в Венской опере. Михаил выступает на крупнейших престижных оперных сценах мира, но покидать родину не собирается. «Русские певцы нужны дома», – как-то заметил певец в интервью газете «Аргументы и Факты». Ульяновские любители оперы, из тех, кто не может попасть в Большой театр России, а также на европейские и заокеанские оперные фестивали, могут послушать талантливого земляка в Казани. Главное, узнать в каких постановках задействован артист.

Нина Иванова



Молельня Марковых

В центре города Димитровграда, скрывшись от взоров людей, во дворе ГУВД находится красивое здание с фигурной кладкой. Как гласит молва, когда-то это был молельный дом купцов Марковых. Над входом сохранился герб в виде сердца с обвивающей его лентой. Мы решили выяснить: когда этот дом был построен, кому принадлежал и что в нём располагалось. После долгой работы в архивах были найдены документы, «проливающие свет» на историю этого здания.

В пятидесятые годы XIX века в село Мелекесский завод прибыл Ставропольский 3-й гильдии купец Григорий Маркович Марков с многочисленным семейством. У него был родной брат Иван Маркович Марков (умер в августе 1884 года), с которым они содержали трактир, а также сестра Евдокия (Авдотья).

Жена Григория Марковича – Вера Кузьминична Коробова, также уроженка города Ставрополя – имела родного брата, самарского купца Ивана Кузьмича Коробова. В Димитровграде сохранился Торговый дом Коробова, построенный Петром Михайловичем Коробовым (ныне здание регионального коммерческого банка).

У Григория Марковича были дети: Константин (1845–1919), Александр (1851–1904), Фёдор (1851–1910) и Андрей (1856 – ?).

Григорий Марков, глава семьи, владеец Торгового дома «Григорий Марков и сыновья», а также рядом расположенных каменных двухэтажных домов и был владельцем этого маленького, но красивого флигеля. Свет на его историю пролил документ, найденный нами в Самарском государственном архиве:

Постановление Исправляющего дела судебного следователя 2 участка Ставропольского уезда Франковского.

15 декабря 1891 года, рассмотрев дело об устройстве раскольнической молельни в посаде Мелекесс купцом Григорием Марковым, следователь писал: «Самарская духовная консистория отношением от 4 июля сего года за № 5890 сообщила о производстве следствия об устройстве в посаде Мелекесс на дворе купца Григория Маркова в 1889 году раскольнической молельни без разрешения светской власти и о привлечении виновных к уголовной ответственности по 206 статье Уложения о наказаниях».

В документах значилось, что упомянутая молельня построена в виде одноэтажного флигеля, в одной половине которого живёт сестра Маркова Евдокия Марковна с келейницами, а в другой, снабжённой иконостасом и с выведенным в виде купола верхом, собираются по праздникам раскольники федосеевцы и слушают вечерню, утреню и часы.

Оказывается, Евдокия Маркова имела огромный авторитет в старообрядческой общине Мелекесса, и раскольники

почитали её как «пророчицу Богородицы». Она вела монашеский образ жизни.

Что интересно, у Евдокии Марковны Марковой в собственности был дом на улице Никольской (ныне Аблова), в котором в 1893 году Ф.И. Лазарева просила разрешения у Посадской думы открыть трактир.

Сохранилось подробное описание внутреннего убранства каменного флигеля во дворе Марковых, описанное в протоколе осмотра судебным следователем 14 июля 1891 года:

«В нём по одну сторону сеней находится кухня с русской печью и разными кухонными принадлежностями – ведром, горшками и ситечками, в сенях имеется чулан и ход на подволоку (чердак), а по другую сторону сеней есть большая комната с 4 окнами, и в ней – отгороженная досчатой перегородкой комната, в которой найдены кровать с постелью, подушкой и другими принадлежностями для сна, а также женское платье, а снаружи умывальник; подле маленькой комнатки найдены голландская печка и возле последней – кровать с одеялом и подушкой; кроме того, в большой

комнате найдены: диван и перед ним стол, покрытый скатертью, 9 стульев, табуретка и с правой стороны комнаты во всю её длину 2 деревянные скамейки, в правом переднем углу около 10 икон, три лампы и несколько свечей, рядом с иконами аналой (высокий столик с пологой доской для удобства читать стоя богослужебные книги или прикладываться к иконам, положенным на него), на последнем церковная книга, на окне возле икон кадило, ящик со свечами, 2 ящика с ладаном и углями и деревянное масло. При осмотре подволоки признаков существования купола не обнаружено».

Законы Российской империи по отношению к раскольникам были очень строги. Так, при Петре I указами от 6 и 12 апреля 1722 года русских старообрядцев записывали в двойной подушный оклад, им было запрещено занимать общественные должности, их не допускали к свидетельским показаниям. Раскольникам было предписано носить на воротниках «жёлтые козыри», то есть высокие стоячие воротники-нашивки, с буквами «е.р.о.», что означало «еретик, раскольник, отступник». В инструкции церковным старостам предписывалось «следить за тем, чтобы записные раскольники ходили в указанном платье, то есть в исконной русской одежде». Эти указы петровского времени подтверждались и императрицами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной, причём каждый из подтверждающих указов вызывал новые беспощадные гонения на старообрядцев.

Обращаясь к законам, находим, что устройство раскольниками молелен без разрешения светской власти означало

нарушение, предусмотренное 48 статьёй Устава о предупреждении и пресечении преступлений и 206 статьёй Уложения о наказаниях.

В 48 статье Устава было оговорено, что «раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так равно особо предназначенных для сего зданиях», однако «на исправление и возобновление принадлежащих раскольникам часовен и других молитвенных зданий спрашивается разрешение Губернатора или Начальника области» и «перестройка молитвенных зданий... с изменением общего наружного вида их дозволяется лишь с разрешения Министерства внутренних дел».

Если бы подтвердилось, что данное здание было построено как молельный дом, то глава семейства Марковых должен был понести уголовное наказание, так как никакого разрешения на это у семьи Марковых не было.

По свидетельским показаниям мы сможем увидеть отношение жителей посада к купцу Григорию Маркову, к его семейству и его сыну, посадскому голове Константину Григорьевичу. Непримиримы оппозиционеры Марковых – ревнители православия и противники раскола.



Современный вид бывшего дома Евдокии Марковой



Свидетель Алексей Таратин в протоколе допроса писал, что ему приходилось видеть, как по несколько человек выходило из Марковской молельни, и что он несколько раз слышал с улицы, как у Марковых пел хор.

Свидетель Степан Львов показал, что он видел зимой во время пасхальной заутрени, что из молельни Марковых «выходили толпы народа и на его вопрос говорили, что идут из молельни Марковых», и что ему приходилось несколько раз слышать пение в Марковской молельне.

А были и такие, кто поддерживал семью Марковых. В протоколах приводится заявление купца Константина Григорьевича Маркова о том, что в маленькой комнатке, отгороженной дощатой перегородкой от большой, живёт Евдокия Маркова, и что в большой комнате был киот, а не иконостас.

Свидетели Тимофей Балябашев, Андрей Юсов, Пётр Рослев, Пётр Бубнов и Дормидонт Пивоваров удостоверили, что вышеозначенный каменный флигель есть келья Евдокии Марковой, в которой она живёт со времени её построения. Они показали, что раньше Евдокия Маркова жила вместе с родителями (это дед и бабушка посадского головы) в деревянном флигеле, стоявшем на том месте, где теперь стоит каменный флигель (деревянный сгорел 19 июля 1889 года).

На основании этих свидетельских показаний можно с уверенностью заключить, что сохранившийся до нашего времени дом был построен в 1889 году для проживания Евдокии Марковны Марковой и использовался как не разрешённый законом молельный дом старообрядческой общины поморского толка.

Следствие, учинённое господином Франковским, закончилось для Марковых хорошо. Недаром Константин Григорьевич был посадским головой!

Судебный следователь постановил: «Дело об устройстве раскольнической молельни в посаде Мелекесс купцом Григорием Марковым направить в порядке, указанном 277 статьёй Уст. Угол. Суд., за отсутствием в означенном деянии признаков преступления».

Что же касается герба над входом, то у нас есть единственная гипотеза: возможно, это отличительный знак староверов-раскольников.

Андрей Мокеев,
г. Димитровград
Фото автора

Война учителя Степанова



Мортира «Большая Берта» использовалась немцами в Восточной Польше во время Первой мировой войны

Столетие отдаляет нас от Первой мировой войны, ставшей последней и роковой для императорской России. К счастью, сохранилось немало свидетельств и воспоминаний участников боёв. Благодаря Государственному архиву Ульяновской области мы можем взглянуть на ту войну не с точки зрения профессиональных военных или историков, а глазами обычного симбирского интеллигента начала XX века, участвовавшего в Первой мировой.

Летом и осенью 1914 года в армию на патриотическом подъёме пошли симбирские педагоги и вчерашние гимназисты. Надел военную шинель и учитель русского языка и литературы 1-й Симбирской мужской гимназии 32-летний Александр Николаевич Степанов.

Реальность оказалась мало похожей на пропаганду. Не готовых к фронтовой действительности учителей и мальчишек-добровольцев шальные пули косили одного за другим. К счастью для Степанова, его служба продолжилась недолго, и зимой 1915 года он, простуженный, вернулся в Симбирск. А 15 февраля записал свои впечатления о трудностях и ужасах войны. Вот некоторые эпизоды.

Начиналось всё весело: «17 ноября 1914 г[ода] 4 ч[аса] 25 м[инут]. Мы отъехали со станции железной дороги из г. С[имбирс]ка на войну. Куда нас повезли, на какой фронт, мы не знали – это была военная тайна. Ехать было весело, мы – учителя – заняли отдельный вагон и так ехали до м[естечка] Скерневицы – все вместе в одном вагоне! Провожали торжественно: музыка, пение народного гимна [то есть «Боже, царя храни!»], крики ура сопровождали тронувшийся от ст[анции] наш эшелон.

Дорога как-то быстро промелькнула, [...] и мы, учителя, волею судьбы сгруп-

пировались в 8-й роте в колич[естве] шести чел[овек], да кроме ещё, с нами были добровольцы из С[имбирс]ка, ученики 1-й мужской гимназии, т[ак] ч[то] опять все люди были свои и духом не падали».

Воевать им предстояло на территории Польши. Вскоре симбирские интеллигенты вкусили все «прелести» военного быта: холод, голод, сырость: «...Приходилось не спать, а всю ночь так дрожать, что зуб на зуб не попадал».

А ещё пугали постоянные обстрелы и разрывы огромных снарядов, которые называли «чемоданами». «От чемоданов нет спасения – этот если упадёт, то моментально превратит человека в пепел: падая на землю, этот снаряд роет яму воронкообразной формы... Ужасный снаряд! Когда он падает саж[ен] 15 от вас, то вы чувствуете под собой колебание почвы». (15 сажень – около 32 метров. – А.Ш.)

Боевое крещение для мирного учителя-словесника произошло в начале зимы 1914 года. К счастью, оно обошлось малой кровью.

«2-го декабря в ночь по команде «Начинай часто» я высунулся из окопа и стал стрелять в сторону немцев и вдруг почувствовал: что-то мне обожгло палец правой руки, смотрю – кровь. «Ну, – думаю, – палец оторвали»... Сполз в окоп, осмотрел палец – оказывается,

лишь мясо сорвало до кости пулей, а кость не повреждена, завязал его бинтом и начал стрелять средним пальцем, а в окоп так и не ходил».

Потянулись фронтовые будни... «...Сидишь в окопе и слышишь, как через окоп из пулемёта пули летят, и тут уж не уловит слух звук полёта одной пули – нет, а всё это сливается в общее и производит впечатление, как будто над окопом свищет ветер, слышится звук над головой: ш-ш-ш-ш...

Ну вот, высуну голову, и сразу смерть, сразу в лоб несколько пуль получишь.

А всё-таки высовываться приходилось: то пить захочешь, за водой побежишь, а то ротный командир с донесением пошлёт».

А ещё изматывало бесконечное рытьё окопов. Степанов писал: «Работа была нетрудная, но мы, усталые, голодные, утомлённые долгим переходом с трудом поднимали лопаты с землёй. Настроение было такое: свисти пули, рвись шрапнель над головами, кажется, никто из нас не пошевелился бы, чтобы сохранить свою жизнь, замучились, а впереди и конца этой муки не видно было, так что скорейший расчёт с жизнью поведёт к скорейшему успокоению. Но кое-как вырыли окоп, сходили за водой, вскипятили котелки и стали пить чай. Пили много, а потом легли и спали до следующего дня как убитые».

7 декабря 1914 года Степанов с товарищами попал уже на самую передовую:

«Не дойдя шагов 40 или 50 до окопов нас рассыпали в цепи и заставили окапываться, а пули в это время промж нас, над нами так часто визжали, что стоишь и думаешь: сейчас, сейчас тебя свалят!...».

Среди учителей, вставших в ряды защитников Отечества, был и преподаватель Симбирского ремесленного училища имени Лебедева Василий Сергеевич Куликов. Здание этого училища – старый корпус фабрики «Элегант» на улице Радищева. Куликова первого из дружной компании симбирцев «вычеркнули» пули. Степанов писал: «Здесь при рытье этих окопов у нас, учителей, была первая жертва – убили учителя Лебед[евского] рем[есленного] уч[илища] Вас[илия] Сер[геевича] Куликова. Он выкопал себе небольшой окоп и сел отдохнуть, не спрятавшись за окоп, а над окопом. Мы рыли... Вдруг В[асилий] С[ергеевич] упал, и мы все увидели над левой бровью пулевую рану – кровь шла фонтаном, падала на одежду и частью на землю. Мы расстерялись... Но потом бросились к нему, перевязали рану и отнесли в околоток – он так в сознание и не пришёл».

Вскоре словеснику Степанову пришлось вспомнить толстовские слова про «пушечное мясо».

«Днём нас неприятелю видно было, как на столе, и он открыл по нас такой сильный огонь, что от взрыва шрапнелей и чемоданов не слышно было голоса товарища на расстоянии 5-6 шагов. При этой перестрелке мы, учителя, потеряли 2-х товарищей: Тупилина и Садовникова (Потом выяснилось, что их ранили...). Но всё-таки мы пробрались в окопы на позиции, хотя это стоило нашей роте немалых жертв...».

Ночью с левого фланга была штыковая атака, слышались крики «ура», «отдай Варшаву», и вообще смешивалось это всё со стоном умирающих и раненых, так что получался один какой-то звук: у-у-у-а-а-а...

Было страшно подумать, что вот от тебя всего на расстоянии 100-150 шагов происходит этот ужас. Наконец немцев отбросили; вечером часов в 11 мы пошли посмотреть, что там есть. Картина была ужасная. Люди убитые лежали в разных позах, кои враспяжку вниз лицом, кои навзничь, широко раскинув руки и ноги, были тут и раненые тяжело, они стонали и, может быть, ждали смерти как лучшего друга... Картина

была производящая ужасное впечатление, и мы этого долго видеть не могли и ушли, а тут остались солдаты, кои начали снимать с убитых всё ценное».

Известно, что паника на фронте к добру не приводит. Симбирские друзья испытали это, что называется, на собственной шкуре.

«На другой день, 8 дек[абря], передали по окопу будто команду: «Вылезай из окопа, беги, нас окружили немцы!». Мы учителя и с нами два добровольца в окопе держались вместе и потому выскочили все вместе. Другие солдаты тоже вылезли и побежали».

Фамилии нас, учителей, следующие: ...Курушин, Жуковский и я, Степанов, добровольцы – ...Попов и ...Масленников – оба из I-й мужской гимназии. Бежали мы по опушке леса, а эту опушку и нас на ней немцам было видно очень хорошо из своих окопов... Они направили ружейный огонь по нас как по мишени... Бежим в тыл своих окопов, а местность немного уклоном к окопам, т[ак] ч[то] нам приходится бежать в гору, бежим, задыхаемся, а пули свищут и свищут мимо нас, а которая в дерево попадёт, как из хлопушки щёлкнет.

Вдруг навстречу нам бежит фельдфебель нашей роты и спрашивает: вы куда?».

Оказалось, паника ложная. Горевоинам приказали вернуться в окопы. Степанов предложил не рисковать, возвращаться по ходу сообщения. Но доброволец из бывших гимназистов Масленников перебил... говоря: «идём назад опять этим путём, каким и шли...». Из пятёрки симбирцев этот «короткий путь» троим стоил жизни: «Масленников шёл впереди, но не успел он шагнуть 3-х шагов, как упал, простреленный пулей в сердце. Встали, спрашиваем: «что с тобой, Миша?», а у него уже глаза закрылись, и изо рта кровь пенками идёт...».

...Я заметил, что у нас отстал Курушин и говорю об этом Жуковскому, он мне на это ответил, что Курушин как вылез из окопа, его тут же пристрелили, и он упал... И только он нам об этом сказал, вдруг схватился за затылок, закричал: «ай, ай, ай» – и упал. Я смотрю: глаза свежие, и цвет лица не изменился, спрашиваю: «куда ранен?» Он отвечает: «в спину»... «Ну, – говорю я, – товарищ, теперь поедешь домой, поправишься и заживёшь... сейчас мы тебе рану перевяжем»... Разрезал ремни патронташей, расстегнул шинель, смотрю, а он весь синий лежит, глаза закатились, а изо рта пена идёт...».

Под вечер ко всем прежним испытаниям этого кровавого дня добавилась штыковая атака в ночь с 8 на 9 декабря, которую Степанов запомнил на всю жизнь.

«Затрещали винтовки, застучал пулемёт, а немец кричит всё ближе и ближе к нам. «Ну, – думаю, – придётся нам на штыки»... Так оно и случилось. Подбежали немцы к нашим окопам, и нам пришлось вылезти и принять их в штыки. Что было тут, упомянуть и описать нельзя. Ночью люди впопыхах кололи свои своих. У меня вырвалась винтовка, хотел я её поднять и получил в это время такой сильный удар по шее, что сразу упал и потерял сознание. Когда я очнулся, было уже светло, товарищ-солдат прикладывал к моей распухшей шее компрессы холодной водой из фляжки. Перед окопами саж[ен] на 30 в квадрате лежали все убитые люди...».

Из почти сотни человек в роте осталось всего 29 бойцов. А из девяти друзей, которые с криками ура и песнями какие-то три недели назад покинули Симбирск, – только двое: сам Степанов и юный Серёжка Попов.

Опять свистели над окопами пули и рвались «чемоданы», но, как писал Александр Николаевич: «...Хотя и приходилось жить под постоянным страхом смерти, однако в ужасной штыковой атаке участвовать не приходилось, а страшно всё-таки было...».

От дальнейшего искушения судьбы на передовой двух симбирцев спасли не талантливые полководцы, а пресловутый «генерал мороз», то есть суровая зима. «Потом пошли холода, появились обмороженные и простуженные. В числе простуженных оказались и мы с Поповым. Нас отправили в госпиталь в Россию 25 декабря». Новый год горемыки встречали уже не в холодном обстреливаемом окопе. А в начале 1915 года А.Н. Степанов вернулся к преподаванию в гимназии.

Он дружил с художником-педагогом Д.И. Архангельским. В сентябре того же 1915 года Степанов написал восторженную рецензию на организованную Архангельским первую выставку работ молодого Аркадия Пластова. В 1917–1918 годах Александр Николаевич активно интересовался политикой. Так активно, что после изгнания осенью 1918 года белых из Симбирска предпочёл покинуть город. Он умер от тифа в Казани в 1919 или 1920 году...

Антон Шабалкин,
ведущий архивист ГАУО
Фото из фондов ГАУО

Телеграфный аппарат Симбирской почтовой конторы выдал ленту с печатным текстом: «Указом его императорского величества из Правительствующего синода слушали высочайше утверждённый о бытии первым викарием Санкт-Петербургской епархии преосвященному Никандру епископом Симбирским и Сызранским. 15 сентября 1893 года». 20 сентября в карете Его преосвященства на главную площадь города прибыл вновь назначенный епископ.

Соборная площадь.
Троицкий и Николаевский кафедральные соборы.
1900-е

Шестой епископ Симбирский и Сызранский Никандр

Преосвященный произнёс речь и благословил симбирян. Слушатели консистории провели архиерея к месту захоронения в соборе его недавно скончавшегося предшественника Варсонофия и отслужили панихиду. Затем глава православной церкви отправился к Соборной площади, к зданию архиерейского дома и консистории на улицу Сенную, где был в Крестовской церкви встречен священниками городских приходов. В большом приёмном зале архиерейского дома на стене в красивых рамах висели портреты его пяти предшественников. К приезду Никандра в губернском центре было три собора, два монастыря, одна из приходских церквей, не считая домашних, и семь кладбищ. Общее количество православных в городе – около 37 тысяч. Редактор «Симбирских епархиальных ведомостей» с благословения епископа опубликовал в скором времени его послужной список.

В миру Николай Дмитриевич Молчанов (Никандр) окончил Московскую духовную академию в 1878 году. Семь лет преподавал богословие в Тамбовской духовной семинарии. В 1884 году защитил магистерскую диссертацию, затем состоялось пострижение в монашество. Пять с половиной лет он руководил епархией Тамбовской губернии, в 1891-м его назначили Нарвским викарием, а затем ректором Петербургской духовной академии. Епископом Симбирским и Сызранским Никандр прослужил до 1904 года.

23 апреля 1904 года Святой синод утвердил Никандра архиепископом Литовским и Виленским. На пост епископа Симбирского и Сызранского был назначен самарский епископ Гурий. Всю последующую неделю после назначения проходили церемонии проводов

владыки Никандра. Вспоминали всё хорошее, что он сделал для земли Симбирской. Преосвященный вскоре после прибытия ввёл обычай для горожан встречать новогоднюю ночь молебном в храмах, а также проведение для населения религиозно-нравственных чтений. Способствовал просвещению инородцев – мордвы, чуваш, отчасти татар. Наставлял на праведный путь язычников и раскольников. За время его пастырского правления в уездах было открыто свыше 150 одногодичных школ грамотности и 12 двухгодичных школ. По его ходатайству Священный синод дал добро на печатание неофициальной части губернских ведомостей, где наряду с религиозно-просветительными статьями публиковались и материалы культурно-образовательного направления. Никандр явился инициатором создания в Симбирске Палестинского и Кирилло-Мефодиевского братства. Архиерей вместе с археологом и музейщиком В.Н. Поливановым стал одним из инициаторов празднования 250-летия Симбирска в 1898 году.

После прощания с клиром Никандр посетил Спасский женский монастырь, где в покоях игуменьи был организован прощальный обед. На следующий день отметили 16-летнее служение известного суконного фабриканта Шатрова на посту церковного старосты. С приветствиями Никандру выступали городской голова Волков, полицмейстер Пифиев и коммерсант Пастухов. От городской думы Никандру вручили украшенный драгоценными камнями посох. В ответном слове преосвященный поблагодарил за многочисленные адреса и подарки и призвал симбирян беречь веру, хранить семейные ценности, служить за совесть, а не за страх. И в конце: «Простите меня, братья и сестры, если перед

вами я согрешил, кого обидел, обделил своим вниманием». В семь часов вечера накануне отъезда не только кафедральный собор, но и вся площадь перед ним была заполнена народом всех сословий. На следующий день после молебна от Соборной по Сызранскому шоссе двинулась длинная процессия карет, экипажей и дрожек. Привокзальная площадь на Южном выгоне и перрон были запружены. В 11 часов 22 минуты раздался третий звонок. Провожать отбывающего в Прибалтику епископа прибыли новый губернатор Ржевский, городской голова и прочие высокопоставленные лица. В вагон к Никандру прошли те, кто решил его проводить до ближайшей станции: предводитель дворянства В.Н. Поливанов, председатель Палестинского общества коммерсант Пастухов и двое уездных предводителей, а также секретарь консистории. Епископ в этот день отправился в Жадовскую пустынь и провёл весь день в молебне перед симбирской святыней – Казанской Божией Матерью.

Вернувшиеся к вечеру провожавшие ещё раз добрым словом вспомнили покинувшего губернию епископа, а секретарь епархии в похвальном слове отметил, что «чуткая ко всему симбирская паства оценила выдающиеся душевные качества и горячо полюбила архипастыря». Память о нём хранили и те, кому он оставил щедрые подношения. Четыре с половиной тысячи рублей он завещал на нужды епархии, на богадельню и воспитанникам духовной семинарии. Женскому епархиальному училищу он передал одну тысячу рублей, а мужскому училищу – 500 рублей. В этот же день в зале архиерейского дома появился шестой портрет – Никандра.

Владимир Радаев

Архиерей-новомученик



Фото из фондов РГИА

Епископ Макарий

Епископ Макарий (Михаил Васильевич Гневушев) – один из первых архиереев-новомучеников, с убийства которых начались кровавые гонения на церковь. Только первая волна репрессий против духовенства (1918–1920) унесла около 9 тысяч жизней. Более 10 тысяч священнослужителей были осуждены во время кампании по изъятию церковных ценностей. В результате террора 1922–1923 годов убито 2690 священников, 5410 монахов и монахинь. В период с 1929-го по 1934 год было репрессировано почти 40 тысяч представителей духовенства и монашества. К началу Второй мировой войны в СССР на свободе остались лишь четыре правящих архиерея.

Родился будущий епископ 6 сентября 1858 года в селе Репьёвка Ардатовского уезда Симбирской губернии в семье священника. Образование получил в Ардатовском духовном училище и Симбирской духовной семинарии. В 1882 году со степенью кандидата богословия окончил Киевскую духовную академию и был назначен преподавателем русского языка в Киево-Подольское духовное училище, в 1890 году – в Киевскую духовную семинарию, в 1892 году – в Киевский институт благородных девиц. В 1902 году стал инициатором создания «Киевского педагогического общества взаимной помощи». Известность он получил благодаря своей активной миссионерской деятельности.

Принимал активное участие в монархическом движении. К 1906-му он был членом Совета Киевской русской монархической партии, а также Киевского отдела Русского собрания (РС).

В распространении крамолы в России Гневушев обвинял С.Ю. Витте, который оказался слишком терпимым в отношении к разрушительной деятельности левых партий. Изданная в 1907-м его работа «Константин Петрович Победоносцев» была выдержана в правомонархическом духе.

В октябре 1906 года в качестве делегата от Киевского союза русских рабочих батюшка участвовал в 3-м Всероссийском съезде Русских людей (Киев), а в апреле 1907 года – в 4-м съезде Русских людей (Москва), где выступал с речью об объединении монархистов.

В феврале 1908 года Гневушев принял постриг с именем Макарий и был рукоположен во иеромонаха. Вскоре он назначен настоятелем Московского Высокоспетровского монастыря и возведен в сан архимандрита. В Москве продолжил своё общественное служение, став активным участником монархического

движения и ближайшим сподвижником председателя Русского монархического союза протоиерея Иоанна Восторгова. В 1909 году был членом организационного комитета по созыву съезда Русских людей. В этом же году, до открытия съезда, архимандрита Макария назначили настоятелем Московского Ново-Спасского ставропигиального монастыря – одной из крупнейших русских обителей.

Помимо общественно-политической он развивал внутрицерковную, миссионерскую деятельность. Большое внимание уделял организации общенародного пения во время богослужений и даже опубликовал в 1912 году работу на эту тему. Архимандрит Макарий большое внимание уделял положению в западных областях России. В начале 1914 года в «Московских ведомостях» опубликовал цикл национально-патриотических статей под названием «Форпосты русские». В том же году в Нижнем Новгороде архимандрит Макарий был посвящён в сан епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Уже в Архиерейском сане он принял участие в совещании монархистов, которое проходило в ноябре 1915 года в Петрограде.

28 января 1917 года, буквально за месяц до начала беспорядков, результатом которых стал государственный переворот, Синодальным указом архиерей Макарий был назначен епископом Орловским и Севским и 25 февраля прибыл в Орёл. Вскоре после Февральской революции начались преследования архиереев-монархистов, в числе гонимых за монархические взгляды оказался и Орловский архипастырь. 27 мая 1917 года состоялось Синодальное определение об увольнении епископа на покой, при этом владыка назначался управляющим Вяземского Спасо-Преображенского монастыря.

Во всех местах пребывания Макария отмечался его талант яркого проповедника. В ноябре 1917 года Синод признал удаление с кафедры владыки Макария незаконным. В апреле–мае 1918 года верующие направили на имя святейшего патриарха Тихона несколько прошений об учреждении Вяземского викариата и назначении епископом Макария. Решение патриарха и синода об учреждении кафедры викарного епископа состоялось в августе 1918 года. Однако дальнейшая судьба архипастыря оказалась в руках чекистов.

23 августа 1918 года Макарий был арестован и отправлен в Смоленскую губернскую тюрьму. После покушения на Ленина его участь была предрешена. Выписка из протокола заседания ЧК Западной области от 4 сентября 1918 года лишена состава преступления и основания для вынесения приговора, однако постановление формулируется предельно кратко: «расстрелять».

Расстрелян архипастырь был в пригороде Смоленска 4 сентября 1918 года. По воспоминаниям его дочери, четырнадцать приговорённых к смерти были доставлены в пустынное место за Смоленском и построены спиной к свежесрытой могиле. Палач подходил к каждому и производил выстрел в лоб. Владыка, находясь в конце шеренги, с четками горячо молился за каждого из казнимых. Застрелен он был последним. Реабилитирован 14 апреля 1993 года прокуратурой Смоленской области. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских на юбилейном Архиерейском соборе РПЦ в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Лев Лютов,

профессор Ульяновского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области



Губернатор Ульяновской области С.И. Морозов поздравляет владыку Анастасия с днём рождения. 27 августа 2015 года

Первые дни служения на земле Симбирской митрополита Анастасия

Решением Священного синода от 13 июля 2015 года главой Симбирской и Новоспасской митрополии назначен митрополит Анастасий.

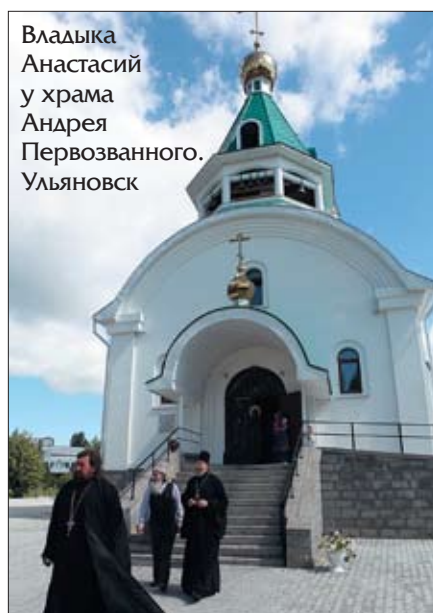
Владыка (в миру Меткин Александр Михайлович) родился 27 августа 1944 года в Калининской области. После окончания школы служил иподиаконом в Успенском храме села Шелкова, с 1967 года – псаломщиком в храмах Казанской епархии. В 1968 году рукоположен во диаконы, в 1972 году – в иереи. 5 сентября 1976 года пострижен в монашество и возведён в сан игумена, а вскоре назначен настоятелем Никольского кафедрального собора г. Казани и секретарём Казанского епархиального управления. В 1985 году возведён в сан архимандрита. Владыка заочно окончил Московскую духовную семинарию, в 1983 году – Московскую духовную академию. 11 декабря 1988 года в Богоявленском кафедральном соборе Москвы хиротонисан во епископы Казанского и Марийского. 25 февраля 1996 года возведён в сан архиепископа, а 6 июня 2012 года назначен главой новообразованной Татарской митрополии. 18 июля того же года возведён в сан митрополита.

Встреча митрополита Симбирского и Новоспасского Анастасия в Ульяновске состоялась 20 июля 2015 года в Спасо-Вознесенском кафедральном соборе. Владыка осмотрел храм Всех Святых, расположенный на территории храмового комплекса Спасо-Вознесенского собора, и приложился к мощам небесного покровителя губернии Андрея Блаженного. Затем осмотрел кафедральный собор и в сопровождении духовенства последовал в крипту, где погребён владыка Прокл, чтобы совершить заупокойную литию.

С первого дня приезда на Симбирскую землю труды и дни владыки Анастасия насыщены пастырским служением. Уже на следующий день после прибытия он посетил женский монастырь Михаила Архангела, расположенный в селе Комаровка Ульяновского района. Осмотрев хозяйственные постройки обители, он высоко оценил труд игуменнии Магдалины и насельниц монастыря. В этот же день владыка нанёс пастырский визит в возрождающийся женский Спасский монастырь в центре города.

10 августа состоялась встреча губернатора Ульяновской области С.И. Морозова с новым митрополитом. Владыка искренне поблагодарил главу губернии за труды по восстановлению храмов и духовно-воспитательную работу. Сергей Иванович Морозов, в свою очередь, заверил нового главу

Симбирской митрополии во всесторонней поддержке со стороны правительства региона.



Владыка Анастасий у храма Андрея Первозванного. Ульяновск

12 августа 2015 года митрополит Анастасий объехал храмы при медицинских учреждениях Ульяновска. В первую очередь посетил областной хоспис, затем побывал в часовне во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», расположенной на территории Ульяновского областного клинического центра. В центральной городской больнице в Заволжском районе Ульяновска митрополит Анастасий

осмотрел храм во имя святых бессребреников Кира и Иоанна, ознакомился с текущими строительными работами в храме. В Новом городе митрополит Анастасий посетил храм Андрея Первозванного, расположенный на территории родильного дома на проспекте Сулова. Свой объезд он завершил посещением церкви в честь святых врачей бессребреников Космы и Дамиана при областной клинической больнице.

14 августа митрополит Анастасий посетил Сурское, где в Никольском храме посёлка отслужил Божественную литургию. В этот день начался пост в честь Успения Пресвятой Богородицы. Обращаясь к пастве, владыка призвал к молитвенному подвигу: «Пост – это испытание нашей верности Господу, верности Царице Небесной».

27 августа митрополита Симбирского и Новоспасского Анастасия поздравил с днём рождения губернатор Ульяновской области. Как признался сам владыка, он обычно не празднует день рождения и был немало удивлён таким вниманием со стороны руководства области: Сергей Иванович Морозов сам приехал в управление Симбирской епархией и вручил владыке подарок – коллекционное издание книги уроженца Симбирской земли Н.М. Карамзина «История государства Российского».

Так началось служение на земле Симбирской нового митрополита.

Фото Нафанаила

О времени и о себе

Интервью
с митрополитом
Симбирским
и Новоспасским
Анастасием



– Владыка, расскажите о себе: как Вы пришли к Богу?

– Я вырос в церкви. Можно даже сказать, родился в церкви: мама была певчей в храме и носила меня в утробе. Отец, хотя и не проявлял своей веры открыто, был близок к Богу. Он прошёл войну, потерял пятерых братьев, был одухотворён. Очень любил иконы. Бывало, принесёт цветы, поставит у икон.

Церковь с первых лет жизни была для меня родным домом. Но хрущёвские годы – тяжелейшие: шла борьба с религией. Я мечтал поступить в семинарию, но это было невозможно. Поступить верующему человеку даже в простое учебное заведение было не просто. Руководство района требовало, чтобы я написал отречение от Бога: мол, заблуждался, попал в религиозные сети из-за родителей. Моих родителей хотели лишиться родительских прав, потому что я читал и пел на клиросе. Направили меня в строительное училище, но я потом сбежал оттуда.

Меня приютил владыка Михаил Воскресенский в Казани – он стал моим духовным отцом. Я начал служить псаломщиком. Окончил духовную семинарию, затем Московскую духовную академию. Казань стала мне родным городом. То были годы хрущёвского гонения на церковь. Храмы закрывали. Пропаганда была такая: «Вот идёт последний священник – все храмы скоро закроются». Я так не думал. И ведь

наступило другое время: церковь ожила. Сбылась и мечта моей жизни. Когда я учился в академии, постоянно ездил в Загорск на службы – вот была радость! А теперь оказался в Симбирске. Этот город мне дорог и близок.

– Владыка, прошёл месяц, как Вы на Симбирской кафедре. Ваше мнение о конфликтной ситуации, которая здесь произошла?

– В Дивееве мне сказали: «Владыко, это ваша Голгофа, но мы вместе с вами». Это главное. А люди – Бог им судья... Не нам кого-то судить. У нас есть один Судья. Если человек говорит со злобой, он говорит от «врага человеческого». Бог есть Любовь. Пребывающий в любви – в Боге пребывает. Этим мы испытываем себя каждый день.

Я рад, что оказался в Симбирске. Не ожидал такого приёма от губернатора и мэра. Удивляюсь: представители власти сами приходят и спрашивают, как оказать содействие. И народ очень добрый.

– Вы ведь были знакомы с владыкой Проклом? Расскажите о своём к нему отношении.

– С владыкой Проклом я познакомился давно. Я служил в Казани, и однажды мы с друзьями поехали в Ленинград. Приехали, но не могли никуда устроиться – в гостиницах не было мест. И мы обратились к отцу Проклу –

он тогда был простым священником. Он познакомил нас с Марией Васильевной Дюбельской, регентом Никольского собора. Она предоставила нам квартиру около Дворцовой площади: мебель старинная, всюду картины. Нам казалось, мы окунулись в дореволюционное время. А Прокл водил нас по Ленинграду, знакомил с достопримечательностями. Хиротония у него была раньше моей на год. Я его очень уважал. Жаль, что не смог присутствовать на его погребении. Зато теперь мы рядом, разговариваем, я ворчу на него. Сегодня должны привезти его портрет – пусть люди обращаются к нему за поддержкой. Их молитвы будут достигать престола Божия.

– Скажите, владыка, как приобщать детей к церкви?

– За воспитание детей отвечают родители. Помню, в детстве, когда мы ложились спать, мама напоминала: почитай «Отче» наш или «Верую». Идём вечером с отцом от бабушки, он говорит: «Смотри, звёзды на небе. Это ангелы лампы зажигают. Сейчас придём домой и тоже лампадку зажжём».

Или идём с мамой, на небе луна. Мама говорит: «Видишь, Каин убил Авеля и теперь собирает по кусочкам. Потом Авель снова рассыплется – и опять Каин будет его собирать». Библейскую историю можно рассказать. Это могут делать родители. Нужно связывать церковную историю со своей



Владыка Анастасий
в храме Трёх святителей.
10 августа 2015 года

Встреча мошей
святого равноапостольного князя
Владимира, крестителя.
23 августа 2015 года



жизнью. Напоминать, что просили у Бога и у Божией Матери и как эта помощь пришла. Семья – малая церковь. А уже потом, позже – воскресная школа.

– Дорогой владыка, есть ещё вопросы, которые задают наши читатели. Вот, например: почему тяжело готовиться к исповеди?

– Исповедь – это исправление всей твоей жизни. К исповеди надо готовиться с размышлением о своей жизни: насколько я приблизился или отдалился от Бога. Может быть, это последняя твоя исповедь! Нужно осознавать, что земная жизнь – это приготовление к жизни вечной.

– Сейчас в СМИ обсуждается вопрос, можно ли перевести церковные службы на современный язык? Старославянский язык мало понятен.

– Я человек старой традиции. Старославянский язык – самый прекрасный. Он возвышает людей. Это наша традиция. Нужно сблизиться с языком церковных песнопений, чтобы проникнуть в их глубину. Деяния апостолов я всегда читаю на старославянском языке. На этом языке говорили наши предки. Да, некоторые слова можно изменять, но переходить на современный русский язык нельзя.

– Бог учит любить людей. А как быть с конкурентами?

– Господь дал нам заповедь: возлюби ближнего, как самого себя. Надо стяжать добродетель – любовь к ближнему. Как можно любить Бога, если не любить ближнего? Где нет любви, там нет и Бога. Да, за врагов молиться очень

трудно. Но ведь каждый человек есть образ Божий. Пока человек жив, у него есть возможность спастись. Возможно, человек, которого ты презираешь, в последнюю минуту будет спасён. Недаром сказано: блаженны нищие духом.

Надо доверить себя целиком Богу. Счастлив тот, кто нашёл для себя духовного руководителя. Трудно найти духовника. А какие у нас были духовные ориентиры! Игнатий Брянчанинов, Иоанн Затворник, Иоанн Кронштадтский, Иоанн Крестьянкин.

– А как Вы познакомились с отцом Иоанном Крестьянкиным?

– 1960-е – это годы торжества атеизма. Я был в сане дьякона, но думал, как жить дальше, меня одолевали сомнения. Батюшка, отец Герман Красильников, посоветовал мне поехать в Псково-Печерский монастырь. Сам он прошёл через большие испытания, сидел за свои убеждения, а помочь мне не смог. Приехал я в монастырь. Наместник, отец Алипий, продержал меня в монастыре два месяца. Мы общались с отцом Иоанном, но коротко – он ко мне приглядывался. А отец Алипий отобрал у меня документы и сказал: «Не отпускаю тебя из монастыря». Я оторопел: «Меня же в запрет отправят, если я не вернусь». Наконец, состоялась беседа с отцом Иоанном Крестьянкиным. Мы часа три говорили. Вроде бы ни о чём. Я рассказал, что со мной происходит. Батюшка дал благословение. Я вышел из его кельи в слезах. Был праздник «Отдание Пасхи». Иоанн Крестьянкин служил в храме – он летал. В тот день его приветствие «Христос Воскресе!» изменило всю мою жизнь. Когда я вернулся и принял постриг, меня назвали

Анастасий – воскресший. Отец Иоанн является идеалом пастырства. Счастлив тот человек, который с ним общался.

– Владыка, почему Господь допускает нападки?

– Каждый человек должен пройти через свою Голгофу – без ропота, без уныния. Мы часто повторяем: «Да будет воля Твоя!» Но так ли это на самом деле? Нет, я сам по себе, сам хочу в данный момент решить так, как мне хочется! Когда человек в жизненном испытании искренне говорит: «Да будет воля Твоя» – он вручает себя воле Божией. Испытания – для пользы нашей. С Богом нам не страшны жизненные коллизии, в которые мы попадаем.

– Что для Вас самое главное?

– Проявлять любовь ко всем людям. Как преподобный Серафим обращался: «Радость моя, Христос Воскресе». Он мне очень близок. Святой Серафим закрывался в келье, убегал в пустыньку и стяжал дар Святого Духа. Нам надо подражать молитвенному подвигу. Нельзя выкладываться полностью – на людей, на телевидение: духовное опустошение рождает мерзость запустения.

А мир озлоблен... Трагедия в Раю разобщила род человеческий. Конфликты происходят и будут происходить. Надо сосредотачиваться не на конфликтах, а на том, присутствует ли Бог в моей жизни. А где Господь? Может быть, я прогнал его из моей жизни. Если бы мы приближали Бога, то не было бы конфликтов.

С митрополитом
Симбирским и Новоспаским беседовал

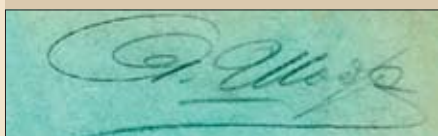
Нафанаил

Фото Нафанаила

Личные книги знаменитых архитекторов

Архитекторы Август Шодэ, Фёдор Ливчак и Феофан Вольсов украсили наш город множеством прекрасных зданий, без которых невозможно представить современный Ульяновск. Многие строения сохранились до наших дней, в них воплощены художественные черты, строительные и инженерные достижения отечественной архитектуры начала XX столетия. В своей работе выдающиеся мастера, отличающиеся необыкновенным трудолюбием, пользовались книгами, учебными пособиями и справочными изданиями, которые до сих пор хранятся в Ульяновской областной научной библиотеке.

Конволют Августа Шодэ



В 2014 году, в год 150-летия известного симбирского архитектора Августа Августовича Шодэ, к нему было приковано повышенное внимание общественности, средств массовой информации. Тогда же были сделаны удачные находки в фондах Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина (УОНБ). Автор статьи обнаружила в хранилищах библиотеки небольшой конволют (так назывались соединённые под одним переплётном изданием) из пяти книг. На трёх книгах есть владельческие надписи А.А. Шодэ, а на корешке переплётного его суперэкслибрис: «А.Ш.». Эти книги, без сомнения, принадлежали архитектору, и он использовал их в своей работе. Об этом говорят его пометы карандашом на некоторых страницах. Все три книги, принадлежавшие Шодэ, имеют одного автора – В.Ф. Харламова: «Проект бани с прачечной и сушильной» (СПб., 1898); «Проект двух молочных с жильём для мастерицы и ледником» (СПб., 1898); «Полы и потолки жилых и нежилых строений» (СПб., 1896).

Есть в УОНБ и особая книга «Мотивы деревянной архитектуры» (СПб., 1903). На форзаце надпись: «Из книг Ф.О. Ливчака». На этой же книге есть суперэкслибрис и Ф.Е. Вольсова. Для нас остаётся загадкой то, что на одной и той же книге стоит штемпель одного архитектора, а суперэкслибрис другого. Скорее всего, они оба пользовались книгой.

Архитектор-новатор



На титульном листе и страницах 24 и 42 книги Лукашевича С.Б. «Курс отопления и вентиляции, преподаваемый в Институте гражданских инженеров» стоит штемпель: «Ф.И. Ливчака». На корешке переплётного – суперэкслибрис: «Ф.Л.»

Фёдор Осипович Ливчак жил и работал в Симбирске с 1906-го по 1918 год. Сначала в качестве городского архитектора, а затем – заведующего строительным отделом Симбирской земской управы. К числу его первых работ в Симбирске относятся доходный дом Е.М. Зеленковой (ул. Гончарова, 12), церковь Воскресения на ул. Карла Маркса. Затем архитектор составил проекты на строительство ряда важных общественных зданий.

1909 год – начало творческого расцвета мастера. Он создал проект симбирского отделения Крестьянского поземельного банка (корпус УлГУ, ул. Льва Толстого, 42). Под руководством Ф.О. Ливчака и по его проекту в 1910 году губернское земство строит бетонный завод для производства пустотелых блоков. Этот материал архитектор широко применял в работе. Последняя из известных его работ – дом симбирского купца С.С. Боконина 1916 года постройки (ул. Радищева, 4), известный как «Теремок».

Ф.О. Ливчак является автором 13 опубликованных работ. Три из них хранятся в УОНБ, а также две книги с владельческими пометами Ливчака.

Знарок искусств и литературы



Штемпель Ф.Е. Вольсова

Архитектор, гражданский инженер Феофан Евтихиевич Вольсов (1879–1945) сменил своего друга Ливчака на посту городского архитектора в городской управе Симбирска. Двадцать четыре года своей жизни Ф.Е. Вольсов отдал Симбирску-Ульяновску. Меньше чем за семь лет по проектам Вольсова было построено свыше двух десятков зданий, и поныне не утративших своей оригинальности.

В 1921 году архитектор работал в губернской секции музеев и охраны памятников искусства и старины. В 1927–1928 годах занимался реставрацией будущего Дома-музея В.И. Ленина, стал автором проекта памятника жертвам революции (на Новом Венце). В советское время работал на руководящих должностях. В 1934 году его перевели в Москву. В 1943 году ему была присвоена учёная степень кандидата технических наук за работу «Проектирование на оползневых склонах».

В УОНБ хранятся две книги с владельческими пометами архитектора Феоана Евтихиевича Вольсова, изданные в Санкт-Петербурге: «Володихин И.П. Архитектурный стиль» (1898) и «Попов Я.И. Стропила, кровли и обрешётки» (1902).

Лариса Брюхович



В боях за Кёнигсберг

Танк Т-34 № 222 теперь памятник, на его постаменте надпись: «Подвиг ваш – бессмертен. Память о вас – вечна. При штурме и взятии города-крепости Кёнигсберг 6-9 апреля 1945 года проявили беспримерный героизм советские войны-танкисты. Этот танк Т-34 – непосредственный участник боёв за город. Установлен на пьедестал в знак памяти калининградцев о подвиге героев-танкистов». Калининград, Май 2015 года

В годы Великой Отечественной войны советские бронетанковые войска вписали особую страницу в летопись окончательного разгрома врага на территории Восточной Пруссии. На её территории воевали и сотни наших земляков. Имена погибших и захороненных здесь вписаны в ульяновскую областную Книгу Памяти, а те из них, кто вернулся с чужбины к родному порогу, занесены в областную памятную книгу «Солдаты Победы». У многих среди наград медаль «За взятие Кёнигсберга».

На территории бывшей Восточной Пруссии сегодня звучит своя, особая тема, посвящённая танкистам времён Великой Отечественной. Мой фотообъектив запечатлел в самом центре Калининграда, на пересечении улиц генерала-танкиста Героя Советского Союза А. Соммера и маршала дважды Героя Советского Союза К. Рокоссовского боевой танк Т-34, считавшийся в годы Второй мировой неуничтожаемой боевой машиной. Даже подбитый Т-34 легко ремонтировался в полевых условиях и фактически выигрывал противостояние с гит-

леровскими «Пантерами» и «Тиграми».

Тридцать пять лет тому назад в современном Калининграде навечно встал на пьедестал непосредственный участник боёв за город танк Т-34 с № 222. На территории бывшей Восточной Пруссии, в городе Краснознаменске Калининградской области, уже четверть века как обрёл вечный пьедестал и танк ИС-3. Это один из 1600 образцов, выпущенных Челябинским тракторным заводом в годы войны. Его «собрат» под № 312 высится сегодня возле ульяновского парка Победы как памятник танкистам-ульяновцам.

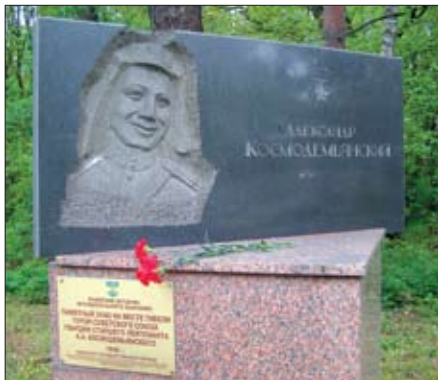
Историческая справка.

В Ульяновске в годы Великой Отечественной войны базировались два танковых училища. Эвакуированное в 1941 году Минское танковое училище имени М. Калинина действовало в городе до 1946 года. Ульяновское гвардейское танковое училище, открытое в первые годы советской власти, уже в первой половине 1941-го сделало пять ускоренных выпусков – 536 командиров танков, 138 военных техников и 32 автотехника. Здесь обучали по программам среднего танка, тяжёлого танка «КВ» («Клим Ворошилов») и готовили командиров тяжёлых танков «ИС» для гвардейских танковых частей. Среди выпускников училища 93 Героя Советского Союза, два Героя Социалистического Труда и шесть Героев Российской Федерации.

В 1991 году Ульяновское гвардейское высшее танковое командное, дважды Краснознамённое, ордена Красной Звезды училище им. В.И. Ленина было преобразовано в Ульяновское суворовское военное училище, которое унаследовало его награды и наименование «гвардейское».

В бой за родину и Зою

Дорога из Калининграда в город Балтийск, сейчас крупнейшую базу ВМФ России на Балтийском море, а в годы войны форпост гитлеровского военного флота на Балтике порт Пиллау, пролегает через пригород Космодемьянское, переименованный в честь гвардии старшего лейтенанта А. Космодемьянского. Его военная судьба началась в стенах прославленного Ульяновского гвардейского танкового училища.



Стела на трассе Калининград - Балтийск в районе пос. Космодемьянское на месте гибели Героя Советского Союза Александра Космодемьянского. Калининград

Александр Анатольевич Космодемьянский – командир батареи СУ-152 350-го гвардейского тяжёлого самоходного артиллерийского полка 43-й армии 3-го Белорусского фронта, гвардии старший лейтенант.

Родился 27 июля 1925 года в Тамбовской области в семье служащего. В 1930 году переехал с родителями в Москву.

В 1941-м под Москвой гитлеровцы казнили его старшую сестру-партизанку Зою Космодемьянскую. После гибели сестры 16-летний юноша просился на фронт, но в военкомате отказывали из-за возраста.

В ряды РККА Александра Космодемьянского призвали в апреле 1942-го. Через год он окончил ускоренный курс Ульяновского военного танкового училища в звании лейтенанта, которое присваивали особо отличившимся в учёбе курсантам.

Боевое крещение А. Космодемьянский получил 21 октября 1943-го на Западном фронте под Оршей.

Экипаж танка «КВ» гвардии лейтенанта Космодемьянского с надписью на борту «За Зою» первым достиг

вражеской траншеи, огнём и гусеницами проложил путь сопровождавшей его пехоте. В том бою экипаж уничтожил десять блиндажей, несколько орудий, самоходную установку и до роты солдат противника. В октябре 1943-го газета «Правда» в сообщениях из действующей армии писала: «Части энского соединения добивают в ожесточённых боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты которой в октябре 1941 года в деревне Петришево замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую... Здесь отважно сражается и мстит за сестру её брат – комсомолец-танкист гвардии лейтенант Космодемьянский. В последнем бою экипаж танка «КВ» под командованием тов. Космодемьянского первым ворвался во вражескую оборону, расстреливая и давя гусеницами гитлеровцев...»

Позже Александр участвовал в освобождении Белоруссии и Прибалтики, в прорыве рубежей немецкой обороны в Восточной Пруссии.

Вот что, в частности, констатировали боевые хроники штурма крепости Кёнигсберг.

Командир самоходной установки 350-го гвардейского тяжёлого самоходного артиллерийского полка 43-й армии 3-го Белорусского фронта гвардии старший лейтенант Космодемьянский 6 апреля 1945 года под артиллерийским и миномётным огнём противника преодолел канал Ландграбен в черте города, уничтожил артиллерийскую батарею и склад боеприпасов.

Затем, прикрывая огнём действия войск, обеспечил наведение моста через канал и переправу советских танков и самоходных установок. За смелость и находчивость в бою назначен командиром батареи СУ-152.

8 апреля 1945 года в бою северо-западнее Кёнигсберга его батарея, преодолев минное поле и плотный заградительный огонь, первой прорвалась в форт «Королева Луиза» и, нанеся значительный урон противнику мощным огнём, принудила гарнизон форта к капитуляции.

Когда остатки гарнизона Кёнигсберга начали отходить на запад, батарея Космодемьянского оказала поддержку огнём преследовавшим врага нашим стрелковым частям. 13 апреля 1945 года в бою северо-западнее Кёнигсберга батарея Космодемьянского уничтожила четыре вражеские противотанковые пушки, до роты солдат. Но противнику удалось поджечь самоходку Космодемьянского. Выбравшись из пылавшей

машины, Александр вместе с пехотинцами ворвался в населённый пункт и выбил из него противника.

В это время вражеская артиллерия открыла огонь. Старший лейтенант Космодемьянский погиб от осколка вражеского снаряда...

29 июня 1945 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза и навечно зачислили в списки его воинской части.

Похоронен Александр Космодемьянский в Москве на Новодевичьем кладбище рядом с сестрой Зоей Космодемьянской, Героем Советского Союза. Имена брата и сестры Космодемьянских носит одна из улиц российской столицы, в честь Зои названа одна из улиц Калининграда.

Название Космодемьянское получил северо-западный пригород Калининграда. Здесь, на 14-м километре шоссе Калининград - Балтийск, на месте гибели гвардии старшего лейтенанта Александра Космодемьянского сооружён мемориал (1948). У придорожной стелы – застывший след самоходной установки, на красном граните – слова: *«Он был молод, смел и беззаветно любил жизнь, но ещё больше – свою великую родину, за которую отдал самое дорогое – Жизнь... Остановись, товарищ, и поклонись беззаветной верности Отчизне».*

Ушёл на фронт под Сталинград

В самый канун 70-летия Победы на калининградской земле мне довелось познакомиться с гвардии полковником, уроженцем Ульяновска и выпускником Ульяновского гвардейского танкового училища Валентином Николаевичем Гавриловым – участником Сталинградской и Курской битв, освобождения Белоруссии, Латвии и Литвы, Восточно-Прусской операции и штурма Кёнигсберга. Войну Валентин Николаевич закончил начальником штаба танкового батальона, став кавалером четырёх орденов Красной Звезды и четырёх орденов Отечественной войны.

В феврале 2015 года В.Н. Гаврилов был единственным представителем от Калининградской области на торжественном приёме у Президента РФ В.В. Путина в Кремле с вручением медали «70 лет Победы».

Уроженцу Ульяновска исполнилось 92-года, но он и сегодня работает в составе Калининградского Совета ветеранов войны и труда.



«Спасибо прадеду за Победу!»

Ветеран Великой Отечественной
В.Н. Гаврилов в дни празднования
70-летия Победы



Недавнюю майскую встречу мы назначили как раз у того танка Т-34, что символизирует сегодня для калининградцев боевые подвиги танкистов.

Рассказывая о себе, Валентин Николаевич вспоминал в подробностях ульяновские детство и юность. Родился на Нижней Часовне. Отец и мать трудились на заводе им. Володарского. Вместе с Валентином в семье росла сестра. Сам он, будучи хорошим спортсменом-легкоатлетом, мечтал после школы поступить в Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта.

Но началась война. Сообщение о её начале застало юного Гаврилова на волжской пристани: с одноклассниками собрались на экскурсию в Сталинград. Все помчались в военкомат, а там – от ворот поворот: «Подойдёт восемнадцать – пришлём повестку...» Валентин ждал месяц, а потом решил поступить здесь же, в Ульяновске, в танковое училище. Проучился год, стал младшим лейтенантом. И в августе 1942-го командиром танка Т-34 в составе танкового соединения попал под Сталинград. Здесь принял боевое крещение, получил первый орден Красной звезды и назначение командиром танкового взвода.

В декабре 1944-го через Белоруссию, страны Балтии с боями дошли до Восточной Пруссии. Поэтапно выбивали врага и с этой его исконной территории. 4 апреля 1945-го получили приказ выйти на исходные позиции для штурма Кёнигсберга.

Из воспоминаний В.Н. Гаврилова: «Стояла хорошая погода, но 5 апреля пошёл дождь. А потом – обильный снег. Наступление перенесли на 6-е число. После артподготовки пошли в атаку. И впервые за всю войну погодная

«петрушка» получилась. На пути был населённый пункт Зудай. Поля вокруг пруссы по весне вспахали и засеяли. На рыхлую землю насыпало снега. Танк выйдет на пашню, прокрутит гусеницами и сидит на днище. Так засел добрый десяток машин. Экипаж выскакивает, подкладывает под гусеницы бревно, а машина пройдёт на свою длину и вновь садится... А вокруг бой – ещё и стрелять надо. Я же в это время не сидел в танке, а бегал, помогая командиру батальона вытаскивать машины и уточнять боевые задачи. С трудом мы то поле одолели...



Валентин Гаврилов,
курсант Ульяновского
танкового училища

В Кёнигсберг вступили 7 апреля. Первый из нашего батальона танк подорвался на фугасе. Его разнесло в клочья. Ничего не осталось и от экипажа. Вели уличные бои с артиллерией и фаустниками. И никогда так не воевали, как при штурме этой крепости: обычно батальон разворачивается на фронте в 1,5 км и наступает. А тут мы шли в колонне друг за другом: первые три танка

ведут огонь, остальные высматривают, по кому стрелять. Плюс к тому, все улицы были забаррикадированы. Провивались через эти преграды и шли вперёд...»

В Кёнигсберге гв. капитан В. Гаврилов и встретил Победу. До 1956 года командовал в составе танковой группировки батальоном уже в послевоенном Калининграде. Затем получил назначение под Ригу начальником разведки учебной танковой дивизии. Шесть лет находился в Германии и снова вернулся в Калининград.

В армии В.Н. Гаврилов прослужил в общей сложности 36 лет и уволился в запас в звании гвардии полковника в 1973 году. На гражданке продолжал трудиться в различных ведомствах, занимаясь вопросами гражданской обороны и вневедомственной охраны.

В бронетанковых войсках страны давно уже отслужили два сына ветерана Гаврилова (они выпускники Казанского танкового училища) и тоже живут сегодня в Калининграде.

Сам же Валентин Николаевич на следующий день после нашей встречи участвовал вместе с другими ветеранами в калининградском юбилейном параде – кстати, следовал по площади в открытом салоне армейского уазика.

А ещё через день улетел в числе делегатов от Калининградской области в Берлин – навестить в дни 70-летия Победы памятные воинскому сердцу места, чтобы отдать честь павшим на территории Германии соотечественникам.

Лидия Берч

Ульяновск – Калининград – Ульяновск
Май 2015 года

Фото автора

«Проверено военной цензурой»

Просматривая почтовые отправления периода Великой Отечественной войны на встрече филателистов в Москве, я обратил внимание на почтовую карточку с репродукцией знаменитого плаката заслуженного художника России, лауреата двух Государственных премий СССР Виктора Борисовича Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1942). Плакат был впервые опубликован 5 августа 1942 года в газете «Правда». Это был один из самых эмоциональных плакатов того времени, изданный 14-миллионным тиражом. Однако карточка привлекла моё внимание не только своей иллюстрацией. На ней был штамп военной цензуры с названием города Ульяновска.



Лицевая сторона почтовой карточки



Штамп цензуры на оборотной стороне почтовой карточки

Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-37сс «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» вышло 6 июля 1941 года. В нём говорилось о введении военной цензуры в областях, объявленных на военном положении. На вскрытых и просмотренных почтовых отправлениях требовалось ставить штамп «Просмотрено военной цензурой».

Через год военная цензура распространилась на всю почтово-телеграфную корреспонденцию на все области, края, республики Союза ССР.

В конце 1941 года была проведена унификация штампов цензуры, в них появились названия соответствующих городов. Такие штампы цензоры начали применять в начале 1942 года. Они использовались на тыловой корреспонденции во всех республиканских столицах и областных городах и на почтовых отправлениях с весны 1942 года по осень 1943 года.

До 19 января 1943 года Ульяновск не был областным городом, поэтому штамп военной цензуры с наличием на нём надписи «Ульяновск» появился позднее. До получения статуса областного центра почта Ульяновска и прилегающей территории проходила цензуру в Куйбышеве и Пензе. Трудно сказать точно, когда стал использоваться штамп военной цензуры с надписью «Ульяновск». Филателистам-исследователям известно почтовое отправление с ульяновским штампом, отправленное в мае 1943 года. Ульяновский штамп военной цензуры использовался в Ульяновске 5–6 месяцев. То есть что почтовые отправления с ульяновским штампом являются достаточно редким коллекционным материалом.

Данная почтовая карточка вызвала интерес не только иллюстрацией, штампом военной цензуры, а также адресом отправителя. Она была отправлена 7 июня 1943 года из Ульяновска слушателем Курсов усовершенствования командного состава Красной Армии (КУКС КА) «Выстрел». Эти курсы берут своё начало от Высшей стрелковой школы командного состава, которая была учреждена в ноябре 1918 года на базе Ораниенбаумской Офицерской стрелковой школы царской армии для подготовки среднего командного состава. В апреле 1923 года школа получила название Высшей тактико-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел», а в 1935 году стала называться Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел».

С началом войны курсы «Выстрел» были эвакуированы из Солнечногорска Московской области в город Кыштым Челябинской области. С ноября 1941 года филиалы курсов «Выстрел» были организованы в Горьком, Ульяновске, Свердловске, Новосибирске, Архангельске и Орджоникидзе. Работа курсов должна была начинаться с 1 декабря 1941 года. На обучение отводилось два месяца. Занятия полагалось проводить 12 часов в сутки, из них 30 % ночных и не менее 80 % в поле.

Интересной деталью почтовой карточки является то, что в графе «Адрес отправителя» записано: «г. Ульяновск, Гончарова, 39, КУКС КА слушатель Матин Ив.». Однако согласно таблице «Основные местные и эвакуированные в Ульяновск и область предприятия, учреждения и организации в 1941–1945 гг.» (Ефимов Ю.Д., Лосева В.И. «Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны», Краеведческие записки, Выпуск 11, Ульяновск, 2005) место размещения курсов «Выстрел» в Ульяновске – пехотное училище по адресу пл. Марата, 10 (ныне ул. Можайского, 26). Можно предположить, что курсами «Выстрел» использовалось также помещение в доме по адресу ул. Гончарова, д. 39. К сожалению, здания по данному адресу (по нумерации 1941–1945 гг.) в вышеуказанной таблице Ефимова и Лосевой нет.

К таким размышлениям привела почтовая карточка, отправленная 72 года назад из Ульяновска в Ярославскую область.

Виктор Будкевич,

почётный член
Союза филателистов России



Похороненный дважды

А.П. Вострецов
с семьёй.
Радищево

Моего отца Александра Павловича Вострецова в Радищеве мало кто знал, хотя жил он здесь не менее 20 лет. Участник Великой Отечественной войны, инвалид первой группы, он, немощный, придерживаясь за притолоку и подпрыгивая на одной ноге, каждый день выбирался на улицу. Отец не любил никого беспокоить и не хотел демонстрировать свою беспомощность.

Нам, детям, отец запомнился своей весёлостью и шутками. В Кузоватове, где мы жили раньше, к нам любили приезжать из села Никольское (это наша малая родина) приятели отца. В такие дни в избе стоял хохот.

Иногда отец брал опасную бритву, которой брился каждое утро, и начинал сам себя оперировать: вынимал осколки. Бритву предварительно держал над пламенем керосиновой лампы. Выпивал 100 граммов водки и разрезал гнойник. Иногда морщился, доставая осколок. Мы его уговаривали: иди в больницу. Он не соглашался: с такой-то ерундой в больницу? Мы со старшим братом Алексеем подходили потом к нему, жалели и просили рассказать про войну, откуда у него эти осколки.

22 июня 1941 года он был с сыном-дошкольником на базаре, покупал необходимое для хозяйства. Вдруг на базарную площадь ворвался Тимофей Лабутин на коне, одногодок отца, с криком: «Война! Меня председатель прислал. Давай все к конторе!»

Отец не стал слушать бабы вопли, а сразу направился к конторе. Понял: началась большая и долгая война, надо идти в военкомат. Мать не проронила ни слезинки, будто окаменела. Услышав окрик отца, быстро стала собирать котомку, сшитую своими руками. Отец, одеваясь, подсказывал, что нужно

положить. Добровольцев собралось человек десять. Отправились в Кузоватовский военкомат пешком (25 км). В тот же день их оформили и вечером отправили на сборный пункт в Сызрань.

Так началась военная биография нашего отца. В его военном билете записано: участник войны с 22 июня 1941 года. 31 января 1942 года его «похоронили» в братской могиле на Украине близ хутора Бескровный Сталинской области Славянского района. Сейчас это Новороссия, многострадальный юго-восток (Донбасс). В списке погибших (безвозвратные потери) он записан под номером 114. Через месяц пришла похоронка. Стоит ли говорить, что это значило для его матери, жены, оставшейся с ребёнком на руках!

А произошло вот что. 31 января 1942 года был страшный бой. Полегла почти вся 275-я стрелковая дивизия 6-й армии, которую после этого боя формировали заново, и она воевала до конца войны, дошла до Берлина. «Как же ты остался жив, ведь вся дивизия погибла? Расскажи», – просили мы. «Долго рассказывать, – возражал отец, а потом соглашался. – Ну, ладно, слушайте. В учебниках эта операция называется как Борвенково-Лозовская. Я с первого дня в пехоте был пулемётчиком. Скоро научился стрелять так, что выигрывал пари. В бою пригодилось. Против нас

выступала хорошо оснащённая, закалённая в боях немецкая армия, а мы уже были вымотаны в боях за оборону Днепропетровска. Не хватало людей, оружия, снарядов, еды. Пополнение прибывало из необстрелянных бойцов, многие из которых гибли в первом же бою. Но сражались мы отважно. Нас становилось всё меньше. Стрелял я по фашистам: за Петра, за Николая, за всех! Оружие забирал у тех, кому оно уже не пригодится. Патроны лежали около каждого убитого. Вдруг рядом разорвалась мина, и я потерял сознание. Очнулся – темно. Страшно болит голова: контузия. Вокруг одни трупы. Увидел на подходе группу немцев. Идут свободно, не таясь, как у себя дома. Я уже немного понимал немецкий язык. Искали раненых, чтобы взять в плен, но были только тяжело раненные, которых они добивали. Шли с фонариками цепью и чем-то тыкали в трупы. Застонет – выстрел в голову. Я понял, что ранен в обе ноги, не уйти и не уползти: потерял много крови. Тогда, преодолевая боль, навалил на себя трупы и усилием воли постарался не потерять сознание, чтобы не застонать. Немцы ткнули в трупы и пошли дальше. Когда их голоса затихли, я пополз в том направлении, откуда они пришли. В сторону, где слышались звуки боя. Помню, что терял сознание и снова полз. Понимал: только движение поможет мне спастись, так как мороз всё крепчал. Ног не чувствовал, они волочились за мной, как будто не мои. К рассвету я понял, что дальше ползти не смогу. Вдруг услышал голоса: свои! И снова потерял сознание. Меня подобрали, удивляясь, как это я смог столько проползти и как вообще выжил в этом аду. Меня отправили в Сталинград, в госпиталь. Ноги я отморозил. Если бы я мог ими двигать, когда полз, наверное, сохранил бы. Военврач постарался: сохранил часть ступней. Доставать все осколки он не стал: не было времени. У тебя, говорит, их столько, что все не вытащить. Они у тебя потом выйдут. Я не знал, что часть осколков застряли в костях, и у меня развился впоследствии остеомиелит». Одну ногу отцу ампутировали уже после войны, и он стал инвалидом первой группы.

Отец дважды попадал в котлы и выходил из них. Сражался храбро, так, что даже в 1941-м, когда награды давали редко, был награждён медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги». Медалью «За отвагу» награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою.

Мария Качалина,
р.п. Радищево



История семьи длинною в век

Виктор Чумаков с дочерью и внуками. Калифорния. 2005

Наша землячка Алевтина Трофимовна Варфоломеева (Чумакова) первые восемнадцать лет своей жизни провела в Средневолжском крае и Ульяновской области. Окончив с золотой медалью инзенскую железнодорожную школу № 19 в 1957 году, поступила на химический факультет Московского государственного университета. В 1962–1964 годах работала в Республике Гвинея, затем защитила кандидатскую и докторскую диссертации. До 2010 года работала в МГУ. С 1991 года всё свободное время вместе с семьёй она проводит в Боровске Калужской области – это место чем-то напоминает ей Никольское-на-Черемшане Ульяновской области.

Её воспоминания об ульяновском крае отражают нелёгкие этапы истории нашей страны и самое неравнодушное отношение автора к происходящему.

Отец

Везение в жизни каждого человека играет немаловажную роль. Самым главным моим везением было родиться в семье замечательных родителей, где уже был мой старший брат. Я была желанной и любимой ещё до рождения.

Отец, Трофим Никифорович Чумаков, родился 14 апреля 1901 года в крестьянской семье в селе Екатеринославка Троицкого района Оренбургской области. Очень рано остался без отца. Мать второй раз вышла замуж, и у него появились два брата и сестра. Трофим с раннего детства освоил все премудрости ведения сельского хозяйства. Окончил три класса церковно-приходской школы. С 1918-го был призван в ряды РККА. После ранения в 1923 году новая

жизнь инвалида Гражданской войны началась с должности председателя сельсовета в Каширском уезде Оренбургской губернии. По правилам того времени место работы менялось практически каждые пять лет: если справился на одном месте, переводили туда, где было хуже. Так папа и перемещался сначала один, а с 1928 года уже с женой по Оренбургской губернии, потом по районам Средневолжского края. С 1934-го по 1949 год мой отец работал на руководящих постах в МТС нынешних Самарской, Пензенской и Ульяновской областей. С августа 1939-го по 1943 год – директором Матвеевской МТС. Время этого перевода было близко к моему рождению, поэтому мама уехала меня рожать к родственникам в Оренбург. Я мало помню себя в Матвеевке.

Никольское-на-Черемшане

С марта 1943 года мой отец – директор МТС в Никольском-на-Черемшане. Тогда в селе ещё можно было увидеть дворянское имение Николая Алексеевича Дурасова. В начале XIX века оно было центром усадебной культуры Поволжья с одним из первых в губернии крепостных театров.

Географически этого места теперь больше нет. Теперь оно на дне морском и навсегда – в моём сердце. Это самое моё любимое место на земле. Помню Никольское-на-Черемшане с 1943-го по 1949 годы в мельчайших подробностях, кажется, до каждой песчинки на берегу Черемшана.

МТС в Никольском была основана в декабре 1930 года. Её территория



тянулась вдоль берега реки и вся была заставлена сельскохозяйственной техникой. С одной стороны, ближе к бывшей помещицкой усадьбе, в которой располагались средняя школа, интернат и квартиры учителей, были ремонтные мастерские и правление МТС. На другой стороне стоял деревянный дом бывшего управляющего усадьбой. В этом большом доме мы жили. В просторной кухне стояла русская печь с широким устьем и высоким подом. В этой печи мама не только готовила обычную еду, пекла хлеб, но и мыла меня.

Прямо от дома высокий песчаный берег спускался к реке. Справа по реке стояла мельница – военный охраняемый объект. За мельницей была больница с замечательным главным врачом Галиной Сергеевной, которая была нашим домашним доктором. По её совету мама возила меня во время коклюша на пароходе «Кольцов» по Волге от Старой Майны до Ульяновска и обратно.

Чуть дальше больницы жила семья горшечников, с которой мы дружили. Рядом был родник с вкуснейшей водой. Мне разрешалось бегать туда одной. Я могла долго смотреть на гончарные круги, на которых из комков глины вырастали горшки и кувшины. Мне делали простенькие игрушки и самой давали круг покрутить. Самым завораживающим зрелищем было вскрывание ямы с изделиями после обжига, когда все одинаково красно-коричневые матовые изделия вдруг оказывались блестящими и разноцветными. До сих пор у меня в доме живут кувшин, подаренный папе в 1947 году (он подписан), и горшок (балакирь).

Иногда в выходной или праздник я ходила с папой через красивейший парк с прудами и горбатыми мостиками туда, где за парком начиналось село. Там была очень необычная пивная. Скорее, это был шахматный клуб под открытым небом. Шахматы стояли на всех столиках. Разливальщик пива был заядлым шахматистом. Он играл с посетителями одновременно на нескольких досках. Папа тоже неплохо играл.

Помню детский дом в селе. Он располагался в небольшом белом кирпичном доме. Мама дружила с директором, Ириной Вячеславовной. Фамилию я, к сожалению, не знаю. Помню несколько новогодних ёлок, которые мама устраивала у нас дома для детдомовских детей. Было весело. За развлечения отвечал мой брат. Он привлекал к этому делу своих друзей. Один из них замечательно играл на аккордеоне. Мама шила мешочки для подарков,

в которые клала печенья своего изготовления, простенькие конфеты. Иногда были мандарины! Их папа привозил из Магисты, куда ездил подлечивать простреленную ногу.

Мама была мастерица на все руки. Много знала и умела из городской жизни и легко обучалась всем деревенским премудростям. Это было жизненно необходимо, потому что хозяйство было практически натуральным. Купить ничего было нельзя. Мама сама шила нам одежду, ухаживала с помощью моего брата за скотиной (держали корову, поросёнка, кур). У нас в доме часто останавливались разные проверяющие из области и из Москвы. Ведь от работы МТС зависело не только обеспечение фронта и тыла хлебом. МТС ещё были и школами танкистов.



Трофим Никифорович и Мария Степановна Чумаковы. 1929



Пётр Степанович Гревцов, курсант танкового училища в Ульяновске

В 1947 году я пошла в начальную школу, однако школьная жизнь не отложилась в моей памяти. Видимо, потому, что вся моя жизнь крутилась вокруг моего старшего брата и его друзей. Брат очень рано научил меня плавать. Уже в пять лет я переплывала нашу серьёзную реку – Черемшан. На другом берегу начинался лес с ягодами, тёрном и черёмухой.

Основным средством передвижения для папы был тарантас с лошастью. Папа быстро научил меня управлять лошастью, иногда разрешал мне отвезти это транспортное средство от дома

на конюшню. Пару раз брал меня с собой в Мелекесс, где жила семья наших друзей Юкиных (Максим Михайлович Юкин в 1947 году заведовал горкомхозом). Моё самое сильное впечатление от города – огромные вкуснейшие помидоры, которые росли на крохотном городском огорожке Юкиных.

Папа постоянно занимался самообразованием. Читал специальную сельскохозяйственную литературу, часто писал статьи в газеты, виртуозно считал на счётах. Несмотря на хромоту, папа мог управлять любой автомашиной, трактором, знал устройство всех агрегатов и все детали машин. Видимо, это последнее обстоятельство сыграло важную роль в его назначении на следующую работу.

Инза

Летом 1950 года папа получил назначение на должность управляющего межрайонным отделением «Главтотракторсбыта» в Инзу, которое обеспечивало запасными частями МТС и колхозы. На крупную узловую железнодорожную станцию приходили вагоны с запчастями со всей страны. Пришлось расстаться и с любимым мною Никольским, и с обожаемым братом. 10-й класс он оканчивал в Ульяновске. Там, в малосенькой комнате на улице Льва Толстого, в здании бывшей Симбирской удельной конторы, а ныне фармучилища, жил мамин брат Пётр Степанович Гревцов со своей женой и нашей бабушкой. Наш дядя, бывший танкист-инструктор, после войны работал воспитателем в ремесленном училище в Ульяновске.

Отделение «Главтотракторсбыта» располагалось в церкви на Базарной площади Инзы. Там был склад. Когда в новой школе меня спросили, где работает мой папа, я, к великому изумлению всех, ответила: «В церкви». Вскоре отец получил большую территорию на краю огромного оврага напротив моей школы и быстро построил новые склады.

Я невзлюбила Инзу с самого начала. В то время она была мрачным чёрносерым поселением, пропитанным паровой гарью и посыпанным диатомитовой пылью с диатомового комбината. Основное население – железнодорожники: машинисты, кочегары, рабочие депо. На нашу Заводскую улицу выходила проходная лесозавода. Во всей Инзе было лишь два зелёных кусочка: сад за высоким забором у железнодорожной станции, где по выходным

были танцы, и сад у моей школы. Протекавшая в городе речушка Сюксюмка была до того мелкой, что искупаться можно было только у плотины.

Мама уговорила соседей сделать у дома палисадник. Посадили цветочки и американские клёны, которые очень быстро росли. Вслед за нами и другие стали заниматься озеленением.

Мою нелюбовь к Инзе победила любовь к людям, которых я здесь встретила и которые остались моими друзьями на всю жизнь. В 1953 году я пришла в четвёртый класс железнодорожной школы № 19 к учительнице Зое Васильевне Кибардиной. Мы, её ученики, с любовью вспоминаем нашу школу, её директора Елену Николаевну Бурову и всех учителей. Зоя Васильевна Кибардина, заслуженный учитель СССР, награждённая орденом Ленина, приняла меня в четвёртый класс. Это был её последний выпуск начальной школы. В пятом классе она была у нас классным руководителем. Химию преподавала красавица Раиса Яковлевна Фёдорова, приехавшая из Тувы на родину к мужу. Физике нас учил Василий Андреевич Белянин. Его жена, которую мы все побаивались, Ангелина Александровна, вела у нас историю. Математик Николай Зосимович Найдин позже уехал к сыну в Ленинград, где стал преподавать в технологическом институте. Русский язык и литературу в 5-8 классах вела Ольга Михайловна Васильева, только что окончившая Саратовский университет, а в старших классах – Александр Павлович Лушин. Александр Дмитриевич Тетерятников, суровый завуч школы, учил географии. Особого упоминания заслуживает наш физрук Николай Дементьевич Киселёв. Он умудрился построить школьный стадион. Наши команды блистали на соревнованиях.

Учительницы французского языка часто менялись, но все были восхитительными. У меня после окончания МГУ оказалась прекрасная языковая база, позволившая мне быстро выучить французский так, что я без труда смогла преподавать на нём химию студентам в африканской Республике Гвинея.

В 1951–1956 годах каждое лето по несколько недель я проводила в Ульяновске. На улицах Льва Толстого, Ленина и Карла Либкнехта я знала все закоулки. Огромные карагачи на Либкнехта я помню практически саженцами. Каждое лето ходила в музей на Венце, заходила в школу № 1, где на мемориальной доске медалистов было имя моего брата (в 1974 году я привозила моих детей из Москвы показать её).

Иногда тётя, которая работала синоптиком, брала меня с собой на работу на аэродром.

Я очень любила Ульяновский драмтеатр. Несколько пьес, которые смотрела там, позже увидела в Москве, но они были не так хороши, как в Ульяновске.



Алевтина Чумакова.
Никольское-на-Чермшане.
1944–1945



Елена Гавриловна Гревцова,
бабушка Феня и Пётр Степанович
Гревцов. Ульяновск. 1947

Село Шуватово Инзенского района

Папина работа в Инзе продолжалось до 1955 года. С целью улучшить агрономическое и зоотехническое обслуживание колхозов партия направила 60 тысяч специалистов на работу в село, в том числе и моего отца. Его новым местом назначения оказался колхоз имени Мичурина в селе Шуватово Инзенского района. Я плакала горючими слезами, потому что накануне осенью мы, шестиклассники, были в этом селе на уборке картошки. Нищета страшная, непролазная грязь. Несколько дней мы ели одну картошку. Иногда с молоком. Папа меня утешал и обещал всё исправить. Я поверила. Мы с мамой остались в Инзе, так как средней школы в селе не было. Ситуация в колхозе изменилась уже через год.

Чтобы заработать деньги для колхоза, мой папа и агроном Анна Ивановна Прохорова нашли самое нестандартное решение. Они купили семена кориандра, о котором мало кто в тех краях слышал, и на свой страх и риск засеяли им небольшое поле. Вручную собрали урожай, обмолотили семена и продали их дорого – то ли пищевикам, то ли фармацевтам. Таким образом, получили деньги, позволившие колхозу начать новую жизнь. Построили летний лагерь для коров. Папа сам возил туда доярок на утреннюю дойку, чтобы они не шли пешком и не уставали, организовал питание для работающих в поле. Очень быстро в Шуватове появились личные мотоциклы, преобразились дома и приусадебные участки. В колхозе начали перерабатывать молоко (получали казеин), картошку (на крахмал). Папа на всех уровнях отстаивал интересы людей хозяйства. Очень быстро колхоз стал миллионером. Анну Ивановну Прохорову выбрали делегатом XX съезда КПСС от Инзенского района Ульяновской области.

Репьёвка

Когда папе исполнилось 60 лет, он не ушёл на пенсию, а стал председателем колхоза им. 40-летия Октября в Репьёвке. Это был пригород Инзы. На новом месте в 1959 году папа организовал кружок для руководящего состава колхоза по изучению «конкретной экономики сельского хозяйства». Не помню точно, когда папа перестал работать. Знаю только, что его связь с бывшими подчинёнными продолжалась практически до его ухода из жизни. Ещё со времён войны он помогал людям разыскивать родственников, выхлопывать пенсии, получать жильё. Например, в начале 1970-х он привёз в Москву сына своего бывшего колхозника, талантливого мальчика, поступать в Литературный институт. Знаю, что мальчик стал успешным журналистом. Когда папе исполнилось 80 лет, мама сказала в шутку, что повесит на двери квартиры табличку с папиным возрастом, чтобы ходяки не рассчитывали на многое. Тем не менее хождения продолжались ещё лет семь.

Я увезла родителей в Москву в 1987 году, когда папе поставили смертельный диагноз. Его похоронили после кремации на Кунцевском кладбище в Москве. Мама, перенесшая пять микроинфарктов, прожила, сохраняя прекрасную память и помогая нам по хозяйству, до 90 лет.



Виктор Трофимович Чумаков

Мой брат, Виктор Трофимович Чумаков, в 1957 году окончил МЭИ имени Молотова. Работал по распределению в Таджикистане на строительстве Кайраккумской и Нурекской ГЭС. Потом руководил монтажом трансформаторов на главной стройке Египта – Асуанской ГЭС, за что был награждён высокой правительственной наградой Египта. Затем были Ленинград, Новгород, Кольский полуостров. С Кольского с очаровательной женой Катей и двумя маленькими детьми он отправился в Сирию на строительство гидроузла Табка. После Сирии работал в Москве во Всесоюзном тресте «Гидроэнергоканалстрой» Минэнерго СССР.



Памятник букве «Ё» в Ульяновске

Фото Павла Шалатина

Виктор Трофимович Чумаков с супругой Катей. Москва. 2011



Брат очень остро переживал события перестройки, уничтожение всего созданного к тому времени. В результате этих переживаний в ноябре 1992 года у него случился острый инфаркт миокарда. В больнице он написал брошюру «Правители России». Несколько позже вместе с молодым тогда историком Евгением Пчёловым они написали книгу с тем же названием. Книга выдержала четыре издания, каждое из которых дополнялось новыми фактами. По словам Е.М. Примакова, получилась книга, «которая

должна быть в каждом русском доме, на каждой кухне, под рукой».

Статьи и книги брата о необходимости обязательного употребления буквы «ё» в печати, об обязательном употреблении знака ударения в географических названиях были высоко оценены профессионалами. Брат был членом Союза писателей России, членом Межведомственной комиссии по русскому языку при Правительстве РФ. При его участии разрабатывался Федеральный закон РФ от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке

Российской Федерации». На основании этого закона под большим нажимом моего брата в 2012 году Министерство образования и науки опубликовало письмо № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах», где говорится об обязательном употреблении буквы «ё» в свидетельствах о рождении, паспортах, свидетельствах на право собственности и т. п.

Теперь у «ё» есть музей – в экспозиции «Город букв» музея «Симбирские типографии» в Ульяновске. В городе есть памятник букве «ё». Губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов в 2007 году издал распоряжение об обязательном употреблении «ё» во всех региональных документах.

Огромное спасибо всем, кто поддерживал Виктора Трофимовича в борьбе за букву «ё». Ведь это борьба за чистоту русского языка!

Брата не стало 17 ноября 2012 года. Незадолго до этого он отметил своё 80-летие в Доме-музее Марины Цветаевой.



Алевтина Варфоломеева и Виктор Чумаков в Доме-музее Марины Цветаевой. 30 октября 2012 года



Виктор Чумаков и Евгений Пчёлов в Доме-музее Марины Цветаевой. 30 октября 2012 года

Алевтина Варфоломеева
Фото из архива автора

Дом для горожан с «интеллектуальными потребностями»



В конце бульвара Новый Венец на изумительной видовой площадке, расположенной у самой кромки волжского косогогора, в начале прошлого века по проекту симбирского архитектора Фёдора Ливчака было выстроено здание, которое сейчас занимает Дом музыки. За последние десятилетия оно прочно закрепилось в сознании горожан как филармония.

Приблизительно на этом месте в середине XVII века стояла одна из угловых башен деревянной крепости Симбирска. Отсюда прекрасно просматривались заволжские дали, а также сама река далеко на юг. Со временем крепостные сооружения потеряли свою актуальность и разрушились. Во второй половине века XIX-го на этом месте для отдыха горожан был разбит Владимирский сад. В 1897 году Симбирское общественное собрание обратилось в городскую думу с просьбой сдать ему в аренду земельный участок в верхней части Владимирского сада. В том же году за решетчатой изгородью на нём появилось деревянное двухэтажное здание. Правда, теперь собрание стало именоваться Клубом соединённого общества г. Симбирска. Это было своего рода привилегированное полузакрытое коммерческое учреждение, обеспечивающее культурный досуг обеспеченных граждан — чиновников средней руки, землевладельцев, купцов и разночинцев. Здесь устраивались концерты, танцевальные вечера, маскарады, благотворительные спектакли, а также званые обеды

и ужины. Вход, особенно в вечернее и ночное время, был строго по членским билетам.

Через десять лет в декабре 1907 года Симбирское общественное собрание вновь обратилось в городскую думу с прошением о приобретении небольшого участка (250 кв. саж.) на Новом Венце для строительства собственного здания взамен существующего старого. Новое здание должно было служить интересам «всех сословий, всех классов города, вытекающих из интеллектуальных потребностей горожан» не только летом, но и зимой.

Городская управа откликнулась на просьбу, но со своей стороны выдвинула условие — клуб должен был за свой счёт выстроить перед зданием мостовую шириной в четыре сажени с тротуарами и поддерживать её в достойном состоянии. Ещё одно неперемное требование самих членов клуба — высокая эстетическая составляющая здания: «Новое здание клуба должно явиться украшением города. При том оно будет расположено на видном месте города, куда всех горожан с ранней весны тянет вид на Волгу и чудную даль...».

На заседании строительной комиссии Симбирского общественного собрания, состоявшемся в апреле 1908 года, было принято решение «возвести сплошь каменное здание». Но строить такое тяжёлое здание на краю оползневой зоны было слишком опасно. Поэтому стройку перенесли дальше от края Венца.

Проект здания, разработанный Ф.О. Ливчаком в 1909–1910 годы, до сих пор обнаружить не удалось. Однако известно, что при работе над ним автор учитывал сложность рельефа волжского косогогора и разработал композицию здания так, чтобы оно хорошо просматривалось со всех сторон, в том числе и с Волги. Недаром его по аналогии с известным крымским замком нередко называли симбирским «Ласточкиным гнездом».

Очень красивый вид на строение открывается с пешеходного бульвара Новый Венец. Ассиметрично построенный главный фасад здания решён в неоклассических формах. Угловая башня с размещённой в ней лестничными пролётами представляет собой одновременно и вертикальный акцент



в силуэте здания, и ядро жёсткости со стороны косогора, а также придаёт всему сооружению устойчивое равновесие.

В то же время видны приёмы модерна. Они прослеживаются в решении объёмной композиции и в асимметричности фасадов. В начале века, судя по старым открыткам, соотношение конструктивных частей здания и архитектурных элементов на фасаде подчёркивалось контрастным сочетанием светлого декора и тёмного фона окрашенных стен.

По своей сути здание представляло собой Народный дом, мода на которые появилась в России в начале XX века. Такие дома служили не только для представителей обеспеченных слоёв общества, но были призваны удовлетворять потребности «всех сословий, всех классов». Здесь предполагалось проводить танцевальные и музыкальные вечера, занятия народного университета, давать спектакли, читать лекции, устраивать выставки.

Весной 1918 года при Народном доме действовали драматическая студия, музыкально-вокальные кружки, библиотека-читальня, Центрогазета, Центрокино, Центросад, кружок по ликвидации безграмотности.

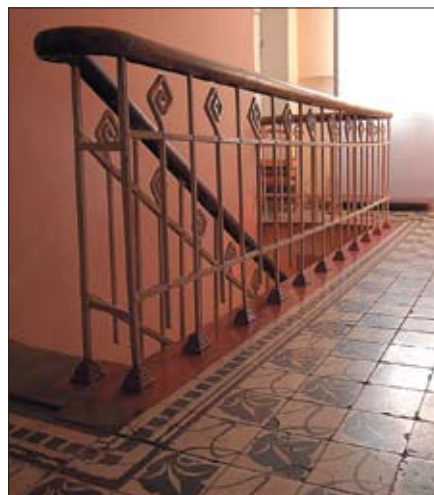
В июле того же года после взятия Симбирска Народной армией и частями белочехов здание было возвращено прежним владельцам. В Общественном собрании возобновились культурно-развлекательные мероприятия, в том числе игра в лото и бильярд, спектакли и концерты гастролирующих артистов. Например, в августе состоялось несколько благотворительных спектаклей, весь сбор от которых пошёл на нужды Народной армии и помощь раненым. Последними двумя концертами, организованными «старым режимом», стали концерты виолончелиста-виртуоза лауреата Брюссельской консерватории Ю. Ван Орена и артистки русской оперы Г. Жуковской (сопрано).

12 сентября 1918 года красные взяли Симбирск. Покидая город, «белочехи вывезли из города музыкальные инструменты, реквизит и ценное оборудование, находившиеся в Народном Доме, а декорации и прочий инвентарь иscalечили, а также было испорчено центральное отопление».

Через полгода Народный дом, получивший имя Якова Свердлова, как и находящийся по соседству Владимирский сад, возобновил свою работу. В нём снова собирались горожане всех сословий – и с «интеллигентными

потребностями», и без них. Тогда впервые серьёзно изменили облик здания: угловую веранду на втором этаже сделали закрытым помещением. Впоследствии здание претерпело немало перестроек, так как в тридцатые годы оно утратило свою первоначальную функцию. Сначала оно превратилось в кинотеатр «Красная звезда», а затем до конца Великой Отечественной войны здесь работала швейная фабрика № 5.

Лишь после войны симбирское «ласточкинское гнездо» вновь стало «обителью муз». После образования в 1943 году Ульяновской области, в 1947 году здание отдала областной филармонии. В 1950-е годы по проекту архитекторов Хайтана и Антипова была проведена реконструкция интерьера: в частности, было заменено парапетное ограждение углового лестничного объёма и заложены некоторые окна и двери.



Стилизованные тюльпаны ограждения и напольной плитки – дыхание модерна

В 1972 году институт «Ульяновскгражданпроект» совместно с коллегами из КазТИСИЗа и «Главульяновскстроя» обследовал техническое состояние здания. Одновременно была сделана фотофиксация отдельных фрагментов здания. Тогда же впервые были проведены масштабные ремонтные работы, в том числе укрепили перекрытие под сценой, выполнили новое перекрытие концертного зала, заменили деревянные перекрытия в помещении вестибюля, частично усилили фундаменты.

Больше чем за сто лет существования первоначальный облик здания претерпел изменения, отрицательно повлиявшие на его внешний вид и интерьеры. Только в некоторых помещениях сохранились лепные тяги на потолках,

филёнки в виде переплетённых лент на стенах, потолочные розетки. Лишь декоративное металлическое ограждение главной мраморной лестницы, выполненное в виде стилизованных цветов-тюльпанов, напоминает о роскоши прежней отделки, да полы на площадках лестницы – декоративные плиточные исторические со стилизованным изображением цветов (тюльпанов), сочетающиеся с декором чугунных ограждений.

15 февраля 2008 года Комитетом Ульяновской области по охране объектов культурного наследия было составлено Охранное обязательство № П-08-05 на выявленный объект культурного наследия «Здание Общественного собрания». На основании этого документа здание предназначено исключительно для театральных и зрелищных предприятий.

В Доме музыки, как и в прежние времена, проводятся исключительно такие мероприятия. А людей, имеющих «интеллигентные потребности», за прошедшие 105 лет стало гораздо больше.

Директор, художественный руководитель Ульяновской областной филармонии Лидия Геннадьевна Ларина приглашает всех читателей журнала, посещая концерты в Доме музыки, взглянуть на него с новой точки зрения: «Здание Симбирского общественного собрания, знаковое для Симбирска-Ульяновска, построенное по проекту Фёдора Ливчака. Символично, что именно здесь располагается Дом музыки – Ульяновская областная филармония. Архитектура мастера подобна застывшей в камне музыке. Она вдохновляет и во многом определяет облик провинциального Поволжья. Ульяновский Дом музыки в год 105-летия здания Симбирского общественного собрания предлагает ульяновцам новую форму сопричастности к истории региона – проект «Душевно ваш, Ливчак». Вместе с нашими партнёрами – киноцентром «Художественный» и музеем-заповедником «Родина В.И. Ленина» – приглашаем всех горожан и гостей на площадки знаменитых зданий, чтобы послушать концерт, посмотреть фильм, сходить в музей. Речь идёт об общем билете, купив который, ульяновцы получают возможность ещё раз прикоснуться к истории, ощутить связь с прошлым».

Лидия Янушевская

По материалам исторической справки
Юрия Козлова

Фото Сергея Ойкина